Ш. Б. НОГМОВ

ИСТОРИЯ АДЫХЕЙСКОГО НАРОДА

НАЛЬЧИК 1994

Ш.Б.НОГМОВ ИСТОРИЯ АДЫХЕЙСКОГО НАРОДА

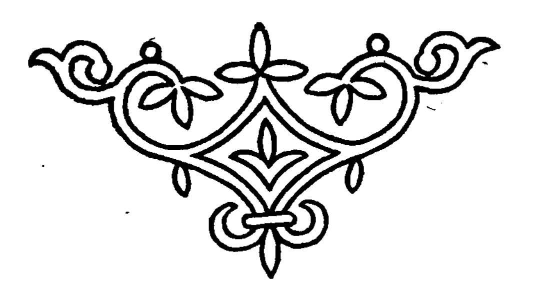

Ш. Б. Ногмов. Художник И. В. Балицкий. 1950-е годы.

Ш. Б. НОГМОВ

ИСТОРИЯ АДЫХЕЙСКОГО НАРОДА

СОСТАВЛЕННАЯ ПО ПРЕДАНИЯМ КАБАРДИНЦЕВ

Вступительная статья и подготовка текста
доктора исторических наук,
академика Адыгской (Черкесской) Академии
профессора Т. Х. КУМЫКОВА

НАЛЬЧИК • «ЭЛЬБРУС* - 1994

Научное издание

Ногмов Шора Бекмурзовнч

ИСТОРИЯ АДЫХЕИСКОГО НАРОДА

Составленная по преданиям кабардинцев

Редактор ***А. Т. Куантов.*** Художник ***И. Г. Абрамов.*** Художественный редактор ***В. Л. Захохов.*** Технический редактор ***Л. А. Тлупова.*** Корректор ***Е. Е. Терушкина.*** ЛКБ № 1 от 30.09.91. Сдано в набор **11.11.93.** Подписано к печати 15.04.94. Формат 84X108732. Бумага офсетная № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 12,18. Уч.-изд. л. 13,69. Дополнительный тираж 2000. Заказ № 4565. Издательство «Эльбрус». Нальчик, ул. Адмирала Головко, 6. Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года Мининформпечати КБР. Нальчик, пр. Ленина, 33

0503020900-012
Н М125(03Ь94 Без объявления

15ВЫ 5-7680-0850-0

ПРЕДИСЛОВИЕ К НАСТОЯЩЕМУ ИЗДАНИЮ

Ш. Б. Ногмов вошел в историю Кавказа как историк, филолог, просветитель и мыслитель. Его филологические труды изданы в двух томах. «История адыхейского народа» составляет третий том его сочинений.

Труд Ш. Б. Ногмова «История адыхейского народа» приобрел популярность. Впервые выборки из «Истории» Ш. Б. Ногмова были опубликованы в газете «Закавказский вестник» в 1847 г. под названием «О Кабарде» Затем в 1849 г. в газете «Кавказ» появились фрагменты под названием: «О быте, нравах и обычаях древних адыхейских народов или черкесских племен». В виде отдельной книги «История» Ш. Б. Ногмова появилась на свет в 1861 г. благодаря стараниям известного кавказоведа А. П. Берже. Спустя пять лет, в 1866 г., А. П. Берже издал ее в Лейпциге на немецком языке под названием «Сказания и песни черкесского народа». Это было по сути четвертым изданием «Истории» Ш. Б. Ногмова.

В 1893 г. сын Ногмова Ерустам переиздает «Историю» своего отца в Пятигорске с незначительными редакторскими исправлениями.

После 1917 г. «История» Ш. Б. Ногмова переиздавалась четыре раза (1947, 1958, 1959 (на кабардинском языке) и 1982 гг.): Таким образом, она издавалась 8 раз, но тем не менее интерес ученых-кавказоведов и читателей к «Истории» Ногмова не ослабевает у нас в стране и за ее пределами. Около 3 млн черкесов живут в 40 странах мира. Трехмиллионная черкесская (адыгская) диаспора, естественно, интересуется своим знаменитым соотечественником, прославившим свой адыгский народ.

Настоящее издание посвящается 200-летию со дня рождения Ш. Б. Ногмова. Для этого издания заново написан очерк о жизни и деятельности Ш. Б. Ногмова с учетом новых материалов. Издание снабжено комментариями и примечаниями. В «Приложении» кроме ногмовских трех даны 9 новых малоизвестных документов. Среди них воспоминания А. Афаунова, написанные им по нашей

просьбе еще в 1960 г. (о потомках Ш. Б. Ногмова). За «основу ногмовского текста взят текст издания 1982 г., сверенный нами с рукописью «Истории» Ш. Б. Ногмова. хранящейся в Государственном историческом архиве Ленинграда (Санкт-Петербурга).

Мы сохранили «Предисловие» и «Биографический очерк» о Ногмовс, написанные А. П. Берже для издания 1861 г. Постраничные примечания А. П. Берже оставлены и обозначены звездочками, наши же постраничные примечания даны арабскими, а комментарии — римскими цифрами. Некоторые разночтения, выявленные при сравнении текста с копией рукописи, хранящейся в Санкт-Петербургском архиве, помечены «В лен. рук.» (Ленинградская рукопись).

Ш. Б. Ногмов Является адыгским Нестором, а его «История» адыгской «Повестью временных лет».

«История адыхейского народа» является ценным историческим и литературным памятником адыгской культуры.

Т. Х. Кумыков

Т. Х. КУМЫКОВ,

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ш. Б. НОГМОВА

Жизнь и творческая деятельность Шоры Бекмурзовича Ногмова (Нэгумэ) относится к первой половине XIX в. Первая четверть XIX в. характеризуется усилением колониальной политики царизма на Северном Кавказе. Царские карательные экспедиции генералов Глазенапа, Булгакова, .Ермолова, Вельяминова имели серьезные разрушительные последствия. Было разрушено более 200 аулов, уменьшилось кабардинское землевладение, население сократилось в несколько раз. В 1822 г. была создана Кабардинская военная линия с центром в Нальчике и Кабардинский временный суд, выполнявший, по существу, и административно-колониальные функции. Таким образом, с 1825 г. в Кабарде был установлен колониальный режим. Царские чиновники произвольно вмешивались во внутреннюю жизнь Кабарды, где действовали разные политические и социальные силы, придерживавшиеся различных ориентации. В дела Кабарды вмешивались также иностранные государства. Это облегчало царской администрации осуществлять свои колониальные планы. Все это, вместе взятое, привело к обострению обстановки, к усилению национально-освободительной борьбы кабардинского народа. Чтобы укрепить свою позицию, военная администрация разделила Кавказскую линию на 3 части: Левое Крыло, Центр и Правое Крыло. Кабарда с прилегающими территориями, в том числе Балкарские общества, входила в Центр, расположенный в Нальчике. Кабарда не могла оставаться изолированной от событий, происходящих вокруг нее. Она находилась в постоянном «движении». Чтобы как-то успокоить население, были созданы комиссии и комитеты для рассмотрения земельного и сословного вопросов. В 1858 г. был образован Кабардинский округ, в-состав которого входили и пять Балкарских обществ (Черекское, Хуламское, Безен-

гисвскос, Чегемскос и Урусбиевскос). В 1838 г. Ногмов был назначен секретарем Кабардинского временного суда. Эти микроскопические административные изменения не смогли скрыть колониальный характер политики правительства. В самый критический период для Кабарды (конец XVIII—начало XIX в.) Ногмов находился в Дагестане, где проходил обучение в медресе. После окончания учебы он проявил большой интерес к просвещению и науке. Ногмов предпочел науку военной карьере.

1. Изучение жизни и деятельности Ногмова

О Ногмове существует обширная литература. О нем писала молодая казанская помещица Анна Стрелкова в своих воспоминаниях о пребывании в Минеральных Водах в 1819 г. Стрелкова посетила дом Ногмова. По ее словам, Ногмов был «весьма видный молодой кабардинец», «одним из знаменитнейших черкесов», которого знали многие приезжие Пятигорска и Кисловодска[1]. А. Стрелкова сообщает, что Ногмов был избран к императорскому Российскому двору «находящимся на сих водах придворным доктором Орлаем» (Иван Семенович, 1771—1829, писатель и педагог, медик). Как правильно заметил Б. М. Курашинов, эти сведения из мемуаров А. Стрелковой открывают еще одну неизвестную страницу в жизни Ногмова, в которой повествуется о дружбе адыгского просветителя с известным придворным доктором Орлаем[2]. Но когда Ногмов был избран к двору русского императора, пока не известно. Очевидно, эта дата относится к поездке Ногмова в Петербург в 1830 г. для несения службы в лейб-гвардии Кавказско-горском полуэскадроне.

' Однако в описаниях Стрелковой имеются ошибочные положения: она путает черкесские бытовые традиции с ногайскими.

Ценные сведения о Ногмове оставили иностранные и русские авторы, посетившие Северный Кавказ в 20-х годах XIX в. Можно назвать работы английских путешественников Е. Гендерсона «Библейские розыскания и путешествие по России, включающее поездку в Крым и посещение Кавказа» (Лондон, 1826), Роберта Лайэлла «Путешествие в Россию, Крым, Кавказ и Грузию» (Лондон, 1825) и шотландского миссионера В. Глена «Дневник поездки из Астрахани в Карас к северу от Кавказских гор» (Эдинбург, 1823). Они содержат некоторые сведения о деятельности Ногмова в тот период. Глен сообщает, что он вел спор с Ногмовым о сущности религии. Лайэлл указывает, что Ногмов обладал «благородным складом ума», «сильной манерой рассуждения».

Русский поэт С. Д. Нечаев дополняет сведения иностранцев о

Ногмове. Из его статьи «Отрывки из путевых заметок о Юго-Восточной России» мы узнаем, что Ногмов к 1825 г. уже занимался наукой, владел араОским, русским, персидским и турецким языками[3]. Благодаря описанию Нечаева Ногмов предстает перед нами как начинающий ученый н поэт.

В 1829 г. венгерский ученый Жан-Шарль де Бессе встретился в крепости Нальчик с учителем аманатской школы Ш. Б. Ногмовым. Он писал: «Детей обучают читать, писать н говорить по-русски... их ходжа... некто Сора... говорит и пишет • по персидски, турецки, татарски и русски с одинаковой легкостью; у него располагающая физиономия и приятные манеры» (Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974. С. 337—338).

Важное историческое и историографическое значение имеют дневниковые записи академика Шёгрена. опубликованные Г. Ф. Турчаниновым [4].

Главным рецензентом ногмовских трудов был Д. С. Кодзоков. В 1839 г., ознакомившись с рукописями Ногмова, Кодзоков положительно высказался о нем и о его трудах[5]. Но вместе с тем Кодзоков указал и на их недостатки. Он обратил внимание на то. что Ногмов, следуя традициям Н. М. Карамзина, восхвалял князей и дворян.

Большой интерес представляет для науки отзыв академика А. М. Шёгрена на рукописное наследство Ногмова. После смерти Ногмова в Петербурге 10 (22) июня 1844 г. все его материалы были переданы Шёгрену на заключение. В своем отзыве, отправленном военному министру 23 мая 1845 г., он писал, что «Предание черкесского народа», «с пользою может быть напечатано в каком-нибудь хорошем периодическом журнале или, может быть, лучше даже отдельной книгой, и, разумеется, под именем автора, коего многостороннему трудолюбию она делает честь».

По поводу грамматики Шёгрен высказался в том смысле, что она не готова к печати, поэтому «не угодно ли будет,— писал он министру,— пожертвовать все эти бумаги Академии наук, как самому приличному месту для их хранения. Может быть, со временем явится какой-либо другой черкес-кабардинец, столь же ревностный любитель просвещения, как покойный Шора-Бек-Мурзин, и готовый следовать его примеру, чтобы под содействием и руководством Академии продолжить и довершить начатый им.... ученый труд»[6].

12 июня 1845 г. военный министр Чернышев сообщил министру просвещения С. С. Уварову о том, что император Николай I, «усмотрев» из заключения Шёгрена, что труды Ногмова «не достигли надлежащего совершенства», признал «неудобным печатать

оные». Рукописное наследство Ногмова было направлено наместнику Кавказскому графу Воронцову для использования в своей практической работе.

Благодаря энтузиастам и поклонникам истории и культуры народов Кавказа наследство Ногмова частично было использовано для печати. В этом отношении «повезло» «Преданиям черкесского народа». Еще до поездки в Петербург Ш. Б. Ногмов свою рукопись «Собрание древних черкесских преданий и песен» первоначально представил командиру отдельного кавказского корпуса Головину. О дальнейшей судьбе этой рукописи мало что известно. Надо полагать, что она осталась в Тифлисе и, быть может, была использована после смерти автора редакциями газет «Закавказский вестник»- и «Кавказ», о чем свидетельствуют напечатанные в 1847 г. на страницах «Закавказского вестника» выборки из рукописи под названием «О Кабарде»[7]. Спустя два года, в 1849 г., в газете «Кавказ» появились отрывки из рукописи Ногмова под названием: «О быте, нравах и обычаях древних адыхейских народов или черкесских племен»[8]. Редакция газеты отмечала, что автор статьи проделал большую работу по сбору и переводу адыгского фольклора, что содержащиеся в отрывке материалы имеют важное значение для истории, географии и этнографии народов Северного Кавказа. Газета указывала, что история черкесов еще не .погибла окончательно и что «есть еще время и возможность спасти остатки преданий и песен».

Но главное слово о Ногмове было сказано А. П. Берже, когда юн, воспользовавшись, по его словам, подлинником «Истории», исправил опубликованные на страницах указанных газет статьи и издал труд Ногмова в виде отдельной книги под названием «История адыхейского народа» (Тифлис, 1861), с надеждой «вторично вызвать его из забвения и закрепить снова печатью»[9]. Здесь укажем лишь на то, что более научно звучало бы название: «История адыгского народа». Через пять лет, в 1866 г., в Лейпциге была напечатана им же на немецком языке «История» Ногмова под названием «Сказания и песни черкесского народа».

Труд Ногмова и многие положения, высказанные им, вызвали интерес у известных русских ученых М. П. Погодина, П. Г. Буркова, Н. Дубровина, Л. Лопатинского и других. Л. Лопатинский, внесший большой вклад в сбор, материалов устного народного творчества адыгов и в разработку кабардинского языка, высоко оценил труд Ш. Б. Ногмова. Он писал: «Хотя заключения и выводы, делаемые Ногмовым, слишком смелы и во многих местах поражают даже своею, неожиданностью, но нельзя отвергать большой заслуги этого неутомимого собирателя кабардинских исторических песен и преданий»[10].

Die Sagen und Lieder

des

Tscherkessen-Volks,

gesammelt vom Kabardiner

Schora-Bekmursin-Nogmow,

bearbeitet und mit einer Vorrede versehen

von

Adolf Berge,

Präsidenten der kaukasischen archäographischen Kommission, Mitglied der pariser orientalischen Gesellschaft.

Leipzig

Verlag von Otto Wigand.

1866.

В 1893 г. сын Шоры Ерустан переиздал «Историю адыхейского народа» в Пятигорске. Говоря о мотивах переиздания книги, он указывал в своем предисловии, что «История адыхейского народа», «изданная в Тифлисе всего в количестве 20 экземпляров, ныне сделалась большой библиографической редкостью, а ее содержание или предано забвению, или же, особенно молодому поколению, и совершенно неизвестно»[11].

Существует предположение, что в начале XX в. «История» Ногмова была переиздана в Одессе. Но это издание пока не найдено.

Примером недоброжелательности и тенденциозного отношения к книге Ногмова может служить ответ редакции журнала «Мусульманин» на запросы читателей на книгу Ногмова. Отвечая капитану Саламу, проживавшему в Ахалкалаки, редакция писала, что «История адыхейского народа» «ниже всякой критики и читатели напрасно будут в ней искать историю адыхейского народа, как легкомысленно назвал ее издатель»[12]. Редакция не приводит серьезных аргументов для подобного злостного утверждения. Она обещала напечатать рецензию на «Историю» Ногмова. Но рецензия не появилась на страницах журнала.

Подводя итог изучению жизни и деятельности Ш. Б. Ногмова в дореволюционный период, надо отметить, что благодаря вниманию и заботам русских поэтов, ученых, а также редакции газеты «Закавказский вестник» и «Казказ» «История адыхейского народа» стала известна научной общественности, а ее автор вошел в число деятелей науки и культуры народов Северного Кавказа первой половины XIX в. Популяризации ногмовского труда препятствовали реакционеры и консерваторы, царские чиновники.

В изучении творчества Ногмова после Октября 1917 г. можно наметить примерно три этапа: 20—30-е, 40—50-е и 60—80-е годы.

В 20—30-х годах творчество Ногмова не стало предметом специального исследования. О нем лишь упоминалось в статьях Чамазокова[13], У. Алиева[14], Е. Шиллинга, М. Е. Талпа[15].

В июне 1944 г. исполнилось 100 лет со дня смерти Ногмова. В плане подготовки к этому юбилею в местной прессе был опубликован ряд статей и очерков, посвященных жизни и творчеству Ногмова. 23 июня 1944 г. в Нальчике была проведена научная сессия, посвященная Ногмову. С основным докладом «О жизни и деятельности Шоры Ногмова» выступил Г. Ф. Турчанинов. К юбилею был издан также сборник документации и статей под названием «Шора Ногмов». В статьях раскрывается просветительская и научная работа Ногмова. Но сборник страдает серьезными недостатками.

В статьях часто повторяются одни и те же факты, мысли и определения. По мнению В. К- Гарданова, это произошло от того, что в сборнике были перепечатаны статьи, опубликованные на страницах газеты в разное время и без достаточной редакторской обработки[16]. К юбилею в краеведческом музее в Нальчике была открыта выставка. Здесь были представлены копии архивных документов и другие материалы о Ногмове.

В своих статьях и очерках, опубликованных в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., Г. Ф. Турчанинов показал Ногмова как патриота, поборника дружбы народов. Наряду с этим он ошибочно ставит Ногмова в один ряд с представителями русской прогрессивной мысли[17]. Отмечая бесспорное влияние передового русского общества, Г. Ф. Турчанинов недостаточно убедительно обосновывает этот важный тезис. Эти вопросы, к . сожалению, до сих пор остаются слабо изученными.

Г. Ф. Турчанинов подготовил, исследовал и опубликовал два тома филологических трудов Ногмова с обширным введением[18]. В первый том (1956 г.) вошли кабардинские народные исторические песни и сказания, а во второй (1959 г.)—«Начальные правила кабардинской грамматики» в двух вариантах. Г. Ф. Турчанинов, как видно, внес большой вклад в ногмоведение.

Значительный вклад в разработку ногмовского научного творчества внес Г. А. Кокиев. В 1944 г. он издал в Нальчике первую книгу о Ногмове — «Ш. Б. Ногмов -— выдающийся ученый и просветитель». Впервые в науке Г. А. Кокиев рассмотрел здесь некоторые исторические взгляды Ногмова, показал его как самостоятельного и вдумчивого историка. Надо сказать, что работы Г. Ф. Турчанинова и Г. А. Кокиева о Ногмове, опубликованные во время войны, явились данью глубокого уважения к труженику науки и имели большое воспитательное значение. Деятельность Ш. Б. Ногмова, однако, трактовалась преувеличенно, не были вскрыты недостатки.

В 1947 г. Г. А. Кокиев осуществил первое советское издание «Истории» Ш. Б. Ногмова, с введением и комментариями. Многие положения Г. А. Кокиева до сих пор свежи и успешно используются в научной литературе. Е. Зевакин в своей рецензии на это издание писал, что «История» Ногмова «всегда будет источником первостепенной важности»[19]. В эти же годы «Историю» Ногмова с точки зрения литературоведения оценил С. А. Андреев-Кривич.

Серьезный вклад в исследование творчества Ш. Б. Ногмова внес В. К. Гарданов. Еще в 1946 г. он опубликовал обстоятельную статью «К биографии Ш. Б. Ногмова», а в 1958 г.— большой очерк

«История адыхейского народа» Ш. Б. Ногмова», в которых дан глубокий анализ биографии, историческим и общественно-политическим, взглядам Ш. Б. Ногмова. В. К. Гарданов называет Ногмова энциклопедистом и тем самым ставит его в ряд с- западноевропейскими просветителями XVIII в. Слово «энциклопедист» к Ногмову можно применить с оговоркой. В. К. Гарданов с присущими ем\ четкостью и ясностью определяет место и значение «Истории» Ногмова, указывает и на некоторые ее недостатки.

В 1958 г. под редакцией В. К- Гарданова, И. В. Трескова и Т. Х. Кумыкова вышло новое издание «Истории» Ногмова.

Филологическое творчество Ш. Б. Ногмова нашло широкое освещение в трудах И. В. Трескова[20]. Он тщательно изучил различные, варианты «Преданий черкесского народа», показывает литературные связи Ногмова. Но он недостаточно аргументировал страницы, касающиеся жизненно творческих связей Ш. Б. Ногмова с М. Ю. Лермонтовым, А. С. Пушкиным и декабристами. И. В. Тресков поддерживает сомнительную концепцию В. Л. Комаровичз о том, что Ногмов послужил Пушкину прототипом для создания образа Тазита[21]. Несмотря на гипотетический .характер этой идеи Берже и Комаровича, она получила поддержку в трудах Г. А. Кокиева, В. К. Гарданова, И. В. Трескова, Х. И. Теунова и др. Г. Ф. Турчанинов вообще отрицает тезис о встрече Пушкина с Ногмовым. Литературовед А. Х. Хакуашев, на наш взгляд, привел убедительные соображения о несостоятельности предположений исследователей о встрече Пушкина с Ногмовым и о прототипе образа Тавита[22]. До сих пор не удалось обнаружить новых документальных сведений о творческих и личных связях Ногмова с Пушкиным и Лермонтовым, существующее суждение продолжает носить характер научной гипотезы.

В 60—80-х годах жизнь и творческая деятельность Ш. Б. Ногмова продолжала привлекать внимание исследователей. В периодической печати, в ученых записках и журналах появились заметки, сообщения и статьи А. Х. Касумова, Б. Х. Цавкилова, 3. М. Налоева, А. Х. Хакуашева, Т. Х. Кумыкова, Г. Х. Мамбетова, Р. Х. Хашхожевой, Б. Курашинова, Р. У. Туганова, Ю. С. Кимова, С. Х. Мафедзева, Р. Х. Гугова, А. Т. Шортанова, М. А. Кумахова, Е. С. Тютюниной, Х. М. Думанова, С. Н. Бейтуганова, Е. Польской и др., в которых пускаются в научный оборот новые сведения о Ногмове, расширяющие наше представление о нем

В 1974 г. в Нальчике была проведена региональная научная конференция, посвященная 180-летию со дня рождения Ш. Б. Ногмова. Тематика конференции выходила за пределы ногмовской темы[23]. В сборник вошли 24 статьи, в которых кроме ногмовских исследованы проблемы творчества других просветителей. Продол-

жается дискуссия о религиозных взглядах Ногмова. Б. Х. Цавкилов утверждает, что Ногмову «чужда была идеология ислама»[24]. Вряд ли такое мнение соответствует истине.

В своей монографии «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи» академик Б. А. Рыбаков поднял вопрос о значении материалов «Истории» Ногмова для восстановления некоторых эпизодов русской истории, в частности похода Святослава на хазар в 965 г.[25]

В 1969 г. в журнале «Советская этнография» была опубликована статья Л. И. Лаврова «Об интерпретации Ш. Б. Ногмовым кабардинского фольклора»[26], в которой автор в резкой форме возражает Ногмову в толковании некоторых исторических событий. По мнению М. А. Кумахова, Л. И. Лавров «недостаточно глубоко и квалифицированно исследовал весь историко-лингвистический материал Ш. Б. Ногмова»[27]. Л. И. Лавров вторично выступил в печати с возражениями против критики М. А. Кумахова. По нашему мнению, при интерпретации лингвистических материалов, содержащихся в «Истории» Ногмова, предпочтение следует отдавать специалисту. Нет сомнения в том, что в рассуждениях Л. И. Лаврова содержатся позитивные моменты, способствующие развитию науки. Но тон статьи принижает творчество Ногмова.

Литературовед и детский писатель З. М. Налоев в своей статье «К определению жанра ногмовской истории», во многом соглашаясь с "Л. И. Лавровым, считает, что «Истории адыхейского народа» «присущ функциональный синкретизм» с доминирующей, однако, идеологической установкой[28]. Нельзя согласиться с утверждением З. М. Налоева о том, что Ш. Б. Ногмов сознательно искажал исторические события, подгоняя факты к заранее сконструированным идеологическим и историческим установкам и постулатам. Ногмов, скорее всего, добросовестно ошибался, оказавшись в плену различных версий фольклорного материала и традиций исторической науки, особенно кавказоведения. Нельзя игнорировать и то, что Ногмов был первопроходцем. А подобные деятели не могут избежать ошибок и заблуждений. Совсем нельзя игнорировать и то положение, что он не был профессиональным историком или филологом, который мог сконструировать концепцию исторического процесса и в ее интересах фальсифицировать факты. Глубоко был прав Шёгрен, который по поводу «Истории» Ногмова еще в 1845 г. писал: «...предусмотрительный, читатель... снисходительно извинит встречающиеся недостатки, щедро вознаграждаемые множеством любопытных и совершенно новых сведений»[29].

В последние годы вышли статьи Т. Х. Кумыкова[30], Б. М Курашинова[31], И. И. Мещанинова[32] посвященные отдельным сторонам деятельности Ш. Б. Ногмова.

Р. У. Туганов в своей статье «Новое о старом» (Несколько замечаний к биографии Ш. Ногмова) установил, что Ш. Б. Ногмов уже в 1815 г. был муллой (см.: Живая старина. № 1. Нальчик, 1991. С. 33—51). В 1982 г. вышло новое издание «Истории» Ног: мова. В издании восстановлено то название, которое дал сам Ш. Б. Ногмов своей подлинной рукописи, а именно «История адыхейского народа». Восстановлено также ногмовское написание отдельных слов.

Как видно из краткого обзора литературы, посвященной деятельности и жизни Ш. Б. Ногмова, кавказоведческая наука достигла заметных успехов в изучении его творчества. Многие вопросы, связанные с выяснением общественно-политических и исторических взглядов Ш. Б. Ногмова, требуют исследования.

Оценивая филологические и исторические труды Ш. Б. Ногмова, следует сказать, что они навечно вошли в фонд народной культуры адыгских народов XIX в.

Особенностью «Истории» Ш. Б. Ногмова является то, что она написана главным образом на основе лучших фольклорных материалов. Это обстоятельство придает ей характер памятника народного фольклора. Адыгские народные исторические песни и сказания в интерпретации Ш. Б. Ногмова не теряют своей свежести и оригинальности, а, наоборот, обретают живую кровь и плоть, удачно вписываются _в живую историю народа, дают историкам, филологам и этнографам основания для постоянных раздумий, постановки, новых, требующих новых решений, научных проблем, позволяют изучить развитие общественной мысли и исторический процесс во всех его многосложностях и противоречиях.

Бесспорно, некоторые выводы и обобщения Ш. Б. Ногмова выглядят наивными и необоснованными. Отдельные из них отстали от развития исторической науки того периода. Он допускал иногда неверные интерпретации лингвистического материала, что, естественно, снижало научное значение его исторического труда, оцененного специалистами как «Летопись» адыгских народов, а самого Ногмова как адыгского Нестора.

2. Этапы жизни и творческой деятельности

а) В Кабарде

• Жизненный и творческий путь Ногмова можно разделить примерно на четыре этапа или периода. Первый (1794—1815) — домашние занятия над изучен!!°м азбуки арабского языка и учеба в Эндерийском медресе в Дагестане, где он изучил арабский и

персидский языки, служившие для него основой знаний восточной литературы. К этому периоду относится непродолжительная его работа в качестве сельского муллы. Второй период охватывает промежуток времени его отказа от сана муллы и до отъезда в Петербург (1815—1830). В это время он изучает русский язык, выполняет разные поручения военной администрации, работает писарем 1-го Волжского полка, затем в Нальчике учителем в аманатской школе.

Ногмов, усвоивший определенный объем знаний в области восточных и русского языков, составляет букварь родного языка, приступает к сбору фольклорных материалов. Третий период жизни и творческой деятельности Ногмова относится ко времени его пребывания в Петербурге (1830—1835 гг.). Здесь он ближе знакомится с русской культурой, получает серьезную культурную и научную закалку, послужившую основой для формирования его просветительских, философско-этических и научных взглядов, нашедших наглядное отражение в его историко-филологических трудах, завершенных на последнем, четвертом периоде жизни и творческой деятельности (1835—1844 гг.), характеризуемом большим творческим подъемом [33].

Шора Ногмов, по одной из версий, родился в 1800 г. в ауле, расположенном на речке Джицу, неподалеку от Пятигорска. Это соответствует послужному списку Ногмова, составленному начальником Центра Кавказской линии генерал-майором Пирятинским в Нальчике 30 апреля 1840 г., где сказано, что поручику Ногмову к этому времени «от роду» шел 41-й год [34]. Но есть еще другой документ — «Алфавитный список о роде кабардинского узденя Шоры Бекмурзина» Ногмова, составленный им 22 декабря 1821 г. [35], где сказано, что тогда ему было 27 лет. Отсюда вытекает, что Ногмов родился не в 1800-м, а в 1794 г.

В. К. Гарданов предложил другую дату — 1796-й. Новые материалы, опубликованные Р. У. Тугановым [36], в основном соответствуют «Алфавиту» 1821 г. и дают некоторые основания к тому, чтобы принять годом рождения Ногмова — 1794 г. Но это не означает, что послужные списки 1832-го и 1840 гг. не имеют ценности. Возникает вопрос, чем объяснить противоречия, имеющиеся в алфавитном списке Ногмова 1821 г. и послужном — 1832-го и 1840 гг. Нам кажется, что оно произошло, видимо, от того, что в то время у кабардинцев не практиковалась регистрация о рождении. Быть может, при поступлении на службу в 1832 г. он хотел представить себя в более молодом возрасте, чем был на самом деле. Если принять за дату рождения Ногмова 1794 г., то в момент поступления на службу ему было 36 лет, что также вызывает вопрос. Но мы склоняемся к 1794 г.

Отец Шоры Бекмурза и дед Бада Ногмовы относились к людям среднего сословия и не отличались крепким материальным положением. В то время мусульманская религия была определяющей жизнь идеологией. И они очень хотели смышленого мальчика — Шору — сделать сельским муллой. Такое стремление отца и деда диктовалось, по-видимому, материальными соображениями, так как сан муллы в ту пору вполне сносно обеспечивал жизненные потребности. Исходя из этих соображений, с малых лет мальчика учили читать Коран, устроили в начальную примечетскую школу (мектебе). Затем Шору направляют в Дагестан в сел. Эндери для поступления в мусульманскую школу — медресе. Указанная школа в ту пору пользовалась широкой популярностью среди народов Северного Кавказа. Если горский мулла или эфенди заканчивал курс обучения в Эндерийском медресе, то это было вполне достаточной аттестацией о высоком уровне его подготовки в области арабистики и знания основ ислама.

Шора Ногмов, будучи одним из прилежных и талантливых учеников, «одаренный счастливыми способностями», сравнительно легко и быстро освоил арабский и персидский языки. Насколько глубоки были религиозные мусульманские убеждения Шоры, судить трудно, но здесь больше места занимала, как отмечает Г. Ф. Турчанинов, сложившаяся традиция, нежели внутренние убеждения[37]. Это подтвердила последующая его жизнь. После окончания медресе в Эндери Шора становится сельским муллой. Но недолго он занимал должность муллы. Его довольно обширные познания в области арабской филологии здесь, в деревне, не находили применения, и интеллектуальная натура Шоры ищет простора, более активной деятельности в области светского образования.

В 1815 г. Ногмов оставляет сан муллы и сближается с кавказской военной администрацией. С этого времени начинается новый период его жизни. Официально в военной службе он не состоял. Но как «верноподданный России» выполнял разные поручения командования по установлению связи с населением края. Нередко он выполнял обязанности переводчика. Как сказано в формуляре 1840 г., он был «во многих случаях занимаем переводами иностранных разговоров и бумаг на татарском диалекте». Практическая его деятельность в эти годы показала Ногмову, что он должен глубже и основательнее изучить русский язык. С этой целью Шора Ногмов в 1825 г. становится писарем 1-го Волжского казачьего полка, где он служил около 3—4 лет.

По свидетельству С. Д. Нечаева, непосредственно знавшего Ногмова, он уже знал пять языков — арабский, тюркский-, абазинский, персидский и русский[38]. С. Д. Нечаев называл.его молодым, способным и одаренным человеком, который «успел выучиться —

сколько можно в здешнем крае — пяти языкам, кроме природного». Живое общение с русскими военными людьми и приезжими иностранцами способствовало тому, что Ш. Б. Ногмов не только освоил русский язык, но и расширил свои духовные, ителлектуальные и научно-просветительские интересы, что ускорило процесс формирования его мировоззрений. Как говорит С. Д. Нечаев, «известный всем приезжим Шора» был желанным собеседником для гостей края и всегда непременно производил на них благоприятное впечатление.

Английский путешественник Роберт Лайэлл, назвав Ногмова способным и умным человеком, отметил, что он был поражен его знаниями и «способностью к аргументации».- Другой английский миссионер — Гендерсон, посетивший дом Ногмова 26 сентября 1821 г., писал: «Пока мои друзья были заняты некоторыми делами по колонии, я отправился верхом в селение Хаджи-Кабак, находящееся от колонии на расстоянии около двух верст, чтобы навестить кабардинского узденя по имени Шора, с которым я познакомился в Карасе... Я был немедленно введен в дом и сердечно принят его тещей. Его (Шоры) молодой новобрачной нигде не было видно и, как мне сообщила ее собственная мать,— так будет вплоть до рождения ею первого ребенка...»[39].

Жену Ногмова звали Салимат Асмаловна, то есть Исмаиловна. Ей в то время было 17 лет. Анна Стрелкова сообщает, что она была окружена черкесскими девушками, одетыми довольно нарядно. В сентябре 1821 г. Ногмов не состоял на службе, жил в ауле Кошево. По всей вероятности, в это время Ногмов ведет усиленную работу по разработке кабардинской азбуки и приступает к изучению грамматических правил родного языка. По сведениям С. Д. Нечаева, Ш. Ногмов еще в 1826 г. «намеревался представить правительству опыт таковой азбуки (кабардинской. — ***Т. К)*** для напечатания».

В 1828 г., когда встал вопрос о формировании лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона, который должен был нести службу в Петербурге, Ш. Б. Ногмов подал прошение о зачислении его в состав эскадрона. Но в связи с переселением его аульчан из-под Бештовых гор к реке Малке, Ногмов не смог выехать в Петербург в составе полуэскадрона. Устроив свое небольшое хозяйство на новом месте, Ногмов уезжает в Нальчик, куда он был прикомандирован в 1829 г. для выполнения обязанности учителя аманатской школы.

За короткий период работы учителем - Шора Бекмурзович заслужил любовь и уважение со стороны воспитанников. Даже администрация сочла необходимым отметить, что он отличается

«примерным усердием» и «во все сие время успел преподать малолетним детям хорошее познание в чтении азбук на русском и турецком языках». Дом Тавлиновых в Нальчике, против сквера Свободы, где размещалась тогда аманатская школа, стал, по существу, первым опорным пунктом светского образования в Кабарде. Здесь по вечерам и до поздней ночи при свете лучины можно было часто увидеть Ногмова, сидящего за чтением книг.

В 1830 г. Ногмов уезжает в Петербург, Обстоятельства отъезда раскрывает его прошение на имя командующего Кавказской армией Емануэля от ноября 1829 г. Как сообщается в документе, осенью 1829 г. из Петербурга в Кабарду вернулись гвардейцы Айдемиров и Туганов с поручением отобрать несколько княжеских и дворянских детей и привезти их в центр для обучения. Видимо, Они и передали Ногмову приглашение командира полуэскадрона. В своем прошении Ногмов указывает, что командир эскадрона С. А. Муханов «приглашает меня прибыть, чтобы я, между занятиями по службе, занимался и обучением на разных диалектах служащих в том эскадроне» кабардинских и других горских всадников[4]*\ На свое место — учителя аманатской школы — он рекомендовал назначить Магомета Шарданова (сына секретаря Кабардинского временного суда Якуба Шарданова) как знающего «грамоты по-русски, турецки и арабски» или армянина Егора Исаева. Ногмову было разрешено отправиться в Петербург, но в выдаче каких-либо пособий ему было отказано. Однако Ногмов не отступил от намеченной цели. В апреле 1830 г. за счет собственных средств он поехал в Петербург и поступил на службу в полуэскадрон оруженосцем. Его редкая целенаправленность получила в столице России большой простор для пополнения своего научного и культурно-просветительского кругозора.

б) Ногмов в Петербурге

Как было сказано выше, пребывание в Петербурге составляет третий период жизни и творчества Ш. Б. Ногмова (1830—1835 гг.). Этот период имеет ряд особенностей. Ногмов в эти годы вступает в более зрелый возраст. Это шестилетие, по существу, явилось решающим в формировании у Ногмова идейно-теоретических, философских и научно-просветительских взглядов. Пробужденные во время его пребывания на Северном Кавказе основы его умственных и общественно-социальных взглядов под влиянием идейно-нравственной и культурной жизни Петербурга углубляются, отшлифовываются, получают дальнейшее развитие и совершенство. Они в конечном итоге становятся убеждениями, превратившими Ногмова в видного ученого-просветителя.

Отправляясь в Петербург, Ногмов прежде всего имел в виду пополнить свои знания путем углубленного и систематического изучения разных наук. Он глубоко понимал, что без серьезных познаний в области филологии и истории создание грамматики родного языка невозможно. А приобретенные на Кавказе знания в области научной филологии Ногмов рассматривал как первоначальные этапы и далеко не достаточные для написания грамматики кабардинского языка, которая была его давнишней мечтой. Отличавшийся скромностью Ногмов, по существу, начинает заново изучать основы русского языка.

«По приезде в Петербург на службу,— пишет он,— во мне с большею силою пробудилось давнишнее мое желание — написать грамматику, и я все часы, свободные от службы, начал посвящать изучению русского языка и его грамматики»[41]. Ногмов посещал занятия Грацилевсцого, составившего черкесский[42] алфавит на русской графической основе и обучавшего оруженосцев и офицеров Горского полуэскадрона русскому языку.

С присвоением Ногмову в декабре 1832 г. первого офицерского чина — корнет он получает более благоприятные условия для жизни и самообразования. Как офицер, он оставляет казарму и нанимает квартиру в тихом и отдаленном тогда от центра районе Петербурга, в так называемом* Ротах, на берегу реки Фонтанки, где он живет до возвращения на Кавказ.

Яркой страницей в жизни Шоры Ногмова петербургского периода является знакомство с профессором Шармуа, который некоторое время заведовал кафедрой персидского языка в Петербургском университете. Шармуа оказал ему большую помощь в работе над грамматикой. За образец он взял русскую грамматику Н. Греча. Ногмов завершил свой первый вариант кабардинской грамматики к 1835 г. Шармуа проявил большой интерес к этому труду Шоры Бекмурзовича. Уезжая во Францию, он увез с собой экземпляр первой части грамматики.

Подытоживая свою работу над грамматикой, Ш. Б. Ногмов писал в 1840. г.: «Все шестилетнее мое пребывание в Петербурге я употребил на сочинение сей грамматики» (она была составлена на основе русской графики). «Быть может,— писал он далее,— бывший профессор в институте восточных языков Шармуа издаст первую часть этой грамматики в Париже на французском языке, потому что он взял у меня один экземпляр первой части (морфология. — ***Т.*** /(.), составленный мною, впрочем вовсе не полный и не т;**с обработанный, как издаваемый мною теперь»[43].

В 1833 году появилось полное издание «Евгения Онегина», в конце 1834 года в еженедельной газете Н. И. Надеждина сМолва» И. В. Белинский опубликовал свои знаменитые «Литературные

мечтания». Вполне возможно, что Шора Ногмов был знаком с произведениями А. С. Пушкина, И. В. Белинского, М. Ю. Лермонтова и др.[44]

Находясь в Петербурге, Ногмов изучает также труды русских историков, в особенности Карамзина («История государства Российского»), арабских и персидских авторов, знакомится с произведениями древнегреческих и римских писателей и т. д.

11 мая 1835 г. Ш. Б. Ногмову присваивается звание поручика, и он откомандировывается в Тифлис для несения службы в Отдельном Кавказском корпусе с состоянием по кавалерии[45].

С этого времени начинается последний (четвертый) этап его жизни (1835—1844).

в) Возвращение на Кавказ. Подготовка основных научных трудов

В Тифлисе Ш. Ногмов остановился в доме князя Шаховского. Здесь 26 октября 1835 г. произошла встреча Ш. Ногмова с русским академиком-языковедом А. М. Шёгреном, приехавшим на Кавказ для изучения горских языков, главным образом осетинского языка. Это знакомство имело большое значение и для маститого ученого А. М. Шёгрена, и в особенности для вступающего на стезю науки Ш. Ногмова. До встречи с Шёгреном в доме Шаховского Ногмов был на приеме у наместника Кавказского барона Розена. На этом приеме Шёгрен впервые увидел Ногмова. Но здесь они еще не познакомились. ' Знакомство состоялось позднее. 26 октября 1835 г. Шёгрен записывает в дневник, что он с доктором Нордманом был в доме Шаховского, где он «имел счастье познакомиться с одним проживающим у него черкесом Шорой Бекмурзиным». А 31 октября вечером там он «имел пользу от беседы с Шорой». Ногмов, очевидно, рассказал Шёгрену о своей работе над составлением кабардинской грамматики и по сбору материалов устного народного творчества. Все это произвело на ученого большое и благоприятное впечатление. Он увидел в Ногмове весьма любознательного и культурного человека, стремившегося сделать что-то полезное для науки и своего народа. В своих дневниках Шёгрен прямо указывает, что за все это он «научился ценить» его. Шёгрена приятно удивило то, что Ногмов в Петербурге составил «Черкесскую грамматику по кабардинскому диалекту с текстами» под руководством профессора Ф. Шармуа[46].

Ногмов находился в Тифлисе недолго. Он стремился в Нальчик. В начале 1837 г. он возвращается в Кабарду и полностью отдается творческой и просветительской деятельности. Его глав-

ная цель — завершить свои научныре труды. Узнав о возвращении Ногмова в Нальчик, Шёгрен уведомил его письмом, что он нахо днтся в Карассе и хочет видеть его. 27 февраля 1837 г. Ногмов приехал в Карасе и поселился в квартире Щёгрена. Как видно из писем Шёгрена, друзья в течение «полных двух недель» работали над разборами вопросов грамматики й других лингвистических набросок. В своем письме в Академию наук 12 апреля 1837 г. Шёгрен писал, что Ногмов «пробыл моим гостем две полные недели, в продолжение которых я вкратце излагал ему свои грамматические наброски и, кроме того, извлекал пользу из его устных толкований ко всему неясному и сомнительному»[47]. Эти слова свидетельствуют о научной возмужалости и зрелости Ногмова, уже выступающего не в роли ученика, а в роли советчика и консультанта академика Шёгрена, который извлекал из лингвистических толкований и объяснений Ногмова пользу для себя. Со своей стороны, Ногмов много познал полезного и нужного из этих бесед. Советы известного ученого помогли ему улучшить вариант грамматики.

В 1838 г в Кабарде вспыхнуло крупное восстание крестьян против администрации, во главе которого стоял Дамалей Карданов. Оно приняло большой размах, охватило пять тысяч человек. Администрация и феодальная верхушка настолько были встревожены, что в Кабарду были введены дополнительные войска. Якуба Шарданова, который якобы подстрекал крестьян к выступлению, временно удалили из Кабарды, а на его место секретарем суда был назначен с 1839 г. Ш. Б. Ногмов.

В 1839 г. в жизни Ногмова произошло еще одно заметное событие. Летом этого года состоялось его знакомство с просветителем Кабарды Д. С. Кодзоковым, вернувшимся на Кавказ после окончания Московского университета. Образованный юноша, находившийся на протяжении 15 лет в Москве, в отрыве от родительского очага, Кодзоков летом 1839 г. возвращается на Северный Кавказ и останавливается в Пятигорске в доме декабриста Сухорукова. В этом доме нередко гостил и Ш. Б. Ногмов, который оказал Кодзокову большую помощь в сборе материалов, по его советам он записывал песни и предания. Ногмов помогал Кодзокову также изучить местные языки[48]. Со своей стороны Кодзоков изучал рукописи Ногмова и высказал ряд советов и замечаний. В одном из своих писем в Москву на имя Хомяковых он писал, что «Шорова грамматика, находящаяся у меня в руках», имеет серьезные недостатки. Что касается «Предания черкесского народа», то Кодзоков отметил, что при обработке и использовании песен и преданий Ногмов пользовался трудами Карамзин- и Вольтера. Вместе с тем он отметил, что в его материалах «много сведений

чрезмерно любопытных». Кодзоков также указал на погрешности в ногмовских переводах. Неоднократные их встречи в Нальчике и в Пятигорске дали Кодзокову основания писать, что Ногмов был «человек истинно, благородный». Эти встречи способствовали завершению трудов Ногмова.

В 1840 г. Ногмов заканчивает «Начальные -правила адыгской грамматики» и посылает рукопись Шёгрену в надежде, что тот одобрит ее в печать. Однако «верный Шора» получает от своего верного друга весьма строгий отзыв на его грамматику. Шёгрен посоветовал Ногмову изменить графическую основу. Это был не совсем справедливый совет со стороны крупного ученого Сейчас трудно установить мотивы, побудившие Шёгрена изменить русскую графику ногмовской «Грамматики» на арабскую.

Спустя три года, в 1843 г., Шора Ногмов завершает новый вариант «Начальных правил кабардинской грамматики». В новой редакции по совету Шёгрена Ногмов меняет русскую графическую основу на арабскую. Однако рядом с текстом в арабской графике в скобках везде он дал параллельный текст в русской графике[49]. Этот вариант Ногмов повез в Петербург.

Шёгрен, которому была передана рукопись на заключение, и на сей раз не рекомендовал грамматику к изданию, ссылаясь на то, что она «полезна только тому, кто умеет ею критически пользоваться как материалом к исследованию грамматического устройства чудного и трудного кабардинского языка»[50]. Работая над грамматикой, Ногмов проявил себя как талантливый и одержимый исследователь, как поэт и собиратель фольклора[51].

Еще в 1826 г. поэт пушкинской поры С. Д. Нечаев, лично знавший Ногмова, писал, что «он сочиняет иногда небольшие поэмы во славу нашего оружия, которые не может распространить между соотечественниками иначе, как через изустное предание и медленное изучение на память»[52]. С. Д. Нечаев назвал поэмы Ногмова «благонамеренными писаниями», которые, по введении родной письменности, могли получить широкое распространение и способствовать «смягчению нравов» жителей Кабарды и даже Кубани.

Академик Шёгрен также оставил скупые, но значительные по смыслу и глубокие по содержанию строки о поэтической и переводческой деятельности Ш. Б. Ногмова. В письме к Френу 19 апреля 1837 г. Шёгрен, говоря о совместной работе над проблемами горских языков, писал.: «...Ногма, страстный поэт, занимается у меня большей частью стихами, отчасти собственного произведения, отчасти переводами с русского»[53]. О поэтической страстности Ногмова свидетельствуют, как отметил Г. Ф. Турчанинов, страницы «Истории адыхейского «ярода» и предисловия'к грамматике

кабардинского языка,. которые написаны не только с большой любовью к науке, к народу, но и с большим эмоционально-художественным настроем, с поэтическим подъемом и мастерством. В дошедших до нас рукописях Ш. Б. Ногмова сохранилось одно стихотворение «Хох» (здравица), посвященное русской науке и академику А. М. Шёгрену.

Еще в 20-х годах XIX в. Ногмов собрал определенное количество песен и сказаний. Все это было предварительной работой.. По-настоящему вопросы фольклора стали его занимать, очевидно, после возвращения из Петербурга в Кабарду. В особых тетрадях Ногмов записывал предания, песни и сказания, которые одновременно обрабатывал и классифицировал. Став секретарем суда в Нальчике, он получил доступ к разным записям обычного права кабардинцев, осуществленных Я- Шардановым и другими. Эти записи служили в определенной степени базой для творческого размышления Ногмова над актуальными проблемами истории, обычного права и фольклора родного народа, над которыми он так заинтересованно и любовно трудился в течение всей . своей жизни.

Почти половину первого тома «Филологических трудов» Ш. Б. Ногмова составляет фольклорный материал, использованный им при написании своей «Истории». В этом томе помещены также черновые материалы для «кабардинско-русского словаря».

3. Борьба за культурное и экономическое преобразование Кабарды

Большую творческую работу Ногмов сочетал с деятельностью по экономическому и культурному преобразованию Кабарды. Через суд он продвигал прогрессивные идеи в культурном и экономическом развитии родного народа, в совершенствовании социально-бытовых устоев жизни.

10 февраля 1841 г. Кабардинский временный суд представил начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору Пирятинскому записку, составленную Ш. Б. Ногмовым и Д. С. Кодзоковым. Этот документ уверенно можно назвать серьезным проектом экономического и культурного преобразования края. В нем ставился вопрос об открытии в Нальчике школы для обучения «детей грамоте», а также об отправке в Академию наук одного чиновника «для усовершенствования переводов с кабардинского языка На русский... и для должного образования в отношении просвещения». Суд просил о принятии в академию поручика «Ногма Шора Бекмурзина», который уже составил Кабардинскую грамматику и

«Собрание древних черкесских преданий»[54]. Но вопрос об отправке Ногмова в Петербург не был решен до 1844 г.

А что касается школы, то за ее организацию население взялось активно: были заготовлены стройматериалы, делались пожертвования. Однако правительство не спешило с решением этого вопроса. В итоге после долгого обсуждения в бюрократических учреждениях наместничества вопрос о школе остался нерешенным до 1851 г.

В «Записке» от 10 февраля 1841 г. был поднят также вопрос об отправке в Россию 15 мальчиков для обучения разным ремесленным специальностям. Командующий войсками на Кавказе согласился с этим предложением, но с одним условием, что мальчики будут содержаться там за счет Кабарды. Кабардинский временный суд не имел таких средств и вынужден был отказаться «платить за обучение мальчиков»[55]. В «Записке» дается подробное обоснование необходимости культурных и экономических изменений. Приводится материал об исторических связях Кабарды.

Будучи секретарем суда, Ногмов нередко защищал интересы крестьян путем истолкования сложной казуистики адата и шариата при рассмотрении- на заседаниях суда претензий отдельных владельцев на те или иные земельные участки, к тем или иным крестьянским семьям. Так случилось с жителем с. Кармово Абидовым, который когда-то выкупился от. владельца, но теперь тот хотел его закрепостить заново[56]. В дом Ногмова часто приходили крестьяне с разными просьбами, но чаще всего для выяснения тех или иных адатных положений. Шора Бекмурзович, несмотря на свою занятость, терпеливо переводил им бумаги с арабского на кабардинский язык, объяснял им их правовое положение. И в области развития сельского хозяйства Ногмов выступил как передовой человек. Ногмов показывал односельчанам пример по улучшению хозяйства, ведению полевых работ, советовал им сеять более урожайные культуры — пшеницу и кукурузу. В архивных фондах за 1843 г. сохранились расписки Ш. Б. Ногмова о получении у начальника округа Голицына семенной пшеницы для организации опытного посева[57]. Все это ложилось в русла просветительских устремлений Ногмова.

Но главным для него было издание первых книг по языку и истории родного народа. Работа в суде отвлекала его от научной деятельности. Давали о себе знать старые болезни. Учитывая эти обстоятельства, осенью 1842 г. Ногмов подает рапорт об освобождении его от занимаемой должности. Но суд отклонил его просьбу, ссылаясь на то, что на его место «из кабардинских чиновников в скором времени избрать невозможно». Ногмову* разрешили выехать на лечение в Пятигорск. Обязанности секретаря суда были возложены на Камбота Докшукина. По просьбе' начальника Кав-

казской линии Ногмов в январе 1844 г. вернулся в суд в качестве члена суда «с отправлением и секретарской должности». Это было связано с отъездом в Петербург некоторых членов суда и секретаря Докшукина в составе делегации, которая должна была выразить преданность Кабарды императору России. 2 марта 1844 г. делегатам были вручены знамя и грамота. Тем временем Ш. Б. Ногмов, исполняя обязанности члена и секретаря суда, готовился к отъезду в Петербург.

Еще летом 1843 г. Ш. Б. Ногмов обратился к исправляющему должность начальника Центра Кавказской линии полковнику Голицыну об отправке его в Петербург. Голицын, поддержав его просьбу, ходатайствовал перед командующим войсками на Кавказской линии генерал-лейтенантом Гурко. Последний согласился с предложением Голицына. На основании представления Голицына был составлен рапорт наместника Кавказа Нейдгардта, с которым он 20 июля 1843 г. обратился к военному министру. Наместник, излагая сущность представления Голицына, писал: «Кабардинский уздень, поручик Шора Бекмурзин, привел к окончанию многосложный труд собрания народных преданий и составления кабардинской грамматики. Этот полезный чиновник, соединяя трудолюбие с скромностью, желает до напечатания своих творений подвергнуть их суждению и разбору императорской Санкт-Петербургской Академии и просит, дабы ему доставлены были средства к отправлению на казенный счет в столицу с приличным содержанием во время, пребывания в ней». Обосновывая необходимость издания кабардинской грамматики, наместник указывал, что в Кабарде власть духовенства очень сильна и ее можно подорвать путем распространения родной- письменности, противопоставляя ее арабской, которую, кроме мулл, «никто читать не умеет»[58].

Выразив полное согласие с идеями полковника Голицына, наместник заключил: «Издание грамматики на кабардинском языке, с переводом на русский, быстрыми шагами подвинет здешний край к изменению теперешнего полудикого состояния его». В целом рапорт Голицына представляет интерес ввиду того,, что он содержит просветительские идеи. Мы полагаем, .что в его состав-
* лении принимал участие Ш. Б. Ногмов. Но как бы то ни было, идеи Голицына произвели впечатление в Петербурге. В своем ответе на письмо Нейдгардта военный министр' сообщил 9 августа, что император Николай I «соизволяет на оказания пособия» Ногмову для напечатания грамматики. Но одновременно он потребовал от наместника заключение «о мерах такового пособия». В новом рапорте Нейдгардта от 31 декабря 1843 г. уже конкретно ставится вопрос об организации издания трудов Ногмова. Наместник считал

целесообразным отправить Ногмова в Петербург в составе делегации от Кабарды, которая готовилась к поездке, и «до напечатания грамматики кабардинского языка и народных преданий» прикомандировать его к лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона. Находясь там, по мысли наместника, Ногмов мог подготовить издания своих трудов «в одной из столичных типографий». Наместник заметил, что «напечатанное под его руководством сочинение останется собственностью правительства»[59]. Казалось бы, вопрос об издании трудов Ногмова почти получил благоприятное решение. Но военный министр 19 января 1844 г. сообщил наместнику Нейдгардту, что вопросы, связанные с изданием работ Ногмова, могут быть решены «только по прибытии» Ш. Ногмова в Петербург и «по рассмотрении его книги»[60]. Ногмов получил разрешение поехать в Петербург не в составе делегации, которая отправилась туда в январе 1844 г., как предполагал наместник, а самостоятельно.

Спустя несколько месяцев после отбытия делегации 14 (26) мая 1844 г. Шора Ногмов вместе со своим «служителем» Клычем (Клыш) Какагажевым, преодолев долгий трудный путь, прибыл в Петербург и поселился в помещении лейб-гвардии горского полуэскадрона, куда он был прикомандирован «впредь до рассмотрения его трудов». Отправился Ногмов в столицу с недугами, утомительный путь и сырой климат" Петербурга, видимо, обострили -болезнь. В начале июня его здоровье ухудшилось.. А 10 (22) июня он скончался вдали от родины и семьи, не сделав «насчет своих бумаг никакого распоряжения»[61]. Предполагают, что похоронили его в Петербурге, на мусульманском (татарском) кладбище, что за Волковой деревней.

Семье Ш. Б. Ногмова, состоящей из 5 человек (жена Салимат, дочь Кульандам и. сыновья Ерустан, Эриван и Иришид), был» назначена пенсия в. размере 2б2 руб. 25 коп. в год.

Все материалы, оставшиеся после смерти Ногмова, были отправлены Шёгрену на заключение. В своем рапорте на имя военного министра 23 мая 1845 г. он писал, что «Предания черкесского народа» могут быть напечатаны в каком-либо журнале или отдельной книгой, а грамматика не готова к печати[62]

Прав был Шёгрен, рекомендовав^рукопись «Истории» Ногмова в печать.

«История» Ногмова в самом деле является не только самостоятельным исследованием, основанным главным образом на материале кабардинского фольклора, но^ и литературным памятником и ценным историческим источником. В этом ее особенность. Ее преимущество перед другими трудами XIX в., посвященными адыгам, состоит именно в том, что она сохранила для потомства

такие фольклорные и другие источники, которые дают возможность изучить процесс развития общественно-политической мысли адыгов, нюансы материальной жизни и народной идеологии в историческом плане. Некоторые авторы, на основании того, что «История» Ногмова базируется на фольклорном материале, пытаются принизить ее значение.

Говоря о значении устного народного творчества, М. Горький говорил на I съезде писателей: «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества... От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории. У него свое мнение о деятельности Людовика XI,. Ивана Грозного, и это мнение резко различно с оценками истории, написанной специалистами»[63]. Таким "образом, тот факт, что «История» Ногмова написана в основном на фольклорном материале, не снижает, а, наоборот, возвышает ее историко-литературное значение, делая ее бесценным памятником и источником для изучения материальной и духовной жизни адыгских народов на протяжении многих веков.

4. Освещение исторических **проблем**

«История адыхейского народа» в концентрированном выражении и в обобщенном виде дает нам представление о возникновении, накоплении и развитии исторических знаний у адыгских народов, начиная с древних времен до XVIII в. Древнему и раннесредневековому периоду Ногмов уделяет несколько глав. При? написании этих глав, он кроме фольклорного материала использовал сведения, извлеченные из Трудов Карамзина, русских летописей и античных писателей.

Особое внимание Ногмов уделяет расселению предков адыгов, делает попытку осветить процесс их этнического формирования. Против его тезиса об антском происхождении адыгов еще в прошлом веке выступил его соотечественник А.-Г. Кешев[64]. .

Важное место в «Истории» Ногмова занимают вопросы* общественного и семейного быта, социального и политического строя/ древних адыгов. Надо отметить, что материалы, приводимые Ногмовым по этнографии адыгов, имеют уникальный характер. Он кратко и лаконично характеризует состояние. производительности-труда в сельском хозяйстве и ремесленном производстве. Ногмов пишет, что древние адыги «одарены были... хорошими умственными способностями, славились деятельностью и сметливостью». Но постепенно с развитием общества, с разделением его на классы **и** «притеснением владельцев, а в позднейшие времена от беспрестанных набегов внешних захватчиков **нравы адыгов совершенно изме-**

нились» (выделено нами. — ***Т. К).*** Мы сталкиваемся здесь с попыткой Ногмова показать, хотя бы обзорно, процесс развития общества, в результате которого меняются общественно-социальные и нравственно-этические понятия людей. В этих суждениях Ногмова можно проследить мысль, что постепенно на смену патриархально-родо-. вым устоям пришли феодальные нравы, Ставшие господствующей идеологией в феодальной Кабарде. В подтверждение тезиса об «изменении нравов» Ногмов приводит многочисленные факты из общественно-политической жизни кабардинцев, из жизни отдельных князей и дворян. Здесь необходимо отметить, что, признавая исторический прогресс, порою Ногмов идеализировал нравы древних адыгов, противопоставлял новый феодально-раздробленный период несуществовавшему у адыгов «золотому веку». Но это был не призыв возврата к старине, а способ выражения недовольства существующим положением. ,

Ш. Б. Ногмов в своей «Истории» описывает гостеприимство, свадебные обряды, положение женщин в обществе, аталычество, принципы и формы воспитания девушек и мальчиков, вооружение, военное воспитание, народные игры, одежду, танцы, жилища, народный календарь, характер народных собраний и т. д. При описании этих традиционных этнографических вопросов Ногмов показал себя блестящим знатоком традиций, быта и нравов адыгских народов. Строки, посвященные этим сюжетам, лаконичны. Ногмов* ские замечания, мысли и догадки и до сегодняшнего дня служат для историков и этнографов отправными пунктами при исследовании вопросов общественного и семейного быта, материальной и духовной культуры адыгских народов.

«Изменение нравов» Ногмов связывает и с переменой религиозных воззрений адыгов. Ногмов проследил эволюцию их религиозных представлений, начиная с древних времен до XVIII в. Освещая внешнеполитическое положение предков адыгов, он сообщает, что греки распространяли среди адыгов христианство и это «послужило к сближению этих.двух народов». В действительности, адыги имели с греческими колониями на юге России оживленные торгово-экономические и политические связи. Ногмов считает, что союз с греками, принятие адыгами от них христианства «внесло к ним миролюбивые занятия искусствами и просвещение». Ногмов отдает предпочтение христианству ввиду того, что оно, исповедовалось русскими и не уводило его соотечественников от столбового пути развития[65], способствовало прогрессу народа.

Падение Византии, завоевание тюрками Константинополя в 1453 г. и создание впоследствии Крымского ханства, как вассального государства Османской Турции, привели к осложнению внутренней, внешне-политической и идеологической жизни на Северном

Кавказе. Началась постоянная война ханов против адыгов с целью захвата их земель. Ш. Б. Ногмов в своей «Истории» этой проблеме уделяет важное место. На многих страницах описывается героическая борьба кабардинцев против крымских ханов, которые внедряли среди них мусульманскую религию, служившую для иноземцев идеологическим оружием. Ногмов пишет: «Уже несколько лет крымское войско находилось в Кабарде, собирая ежегодно вышеозначенную подать (подать людьми. — *Т. К)'*- некоторые приняли ислам, тогда как другие, боясь притеснения турок, тайно исповедовали свою веру...»

По мнению Ногмова, в ориентации Кабарды на Россию христианство играло не последнюю роль. Это вполне резонно, ибо в XVI в., во времена Темрюка, адыги были полумусульманами, полухристианами. Ш. Б. Ногмов писал: «Вероятно, что христианская вера, распространенная в древности греками между Черным и Каспийским морями, была еще в большей силе у нашего народа. Эта причина побудила его искать союза с русскими, как с единоверцами, и прибегнуть под покровительство царя Ивана Васильевича». Нельзя понять Ногмова в том смысле, что фактору религии он придавал решающее значение в выборе Темрюком внешнеполитического курса. Ногмов прямо указывает, что внутренние раздоры и внешняя опасность заставили Темрюка обратиться к России. Но в выработке этой правильной внешнеполитической линии, по мнению Ногмова, христианство сыграло свою положительную роль. Ислам, как указывает Ногмов, становится господствующей религией в Кабарде лишь в начале XVIII в.

Центральной темой в «Истории» Ногмова является вопрос о русско-кабардинских отношениях и борьбе народа против внешних врагов. Взгляды Ш. Ногмова по этим кардинальным вопросам изложены четко и аргументированно. Эту проблему он старается решить в тесной связи с деятельностью отдельных личностей, в частности князя Темрюка Идарова, который возглавил борьбу за сближение Кабарды с Россией.

Ш. Б. Ногмов не употребляет слово предпосылки. Но весь ход изложения событий, связанных с борьбой против иноземных захватчиков и с внутренним состоянием края, свидетельствует о том, что он, в общем, понимал основные причины и предпосылки, толкавшие Кабарду на сближение с Россией. Внутренние раздоры, междоусобная борьба князей, вызванные развитием феодальных отношений, Ногмов рассматривает как одну из причин, ослаблявших народ в его борьбе против иноземных нашествий. Он подвергает критике тех князей и дворян, которые ориентировались на Крымское ханство и с помощью которых в Кабарде временно

устанавливалась власть хана и кабардинцы переносили «самые жестокие притеснения». В рукописи Ногмова, хранящейся в Историческом архиве России в Ленинграде, после этих слов следует очень важное предложение, пропущенное А. Берже при издании «Истории» в 1861 г. Ногмов писал, что крымцы обращались с кабардинцами «самым неучтивым и дерзким образом», брали все, что им вздумалось «самоуправно. Словом сказать, дошли до такой степени, что не было возможности переносить оскорбление».

Ногмов опечален тем, что в народе не было единства и сплоченности. В этом он обвиняет князей. «Сами князья были причиной бедствий своей родины; спор за право владения никогда не прекращался. Не находя достаточно сил в земле своей, они призывали чуждые племена и под предлогом, что отыскивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноплеменникам».

Обрисовав внутреннее и внешнее положение Кабарды, Ногмов пришел к выводу, что «уже близка была минута решительного перелома, с наступлением коего, вероятно, исчезла бы и политическая самобытность Кабарды».

В этих сложных и тяжелых условиях проявилась дальновидность и мудрость Темрюка. Впервые в исторической литературе Ш. Б. Ногмов характеризует Темрюка Идарова как крупного государственного, военного и политического деятеля. «Берега Волги и Дона были первым поприщем его подвигов»,— пишет Ногмов. Темрюк вел борьбу не только против внешних, но и против внутренних врагов за объединение всех адыгских земель. Ссылаясь на предания, Ногмов пишет, что Темрюк «распространил далеко •свои завоевания». Речь идет главным образом об объединении адыгских народов. Бесспорно, некоторые феодальные группировки он подчинил себе силой, опираясь на помощь России. В русской летописи сказано, что местные феодалы «учали быти послушны и дани ему учали давати и во всей учинился в Темрюкове-князе воле»[66]. Несколько позднее, по словам русского посла в Турции в 1570 г. Ивана Новосильцева, Темрюк Идаров считал, что земля «по Терке по реке и до моря его, Темрюкова, и зверь бил и рыбу ловил»[67] Хотя Ногмов не ссылается на источники, но видно, что он был знаком с некоторыми русскими и восточными источниками и по мере необходимости использовал их. Темрюк Идаров, по мнению Ногмова, сыграл выдающуюся роль в истории адыгов.

Проблема сближения Кабарды с Россией является одной из центральных в его «Истории». «Темрюк с некоторыми кабардинскими князьями дал присягу в верности русскому царю Ивану Васильевичу и обязался помогать ему в войнах с султаном и Тавридой»,-— пишет Ногмов. Как констатирует Ногмов, «более всего

парил был обрадован союзом и покровительством России». Воодуlj! члгмяые этим союзом, кабардинцы во главе с Темрюком на протяжении многих лет, при поддержке русских войск, вели ожесточенную борьбу против усилившейся агрессии крымских ханов, сильно обеспокоенных вступлением «Темрюка в сообщение с Россией».

Политический союз Кабарды и России 1557 г., говоря словами Ногмова, «крайне тревожил крымского хана». Кабардинский вопрос приобрел международный характер. Османская Турция и Крымское ханство отказывались признавать факт заключения союза межд\ Кабардой и Россией. А Россия всегда поддерживала свою новую союзницу, занимавшую важное стратегическое положение па Северном Кавказе.

Е своей «Истории» Ногмов уделил определенное место показу социальной структуры кабардинского общества. Он обрисовал слож.ую феодальную иерархию. Крестьянство Ногмов делит на четыре категории, которые он неправильно называет классами. Симпатия Ногмова на стороне холопа Машуко и его соратников, поднявших знамя борьбы против пши-орков и крымских ханов. Эти и другие проблемы имеют непреходящее значение и заслуживают углубленного исследования.

Естественно, что в «Истории» Ногмова имеются и серьезные упущения и недостатки. Ш. Б. Ногмов в силу разных причин не смог глубоко раскрыть социально-экономический процесс, преодолеть некоторую замкнутость при освещении исторических событий. В отдельных случаях он идеализирует действия князей и дворян В ^том отношении Ш. Б. Ногмов выступает верным последователем Н. М. Карамзина. Нередко слишком доверчиво относясь к •сказаниям и песням, он произвольно устанавливает место и время происходившего того или иного события, в некоторых переводах допущены искажения. Все это, вместе взятое, привело к тому, что в «Историю» Ногмова «вкрались» неверные выводы и толкования отдельных вопросов[68]. Но при этом труд Ногмова «История адыхейского народа», положивший начало разработке истории адыгских народов, является заметным вкладом в русское кавказоведение XIX в. Известный осетиновед В. Б. Пфаф писал: «Отдавая полную справедливость стараниям автора этого сочинения, нельзя, однако, не заметить в нем немало промахов, что весьма, естественно, так как труд Ногмова — заключает в себе первый опыт обработки истории адыгейского народа»[69].

Исходя из своих просветительских взглядов, Ногмов высоко оценивает все, что содействовало прогрессивному развитию Кабарды, ее культуры и просвещения[70]. С этих позиций он освещает и исторические проблемы.

5. Скромность и трудолюбие Ногмова. Оценка деятельности

Как патриот и .просветитель, Ногмов неутомимо трудился над разработкой истории, фольклора и языка адыгов. В распространении научных знаний он видел основной рычаг просвещения своего народа и его приобщения к передовой цивилизации. В* «Предисловии» к «Истории» Ногмов писал: «Принимаясь за это дело, я имел целью, во-первых, заслужить благосклонное внимание просвещенной публики в России, а во-вотрых, приохотить и своих соотечественников к умственным занятиям, которые находятся до сих пор [у них] в пренебрежении, но кои могут со временем доставить им все выгоды просвещения и образованности»[71]. Ради такого счастливого времени жил и трудился Ногмов на поприще науки и просвещения, ради того, чтобы вывести свой народ из царства темноты и невежества, скромный труженик Ногмов написал, по словам Шёгрена, «ученый труд». Да, это был подвиг, правда, совершенный не на поле брани, а на поле науки в условиях почти поголовной безграмотности населения и отсутствия взаимопонимания между Кабардой и Россией, обусловленные колониальным положением Северного Кавказа.

Скромность и трудолюбие Ногмова снискали ему уважение всех, с кем он встречался и имел какие-либо отношения. На эту особую черту личности Ногмова вынуждены были обратить внимание даже его недоброжелатели, которых он подвергал критике. Кабардинский временный суд характеризовал Ногмова как человека «в хорошей нравственности и бескорыстный». Общительность, скромность и обаяние .Ногмова сделали его еще в молодости популярным среди жителей колонии Карасе и приезжих на минеральные воды для лечения. Неспроста С. Д. Нечаев писал о нем: «Известный всем приезжим Шора». А академик Шёгрен, который высоко ценил дружбу с Ногмовым, говорил о нем. «...верный Шора, верный дом». Обобщающей характеристикой его личности является отзыв Шёгрена на его рукописное наследство. Академик называет его глашатаем прогресса, который «неусыпными трудами старался» искоренить невежество, первопроходцем, пламенно стремившимся к распространению образования среди соотечественников, отличавшимся примерной скромностью и трудолюбием.

О величайшей скромности и добросовестности Ногмова говорят следующие слова из его «Предисловия» к грамматике 1843 г.: «Я старался выполнять все, сколь возможно яснее и лучше, я увлекался, или превратно толковал образцы, мне служившие к изучению грамматических правил. Исправление таковых ошибок принадлежит ученым этимологистам, знающим или со временем

узнаюшим наш язык». Далее Ногмов заключает: «Если мне продолжить мои собственные замечания (выделено нами. — *Т. К)* и гото боасе замечания людей опытных и знающих основательно другие языки, то таковых заметок должно накопиться более, нежели самый труд... Молю провидение... чтобы явился мне последователь в любви к родному языку, но последователь более искусный»[72]. Эти слова не нуждаются в комментарии. Они и в наше время для многих ученых звучат как гимн, призыв и наставление скромного ученого и просветителя, совершившего в период реакции «ученый подвиг» ради любви к отечеству.

Характеризуя Ногмова как неутомимого поборника просвещения, академик Шёгрен в мае 1845 г. в своем заключении о его рукописном наследстве писал: Ш. Б. Ногмов «...при жизни мне лично известный, был человек... по чистой своей любви к просвещению достоин высшего уважения, тем более, что он не только умел вполне оценить высокое преимущество просвещения пред грубым невежеством своих иноземцев, но собственными неусыпными трудами старался таковое невежество от них устранять и в том именно отношении собою подал своим соотечественникам пример, до ныне первый и единственный. Наилучшим подтверждением сказанного служит, кроме оставшихся его многочисленных бумаг, собственное его предисловие к грамматике адыхейского языка, живо отражающее пламенное стремление души его к просвещению и к споспешествованию распространения его между грубыми своими соотечественниками многолетними неутомимыми трудами»[73].

Известный кавказовед прошлого века П. К. Услар назвал Ш. Б. Ногмова «достопочтенным поборником просвещения»[74].

Просвещение народа, идея дружбы, расширения и укрепления связи между народами были важнейшими мотивами создания грамматики и «Истории адыхейского народа». «Цель моя будет достигнута,— писал Ногмов,— если мои соотечественники начнут изучать адыхейский язык и русский по моей грамматике, и если русские, столь способные к изучению языков, обратят также внимание на наш язык, обильный, древний, европейцам неизвестный, представляющий богатую жатву для филологии и истории»[75]. Но, к сожалению, его грамматика не стала достоянием народа и цели своей он не смог достигнуть тогда. Но не только русские ученые, но и другие еще в прошлом веке обратили внимание на адыгские языки и добились определенных успехов в их изучении.

Ногмов Ш. Б. вошел в историю как оригинальный, неповторимый деятель науки и культуры. Ногмов с огорчением указывал, что очень трудно отвечать на вопрос, для кого составлена грамматика, ибо соотечественники до сих пор «не только не имеют никакой письменности, даже никакой грамоты». Но как прогрес-

сивный деятель, понимавший логику движения социальных и культурных процессов, он признавал наличие у кабардинцев материальных и духовных средств и условий для реализации идеи просвещения среди своих соплеменников Вот почему он имел основание сказать следующие вещие слова: «...при начатии труда моего сердечное убеждение говорило мне, что. придет время, когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство — светильник жизни — любовь к знанию, ударит и для нас час, когда мы все примемся за грамоту, книги и письмо. Для этого-то времени составлен этот труд, труд многих лет, забытый, быть может, пренебрежный, он некогда пробудит благодарное воспоминание потомства учащегося... что недолго осталось до сего счастливого времени. Я не доживу, не увижу, быть может, этой сладкой минуты, когда родина моя оставит все то, что отделяет ее от людей просвещенных, когда обратится она к добру и познанию! О! Тогда как много душа моя почувствует сладостных ощущений». Эти слова Ногмова являются заключительным аккордом его идейных взглядов.

6. Сын **Ш. Б.** Ногмова Ерустан

Служба. Участие в проведении реформы. В развитие культуры и общественно-политической мысли Кабарды второй половины XIX в. внес вклад старший сын Ш. Б. Ногмова Ерустан. По одним сведениям, он родился в 1826 г., по другим — в 1828 г. 3 июля 1844 г. один из высших чиновников — граф Орлов сообщал в рапорте военному министру, что «после смерти штабс-капитана Шоры-Бекмурзина осталась без всякого состояния на родине жена Салимат с двумя сыновьями: Эриваном — 6 и Иришидом — 5-ти лет, а сверх того третий, сын их Урустан 18 лет, находится на воспитании в Павловском кадетском корпусе»[76]. Если Ерустану в год смерти Шоры исполнилось 18 лет, то получается, что он 1826 г. рождения, а не 1828 г., как это полагают некоторые авторы.

В рапорте Орлова не упоминается о дочери Ногмова. А между тем в формулярном списке о службе Ш Б. Ногмова, составленном в апреле 1840 г., указывается, что он имел сына и «одну дочь». В этих двух документах имеются и другие противоречия. Орлов указывает, что сыну Ногмова Эривану в 1844 г. было шесть лет. Если это соответствует действительности, то он родился в 1838 году. Но он не был записан в послужной список Ногмова. Некоторые авторы полагают, что дочь Ногмова скончалась в раннем возрасте. Мнение это сложилось в связи с тем, что в последующих документах не встречалось упоминания о ней. Но один архивный документ поведал нам о том, что дочь Ногмова

была жива после его смерти и звали ее Кульандам. 18 мая 1871 |\ вдова Шоры Ногмова Салимат через начальника Георгиевского округа обратилась к начальнику Терской области с прошением «о выделе ей и ея единственной дочери какой-либо части из определенного в собственность семейству ея мужа участка»[77]. Документы, связанные с этой просьбой, поясняют, что дочь Ногмова была замужем, а вдова жила не с сыновьями, а у зятя Альмова.

По инициативе Ш. Б. Ногмова в 1839 г. его сын Ерустан и 9-летний Беслан Абуков[78] (сын подполковника Хаджи Абукова) были отправлены в Петербург для зачисления в известный в то время своими традициями Павловский кадетский корпус. 15 октября 1845 г., спустя год после смерти отца, в звании корнета Ерустан начинает службу в гусарском полку «ее величества великой княжны Ольги Николаевны». В 1849 г. он получает звание поручика. В этом полку он прослужил до 1851 г. Затем получает назначение в Донской казачий № 26 полк. Здесь Ерустан прослужил более года и в декабре 1852 г. был прикомандирован к Кубанскому казачьему полку, где несет службу до октября 1854 г.[79]

В 60-х годах XIX в. в связи с проведением в Терской области аграрно-крестьянской реформы была создана сословно-поземельная комиссия под председательством Д. С. Кодзокова, который хорошо знал семью Шоры Ногмова. Чтобы привлечь Ерустана к работе по проведению реформы в Кабарде, Кодзоков ходатайствует перед военной администрацией об откомандировании поручика Ногмова в Нальчик. В марте 1871 г. он был введен в состав сословной комиссии. А до этого выполнял различные поручения, как доверенное лицо Кодзокова.

В 1865 г. иод руководством Кодзокова с участием Ерустана Ногмова проведено было объединение 100 аулов Кабарды в 40 деревень и осуществлено наделение их землей на общинном праве владения. Ерустан Ногмов провел большую подготовительную работу перед проведением этих мероприятий. Он составил посемейные списки жителей Малой Кабарды. По этому поводу комиссия 21 января 1864 г. писала исполняющему делами начальника Кабардинского округа: «...вместе с этим не оставьте предложить поручику Ногмову поспешить исполнить возложенное на него поручение на счет составления посемейных списков жителей Малой Кабарды»[80]. Как депутат, Ерустан присутствовал при нарезке аульных земель, следил за правильной реализацией решения сословно-поземельной комиссии по реорганизации земельного владения аульных обществ, а также отдельных лиц. Иными словами, Ерустан Ногмов принимает активное участие в социально-экономических преобразованиях Кабарды и Балкарии[81].

По инициативе Кодзокова несколько раз был поднят вопрос об улучшении материального положения семьи Ш. Б. Ногмова! В своем докладе, составленном в декабре 1863 г., от имени комиссии Кодзоков ходатайствовал перед властями о наделении семьи Шоры землей за счет земель жителей Абуковского аула (подполковник Хаджи Абуков), переселившихся в Турцию. В докладе Кодзоков тепло отзывается о Шоре Ногмове, о его деятельности, говоря, что это достойный человек, «резко выдававшийся из рода кабардинцев». Кодзоков писал: «...как комиссии положительно известно, что оставленное им семейство находится **в крайней бедности»**[82] (выделено нами. — ***Т.*** /(.), то она считает необходимым исполнить ранее принятое решение о наделении семьи Ногмова землей. Однако решение вопроса затянулось.

Документ этот может пролить свет на некоторые стороны жизни Ерустана. Возникает вопрос, почему Салимат решила обратиться к властям с такой просьбой. Она хотела, чтобы официально за ней и ее дочерью Кульандам была закреплена часть земли, предназна ченная семье Шоры за его заслуги. Такое решение гарантировало бы им безбедное существование. Письмо вдовы Ногмова можно понять и в том смысле, что она была обеспокоена тем, что сын ее вряд ли сумеет рационально использовать эти земли. Скрытую в прошении мысль матери как[4] будто подтвердила последующая жизнь Ерустана. Об этом скажем ниже. .

Администрация объявила Салимат, что «земля пожалована» «трем сыновьям Шоры Ногмова». Но в связи с переселением двух сыновей Шоры, Иришида и Эривана, в 1870 г. в Турцию, «его императорским величеством наместником Кавказским из означенной земли (750 дес.) предназначено поручику Ерустану Ногмову 500 дес. за личные его заслуги, а остающиеся 250 десятин обращены в запас для нужд кабардинцев». Власти учли также то обстоятельство, что по обычаю кабардинцев женщины не получали наследства. Так наместник Кавказский и его ставленники оставили вдову Ногмова без средств существования. В 1875 г. земельный участок был отмежеван Ерустану, а спустя шесть лет, в 1881 г., он продал свой участок № 135 дочери известного поэта и общественного деятеля России А. С. Хомякова Екатерине Алексеевне Хомяковой, которая построила на этой земле церковь с приютом для детей сирот. Опасение Салимат Ногмовой подтвердилось, она осталась без земельного участка в «бедном состоянии».

Известно и еще одно обстоятельство, связанное с «землей Ногмова». В феврале 1894 г. отставной поручик Ерустан Ногмов, проживавший в сел. Ашабово, обращается к начальнику Терской области с просьбой о наделении его землей сполна в 750 десятин, в прежних нормах, какая была установлена еще в 60-х годах. Он,

видимо, надеялся получить еще 250 десятин от общего надела, урезанного в связи с переселением его братьев в Турцию. Но ему отказали в просьбе в связи с тем, что он однажды уже был наделен землей.

Е Ногмов принимал участие в организации Д. С. Кодзоковым коннозаводского хозяйства. Он назначил Ерустана надзирателем созданного им в начале 1971 г на берегу р. Малки конезавода Кодзоков всегда отзывался о нем положительно и выражал ему полное доверие в решении своих личных и других вопросов. От имени Кодзокова Ерустан Ногмов подписывал документы В одной из архивных папок подшит пришедший от времени в ветхое состояние лист бумаги, на котором написаны следующие слова: «Милостивый государь Ерустан Ногмов. Не имея возможности лично присутствовать при отмежевании землемером есаулом Яровым пожалованного мне участка земли, покорно прошу Вас находиться за меня при таковом, подписывать документы, подавать в случае надобности просьбы, и что Вы по сему учините, в том Вам верю и спорить не буду». Текст доверенности написан секретарем под диктовку Д. С. Кодзокова. Подписывая доверенность своей рукой, он добавил: «С совершенным почтением имею честь быть покорным слугой. Статский советник Дмитрий Степанович Кодзоков. 14 октября 1871 г.»

Переиздание «Истории» Ш. Б. Ногмова. Общественно-полити ческие взгляды Ерустана Ногмова проявились и в переиздании «Истории» своего отца. В этом акте он видел большое положительное общественное явление. Ерустан понимал необходимость изучения истории своего народа. Чтобы внести лепту в решение этой задачи, он переиздает «Историю адыхейского народа», пользуясь при этом поддержкой Кодзокова. Говоря о мотивах периздания книги, Ерустан Ногмов в своем «Предисловии» отмечает, что «История адыхейского народа», изданная в Тифлисе всего в количестве 20 экземпляров, «ныне сделалась большой библиографической редкостью». Между тем сведения об адыгских народах «можно встретить в печати лишь весьма редко и то в виде кратких заметок, разбросанных в разных периодических русских и иностранных изданиях давно минувшего времени». Что касается адыгов и, в частности, кабардинцев,— пишет он далее,— то они «о своем прошлом или совершенно ничего не знают, или же имеют о нем до невозможности смутное и сбивчивое представление». «Вот почему,— пишет Урустан Ногмов,— и, уступая желаниям многих заслуженных и лучших людей современной Кабарды, я решился еще издать эту книгу и тем самым снова вызвать из забвения прошлое о дорогих нам наших сородичах, поколения которых, под сению благотворной русской власти, освободились от тяжкого

рабства, избавились от права сильного и ныне спокойно преуспеваем на поприще мирного труда и цивилизации». К тем заслуженным лучшим людям, которых Ерустан, к сожалению, не называет по имени, безусловно относились К. Атажукин, Д. Кодзоков, Т. Кашежев, П. Тамбиев, Адыге и другие, которые настояли на переиздании «Истории» Шоры Ногмова.

В своем предисловии Е. Ногмов идеализирует политику царского правительства, утверждая, что Кабарда спокойно преуспевала на поприще мирного труда и цивилизации. Освобождение крестьян он относит к заслугам «русской власти». Но вместе с тем, надо сказать, что Ерустан Ногмов правильно понимал некоторые поло^жительные сдвиги в обществе. В частности, он пишет, что кабардинцы освободились от «тяжкого рабства», избавились от произвола князей и дворян и становятся на путь более прогрессивного развития, чем это было в прошлом.

Текст для нового издания Ерустан подготовил еще в 1890 г. На книге стоит печать цензора: «Дозволено цензурой. Тифлис, 10 июня 1890 г.». «Предисловие» Ерустан написал 28 июня 1891 г. в г. Пятигорске, где он часто и подолгу жил. Но на титульном листе книги имеется пометка: «Издатель Ерустан-Шора-Бекмурзин-Ногмов. Пятигорск, 1893 г. Типография И. П. Афанасьева». Как видно, переиздание затянулось на три года. Полное название третьего издания «Истории» Шоры Ногмова таково: «История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзиным Ногмовым, дополненная и исправленная сыном его Ер}станом-Шора-Бекмурзиным Ногмовым» За основу нового издания Ерустан взял издание 1861 г

В текст «Истории» и в биографический очерк о Ш. Б. Ногмове, составленный А. П. Берже, и в его примечания Ерустан внес поправки, уточнения и исправления. Некоторые из них имеют важное значение. Так, в своем биографическом очерке Берже писал, что в настоящее время семейство Ногмова «живет в ауле Кармово». Ерустан в своем издании вместо сел. Кармово написал сел. Ашабово, «расположенное в 25—28 верстах от г. Пятигорска». В «Предисловии» Шоры Ногмова, где сказано, что песни поются «при полевых работах и вообще по окончании дневного труда», слово «вообще» Ерустан опустил. На 70 странице в предложении Ногмова «породнить моих соотечественников с Россией», слово с Россией Ерустан исправил «с русскими». Некоторым категорическим формулировкам Ш. Б. Ногмова он придал более обтекаемый, предположительный характер. Говоря о названии «черкес», Ногмов писал: «...думаю, что естественнее всего признать в нем древнее нарицательное имя керкет». Ерустан же слово «думаю» исправил на слово «полагаю»[83]. В некоторые постранич-

ные примечания, сделанные А. П. Берже, Ерустан внес поправки, в других случаях он снабдил тексты своими собственными примечаниями. Об этокском памятнике Ерустан Ногмов делает следующее примечание: «Памятник этот, в числе других подобных ему и каменных крестов, найденных в Кабарде в 1880—1881 гг., отправлен в Румянцевский музей». Здесь нет возможности рассказывать о всех поправках и дополнениях, внесенных им в текст «Истории». Отмечу лишь, что Ерустан провел над ней определенную редакторскую работу, которая улучшила текст нового издания но сравнению с изданием 1861 г. Поправки, исправления и дополнения, внесенные Ерустаном Ногмовым при переиздании «Истории» отца, свидетельствуют о том, что он имел приличную подготовку не только по русскому языку, но и по истории Кавказа.

Предполагают, что Ерустан умер в конце 90-х годов XIX — начале XX в. В 1905 г. решением съезда доверенных Кабарды и Балкарии с него был списан долг в Кабардинскую общественную сумму в размере 673 руб.

Рассказы старожилов о потомках Ногмова. Ерустан Ногмов имел жену по имени Наго из фамилии Аджиевых. В архивах и литературе нет сведений о том, что у них были дети. Но есть указание о том, что с ними жил племянник Шамгук, сын брата Иришида, переселившегося в Турцию в 1870 году. По рассказам старожилов, Шамгун родился в Турции. Юношей, по просьбе Ерустана, он приехал к нему на постоянное жительство и был им усыновлен. Семья Е. Ногмова, его мать и сестра проживали не в сел. Кармово (нынешнее Каменномостское), а в сел. Ашабово (ныне Малка). Эта существенная поправка, внесенная Ерустаном, дает возможность внести коррективы в установившееся положение о том, что Ш. Б. Ногмов жил в Кармове. Ведь до переселенческой реформы 60-х годов название Кармово носило нынешнее сел. Малка, куда Ш. Б. Ногмов еще в 1828 г. переселился с другими жителями из-под Бештау (Аджи аула — Хажихабла). Там он и жил до конца своей жизни. После переселения кармовцев из Ашабово (Малки) к Каменному Мосту селение стало называться Кармовым, а постоянным местом жительства Ногмовых осталось сел. Ашабово. Поэтому поправка Ерустана к новому изданию «Истории» Шоры Ногмова имеет принципиальное значение.

Еще в 60-х годах XX в. информаторы мне рассказывали, что Ерустан имел усадьбу, на которой стоял дом, крытый железной крышей. По их сведениям, он снесен в 1937 г., и на этом месте находилась баклаборатория.

По сведениям старожилов, дочь Шоры Ногмова вышла замуж за Шолоха Альмова, от которого родился сын Батырбек (внук Шоры Ногмова), а у него в 1892 г. родилась дочь Фатима (Ку-

нива) — правнучка Ш. Б. Ногмова, мать Ляны Карачаевны Шауцуковой. Усыновленный Ерустаном Шамгун Иришидович от брака с К1ук1уэ (Куко) имел двух сыновей — Шору (умер в 12 лет от тифа), названного в память (прадеда) автора «Истории адыхейского народа», и Хамида.

Как рассказывают старожилы, после смерти матери маленький Хамид был взят на воспитание Хаухуном Бижевым, который и дал •ему свою фамилию, выражая тем самым свое глубокое уважение к Шоре и Ерустану Ногмовым. Племянник Ерустана Шамгун был убит в 1918 или 1919 г. неизвестными лицами. Говорят, Хамид закончил педагогические курсы в Пятигорске и в 30-х годах работал преподавателем в сельских школах Сармаково и Камлюко. Затем окончил военное училище. Погиб на фронте в районе Житомира.

Хамид Шамгунович Ногмов-Бижев имел двух детей: сына Валентина и дочь Нину, родившихся в начале 1940-х годов.

В 1960 г. решением народного суда Зольского района Нина Хамидовна Бижева (по мужу Махова) была признана правнучкой Шоры Бекмурзовича Ногмова.

Фамилии Ногмовых, живущие ныне в Каменномостском, не имеют каких-либо родственных связей с Шорой Ногмовым. По поводу их происхождения существуют разные версии. И. В. Тресков записал версию о том, что умирающий Шора якобы передал своему верному другу (слуге) свою фамилию, которую носят потомки Клыча [м].

Наиболее вероятным является сообщение о том, что эти Ногмовы происходят от деньщика Шоры Ногмова Клыча (Клыш) Дагазовича Какагажева, сопровождавшего его во время последлей поездки в Петербург в 1844 г. А позже, в 1867 г., при освобождении от крепостной зависимости братья Какагажевы взяли себе фамилию своего «господина» Шоры Ногмова. С того времени Какагажевы вошли в список кабардинских фамилий как Ногмовы. «Фамилия Ногмовых встречалась и ч:реди жителей с. Лафишева (ныне с. Псыхурей). Нет сомнения в том, что приведенные сведения информаторов о Ногмове и его сыне Ерустане Ногмове могут быть уточнены [85].

Итак, жизнь и деятельность Ерустана Ногмова, являясь составной частью общего пореформенного развития Кабарды, показывают позитивные изменения, происходившие в общественной жизни народа под влиянием новых, социально-экономических и культурных факторов, как и изменения в мировоззрении формирующейся местной интеллигенции, выражавшей интересы зарождающейся буржуазии.

[1] ***Гниловский В. Г.*** Мемуары А. Стрелковой «Путешествие па Горячие и Кислые воды» в 1819 году как историко-географический документ//Северный Кавказ. Ставрополь, 1974. Вып. 3. С. 170.

[3] ***Курашинов Б. М.*** Содружество муз. Нальчик, 1982. С. 16.

[3] ***Нечаев С. Д.*** Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России//Московский телеграф. 1826. № 1.4. 7. С. 35, 37.

[4] ***Иогма Ш. Б.*** Филологические труды. Нальчик, 1956. Т. 1. С. 14—16.

[5] ***Кумыков Т. X.*** Дмитрий Кодзоков. Нальчик, 1985. С. 163.

• ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 478, л. 134.

[7] Закавказский вестник. 1847. № 4—20.

• Кавказ. 1849. № 36 и 37 от 3 и 10 сентября.

[9] ***Берже А.*** Предисловие/////. ***Б. Ногмов.*** История адыгейского народа. Нальчик, 1958. С. 55.

[10] ***Лопатинский Л.*** Заметки о народе адыге вообще и кабардинцах в частности//СМОМПК. Тифлис, 1891. Вып. 12. С. 7.

[11] История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин Ногмовым, дополненная и исправленная сыном его Ерустан Шора-Бекмурзин Ногмовым Пятигорск, 1893, тип. И. П. Афанасьева. Издание 3-е.

[12] Мусульманин. Париж. 1910. № 22. С. 487.

[13] ***Чамазоков В.*** История кабардинской письменности//Записки СККНИИ. Ростов н/Д, 1929. Т. 2.

[14] Литературная энциклопедия. М., 1931. Т. 5. Стол. 5.

[15] ***Талпа М. Е.*** Кабардинский фольклор // Кабардинский фольклор. М.; Л., 1936. С. IX—X.

[16] ***Гарданов В. А.*** Шора Ногмов (1844—1944)//Сборник документации и статей к 100-летию со дня смерти. Нальчик, 1944// УЗ КНИИ. Нальчик, 1946. Т. 1. С. 341—342.

[17] ***Турчанинов Г. Ф.*** О жизни и деятельности Шоры Ногмова // Шора Ногмов (1844—1944): Сборник документации... Нальчик,, 1944. С. 29.

[18] ***Ногма Ш. Б.*** Филологические труды. Нальчик, 1956, 1959.

[19] ***Зевакин Е.*** Ногмов Ш. «История адыгейского народа»... // Вопросы истории. 1948. № 7.

. [20] ***Тресков И. В.*** Творческое содружество. Нальчик, 1956; ***он же.*** Светильник жизни. Нальчик, 1966; ***он же.*** Этюды о Шоре Ногмове. Второе дополненное издание. Нальчик, 1977.

[21] ***Комарович В. Л.*** Вторая кавказская поэма Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 212.

[22] ***Хакуашев А. X.*** Адыгские просветители. Нальчик, 1978. С. 98—99.

[23] Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX—начале XX века: Материалы конференции. 28—29 марта 1974 г. Нальчик, 1976.

[24] ***Цавкилов Б. X.*** Шора Ногмов — выдающийся просветитель кабардинского народа//Известия СКНЦВШ. 1975. № 3. С. 69—72.

[25] ***Рыбаков Б. А.*** Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 18, 21.

[26] ***Лавров Л. И. Об*** интерпретации Ш. Б. Ногмовым кабардинского фольклора // Советская этнография. 1969. № 2.

[27] ***Кумахов М. А. О*** лингвистическом наследии адыгских просветителей//Общественно-политическая мысль... С. 93.

[28] ***Налоев 3. М.*** Из истории культуры адыгов. Нальчик, 1978. С. 147.

[29] ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 478, л. 132 об.

[30] ***Ногмов Ш. Б.*** История адыхейского народа Вступительная статья и подготовка текста Т. X. Кумыкова. Нальчик, 1982.

[31] ***Курашинов Б. М.*** Содружество муз. Нальчик, 1982. С. 5—21.

[32] ***Мещанинов И. И.*** Филологические труды выдающегося просветителя кабардинского народа Ш. Б. Ногмова // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 1982. С. 12—16

[33] ***Кокиев Г.*** Ш. Б. Ногмов (1844—1944). К столетию со дня смерти. Нальчик, 1944. С И .

[34] ***Касумов А. X.*** Новые документы к биографии Ш. Б. Ногмова//УЗ КБНИИ. Нальчик, 1960. Т. 17. С. 181—187.

[35] СКА, ф. 53, оп. 1, д. 197, л. 6.

[36] ***Туганов Р. У.*** Новое о Шоре Ногмове // Кабардино-Балкарская правда. 1980. 11 июня.

[37] ***Турчанинов Г. Ф. О*** жизни и деятельности Шоры Ногмова // Шора Ногмов. Сборник документации... Нальчик, 1944. С. 22.

[38] ***Нечаев С. Д.*** Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России//Московский телеграф. 1826. Ч. 7. № 1. С. 35.

[39] Цит. по кн.: ***Тресков И. В.*** Этюды о Шоре Ногмове. Нальчик, 1974. С. 19. См. также: ***Г. Турчанинов. О*** жизни и деятельности Шоры Ногмова//Шора Ногмов (1844—1944): Сборник документации и статей к столетию со дня смерти. Нальчик, 1944. С. 24.

[40] ЦГВИА СССР, ф. 13454, оп. 2, д. 49, л. 693.

[41] ***Ногма Ш. Б.*** Филологические труды. Нальчик, 1959. Т. 2. С. 107. Исследовал и подготовил к печати Г. Ф. Турчанинов.

[42] ***Петин С.*** Собственный е. и. в. конвой. Спб., 1899. С. 63.

[43] ***Ногма Ш. Б.*** Филологические труды. Нальчик, 1959. Т. 2. С. 107, 109.

[44] ***Тресков И. В.*** Летопись жизни и творчества Ш. Б. Ногмова // УЗ КБНИИ. Нальчик, 1959. Т. 14. С. 389,

[45] ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 49, л. 104—113.

[46] Шора Ногмов (1844—1944). Сборник документации и статей к 100-летию со дня смерти. Нальчик, 1944. С. 32.

[47] Шора Ногмов (1844—1944). Сборник документации и статей к 100-летию со дня смерти. Нальчик, 1944. С. 34.

[48] ГИМ СССР, ф. 178, д. 33, л. 85, 88, 89.

[49] ***Ногма Ш. Б*** Филологические труды. Нальчик, 1959. Т. 2. ***С*** 153.

[50] ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 478, л. 132.

[51] ***Хакуашев А. X.*** Адыгские просветители. Нальчик, 1978. С. 67—69.

[52] ***Нечаев С.*** Д.'Указ. раб. С. 37.

[53] ***Ногма Ш. Б.*** Филологические труды. Нальчик, 1956. Т. 1. С. 16.

[54] ЦГВИА СССР, ф. 13454, оп. 2, д. 337, л. 62—63.

[55] ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 116, л. 9.

[56] ***Тресков И. В.*** Этюды... С. 48.

[57] ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 1891, л. 1—22.

[58] ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 478, л. 135—137.

[59] Там же, л. 142—142 об.

[60] Там же, л. 144 об.

[61] Там же, л. 184—185.

[62] Там же, л. 134.

[63] ***Горький М.*** Доклад на I всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 г.//М. Горький о литературе. М., 1953.

[64] Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980. С. 144.

[65] ***Кимов Ю. С.*** Просветительские идеи Ш Б. Ногмова // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX—начале XX века. Нальчик, 1967. С. 53.

[66] ПСРЛ. Спб., 1904. Т. 13. С. 344.

[67] Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 90.

[68] ***Шортанов А. Т.*** Ногмов как фольклорист и историк// Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX—начале XX века. Нальчик, 1976. С. 63—75.

[69] ***Пфаф В. Б.*** Материалы для истории осетин // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1871. Вып. 5. С. 70.

[70] ***Гарданов В. К*** «История адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова // Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа. Нальчик, 1958. ***С.*** 47.

[71] ЦГИА СССР. ф. 1268, оп. 1, д. 478, л. 15—16.

[72] ***Ногма Ш. Б.*** Филологические труды... 1958. Т. 2. С. 56.

[73] ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 478, л. 131 об.

[74] ***Услар П. К.*** О распространении грамотности между горца* ми//Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 3: Раздел «Горская летопись». С. 21.

[75] ***Ногма Ш. Б.*** Филологические труды... Т. 1. С. 109.

[76] ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 478, л. 155 об.

[77] ЦГА ЧИАССР, ф. 32, оп. 1, д. 2535, л. 4.

[78] Беслан Абуков закончил кадетский корпус в 1846 г. В звании корнета он был прикомандирован к Киевскому гусарскому полку, в котором прослужил до 1857 г., участвовал в Крымской войне, в октябряе 1854 г. был ранен под Балаклавой.

[79] ЦГА КБР, **ф.** 2, оп. 1, д. 38, л. 24 об. **См.** также: ***Тютюнина Е. С.*** **Сын** Шоры Ерустам//Эльбрус. 1979. № 4 (на каб. языке).

[80] ЦГА КБР, **ф. 40,** оп. 1, д. 4, л. 7, 48.

[81] ЦГА КБР, **ф.** 6, оп. 2, д. 1, л. 1-6.

[82] ЦГА КБР, **ф.** 40, оп. 1, д. 4, л. 46.

[83] ***Ногмов Ш. Б.*** История адыхейского народа... Пятигорск, 1893. **С.** 5, 6, 8, 10, 13, 19 и т. д.

[84] ***Тресков И. В.*** Этюды о Шоре Ногмове. Нальчик, 1974. С. 53—54.

[85] См.: ***Бейтуганов С. Н.*** Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик, 1991. "С. 97—100; ***Польская Е. О*** книгах Ш. Б. Ногмова //Ленин гъуэгу. 1969. 21 февраля; ***Тютюнина Е. С,*** Ерустам сын Шоры // Кабардино-Балкарская правда. 1979. 29 сентября; ***Хакуашев А. X.*** Об одном забытом рапорте Ш. Б. Ногмова//Ленин гъуэгу. 1981. 4 апреля; ***Туганов Р. У.*** Новое о старом //Живая старина. Нальчик, 1991. № 1.

ИСТОРІЯ

АДЫХЕЙСКАГО НАРОДА,

составленная по преданіямъ Кабардинцевъ

ШОРА-БЕКМУРЗИНЪ-НОГМОВЫМЪ.

Напечатана съ подлинной, исправленной рукописи и дополнена предисловіемъ, біографіею автора, примѣчаніями и приложеніями

Ад. Берже.

ТИФЛИСЪ.

Въ Типографіи Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго.

1861.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая мною ныне статья не новая; она была напечатана первый раз в «Закавказском вестнике» за 1847 год, под заглавием **«О** Кабарде». Вторичное ее издание вызвано разными причинами. Главная из них заключается в том, что номера «Закавказского вестника» за прежние годы почти нигде уже не встречаются и собрать их за целый год почти нет возможности, а потому и сама статья Шоры Ногмова сделалась ныне библиографической редкостью. При всех недостатках этого труда, который далеко не выдерживает исторической критики, в нем нельзя не признать в то же время и многих достоинств, по коим не излишне вторично вызвать его из забвения и закрепить снова печатью.

Кроме того, сличив печатную статью Шора Ногмова с имеющейся у меня подлинной рукописью, я нашел, что в первой допущены некоторые пропуски и отступления противу последней, и, решившись на настоящее издание этой статьи, я не мог не подвергнуть ее необходимым изменениям, которые на этот раз были довольно значительны. Они заключаются в следующем:

Заглавие, данное «Вестником» статье — «О Кабарде», я заменил тем, какое дано было ей самим Шора Ногмовым.

Предисловие автора и введение к статье я соединил, так как в одном повторяется многое, что есть в другом, а в последнем недостает того, о чем говорится в первом. В «Закавказском вестнике» предисловие вовсе опущено.

Слог статьи исправлен, насколько это было возможно, чтобы не изменить его совершенно.

Число **Лгав** противу печатной статьи значительно сокращено, так как некоторые из них заключают в себе лишь несколько строк.

Самая статья дополнена мною примечаниями в тех местах, где это было особенно необходимо.

Непосредственно за статьей следуют приложения. Одно из них, под заглавием: «Постановления о сословиях в Кабарде», было сообщено автором в дополнение к статье, вслед за которою оно напечатано и в «Закавказском вестнике»..

Наконец, я счел не лишним представить и биографический очерк жизни Шора Ногмова. При этом считаю долгом изъявить г. капитану генерального штаба И. И. Стебницкому душевную мою признательность за обязательное сообщение мне некоторых сведений о Шора Ногмове, собранных им по моей просьбе во время поездки в Кабарду, со слов Урустам[1] Ногмова, сына покойного автора, который в свою очередь дополнял их расспросами у своей матери. Другая часть сведений получена мной официальным путем, от начальника Кабардинского округа г. генерал-майора кн. В. В. Орбелиани.

Ад. Берже [I]

[1] Сына Ногмова звали не Урустам, а Ерустан. — ***Ред.***

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ШОРА-БЕКМУРЗИНА-НОГМОВА

Личность автора следующей за сим монографии так интересна, что мы считаем необходимым предпослать ей несколько биографических о нем сведений, которые собраны частью из устных рассказов лиц, заслуживающих в этом отношении полного доверия, частью же из кое-каких печатных указаний и' официальных источников — из последних преимущественно.

Шора Бекмурзин Ногмов родился в бывшем ауле Ногмова, на р. Джуце, близ-Пятигорска, и, как должно полагать, в 1801 году. •Прадед его был природный абадзех и во второй половине прошлого столетия выселился в Кабарду, где потомки его ныне считают ся в разряде кабардинских узденей 2-й степени. Какие именно обстоятельства вынудили и сопровождали это выселение — неизвестно, ничего также не известно, и о предках Шора Ногмова. Да и самые сведения о жизни автора предлагаемой статьи касаются более внешних сторон его жизни, что по необходимости обусловливается свойством тех источников, какие мы имели под рукой. Для характеристики его внутреннего развития, к сожалению, у нас не было никаких данных. А такая характеристика представила бы живой интерес, как и все, касающееся внутреннего мира и нравственных качеств человека, который вправе быть назван передовым, особливо в той среде, в какой назначено ему. было судьбой родиться и жить [II]; среда же эта недалеко ушла от полудикого состояния в первой половине текущего столетия, да и теперь находится на той же ступени развития.

Сын небогатого отца, Шора Ногмов с юных лет выказывал особенное влечение к книгам; эта-то наклонность, по мере своего развития, впоследствии и выдвинула его из ряда соплеменников. На 18-м году он уже основательно знал арабский язык, которому

выучился в земле кумыков и, как должно думать, в дер. Андреевой, где он жил несколько лет. Кроме языков арабского и своего* природного; он хорошо знал турецкий и персидский. По возвращении от кумыков, Шора Ногмов сделался муллою в своем ауле. Но звание это не соответствовало врожденным его наклонностям; и потому он вскоре от него отказался. На 25-м году Шора Ногмов пожелал изучить русский язык, и с этой целью явился к командиру 1-го Волгского казачьего полка, подполковнику Лучкину, с просьбой поместить его в полковую канцелярию. Здесь он пробыл около трех или четырех лет, в течение которых успел до того усвоить себе русский язык, что в 1828 году был прикомандирован для обучения содержавшихся в кр. Нальчике аманатов из разных, горских племен русскому и турецкому языкам. Обязанность эту он; выполнял с необыкновенным усердием и успехом.

Но служба Шора Ногмова началась собственно с 1818 года,, при командовавшем на Кавказской линии генерал-майоре Дельпоццо. В том же 1818 и последующих 1819 и 1822 годах он состоял в распоряжении командовавшего второю частью кордона правого фланга полковника Победнова, исполняя разные поручения с отличным усердием и аккуратностью.' Когда же в 1822 году, при начальнике Кавказской линии генерал-майоре Стале. в: Кабарде вспыхнуло всеобщее возмущение, тогда Шора Ногмов принимал деятельное участие в разных походах и несколько раз был секретно посылаем на Минеральные Воды для собрания сведений о сборище неприятеля. При исполнении одного из таких поручений, в августе 1822 года, на возвратном пути из Пятигорска,, на р. Кумлыке, не доезжая р. Малки, он был встречен восемью^ хищниками и в схватке с ними ранен шашкою в ногу и контужен пулею в бок. Несмотря на всю опасность своего положения, он успел отбиться от них и в целости доставил в отряд все вверенные ему бумаги.

В последующие затем годы Шора Ногмов нередко оказывал русскому правительству довольно важные услуги, засвидетельствованные самим генералом Сталем. В 1825, 26 и 27 годах, как видно из выданных ему аттестатов от кисловодского коменданта генерал-майора Энгельгардта и командира кордона и казачьего полка подполковника Грекова, особенно рекомендуется неизменная преданность Шора Ногмова к русскому правительству и хорошие познания его в русском и восточных языках, усердие при исполнении возлагаемых на него поручений, а в особенности при командировке его для водворения спокойствия между кабардинскими узденями и их подвластными. Не менее благоприятны отзывы о нем управы колонии шотландцев. Наконец, с 1828 года, как я упомянул выше, Шора Ногмов был прикомандирован генералом

Эмануелем для обучения в Нальчике аманатов, что и продолжалось до конца 1829 года. С этого времени служба Шора Ногмова собственно на Кавказе прекратилась.

В 1830 году, уехав в Петербург, он поступил оруженосцем лейб-гвардии в Кавказско-горский полуэскадрон, с которым в начале декабря того же года отправился из столицы в конвое 1-го •отделения императорской квартиры, под командою штаб-ротмистра Хан-Гирея, в Вильно. В январе следующего 1831 года он причислен к квартире гвардейского корпуса, в феврале, в числе прочих, перешел границу Царства Польского и с 29 апреля по 4 июня, под командою Хан-Гирея, состоял в отряде генерал-лейтенанта барона Остен-Сакена... С 16 июня по 4 июля он участвовал в преследовании отряда генерала Гелгуда до прусской границы, а 3 октября присоединился в Варшаве лейб-гвардии к Кавказскому полуэскадрону; затем в феврале 1832 года он возвратился в Петербург. За все эти походы и участие в сражениях Шора Ногмов получил знак военного ордена св. Георгия и знак за военные достоинства 5-й степени.

В декабре 1832 года Шора Ногмов был произведен в корнеты, а в 1834 году за отличное исполнение разных поручений награжден золотой медалью на анненской ленте, с надписью «За усердие», для ношения на шее.

Живя в Петербурге, Шора Ногмов не забывал и науки. Усердно занимаясь чтением книг и переводами с арабского языка на русский, он вместе с тем не покидал и дальнейшего изучения турецкого языка, в чем ему много содействовал один приезжий турок. Это продолжалось до мая 1835 года, когда Ногмов был перечислен в Отдельный Кавказский корпус, с чином поручика по кавалерии. Возобновив, таким образом, прерванную на Кавказе службу и поселившись в Тифлисе, он деятельностью своей не мог не обратить на себя и здесь внимания тогдашнего главноуправляющего генерал-адъютанта барона Розена, который в вознаграждение его трудов подарил ему золотые часы в 500 руб. и 50 червонцев.

В 1836 году Шора Ногмов был отправлен для доставления в московскую клинику абадзехского старшины Али-Мурзы Лоова, лишившегося зрения, вследствие чего, по высочайшему повелению, ему надо было сделать там операцию. За исполнение этого поручения Шора Ногмов получил 100 червонцев, а в следующем 1837 году, по случаю приезда на Кавказ государя императора, награжден 700 руб. ассигнациями.

. В 1838 году Шора Ногмов был назначен секретарем в Кабардинский временный суд. Должность эту он исправлял пять лет и

.с увольнением от нее в 1843 году был произведен в штабс-капитаны.

В этот именно период времени Шора Ногмов успел более основательно изучить и обогатить запас имевшихся у него преданий кабардинского народа и составить по ним историю адыхейского народа, которая ныне появляется в печати *.

Окончив этот труд в 1843 году, Шора Ногмов пожелал до напечатания подвергнуть его рассмотрению С.-Петербургской Академией наук, а потому просил ходатайства бывшего начальника Центра князя Эристова (впоследствии кутаисского генерал-губернатора) о доставлении ему средств к поездке в столицу и о назначении ему, на время пребывания в ней, необходимого содержания. По доведении о сем до сведения государя, последовало разрешение на отправление этого офицера в Петербург, с прикомандированием его лейб-гвардии к Кавказско-горскому полуэскадрону и с производством ему со дня прибытия в столицу до возвращения на Кавказ содержания наравне с штабротмистром упомянутого полуэскадрона. Но, к сожалению, Шора Ногмов не успел довершить начатое и вскоре по приезде в. Петербург был разбит параличем и там умер в июне 1844 года.

После Шора Ногмова осталось семейство, состоящее из жены, трех сыновей и дочери; в настоящее время оно живет в ауле Кармова[2], на Малке, близ поста у Каменного моста. Старший сын, поручик Урустам Шора Бекмурзин Ногмов, воспитывался в Павловском кадетском корпусе, служил в гусарах, а теперь живет в своем ауле.

Этим ограничиваются все сведения о Шоре Ногмове Рассказывают еще некоторые кабардинцы, лично знавшие его. что он познакомился с Пушкиным во время бытности его в Пятигорске, что Ногмов содействовал поэту в собрании местных народных преданий и что поэт, в свою очередь, исправлял Ногмову перевод песен с адыхейского языка на русский [III]...

Ад. Берже

* Шора Ногмов написал еще грамматику кабардинского языка, переданную им покойному академику Шёгрену, который, рассмотрев этот труд, возвратил его в 1841 году, посоветовав автору переделать его и употребленную для выражения звуков кабардинского языка русскую азбуку заменить арабской.

[2] Сын Ногмова Ерустан при переиздании «Истории» в 1893 г. это предложение Берже изменил так: «Оно живет в ауле Ашабово на Малке в 25—28 верстах от г. Пятигорска». — ***Ред.***

ПРЕДИСЛОВИЕ [IV]

Все народы сохранили в памяти своей исторические предания и повествования о подвигах своих предков; но у образованных европейцев литература письменная мало-помалу вытесняет изустные предания, сковывая их печатью для отдаленного потомства. В нашем же народе, как не имеющем письмен, предания, по-прежнему передаваясь из уст в уста, существуют лишь изустно. Многие из них, под названием *сказаний старцев,* повествуются и теперь, и места, где происходили описываемые в них дела, сохранили названия, напоминающие или имена действующих лиц, или же подробности самого события.

Вместе с преданиями до нас дошли и старинные песни. Они поются при всех сборищах по решению общественных вопросов, при полевых работах и вообще по окончании дневного труда. Пение сопровождается музыкой и рассказами о подвигах древних героев или о давно минувших народных невзгодах. Все эти песни сочинены древними *гекуоками,* или поэтами, на языке кабардинском, как самом чистом из всех наречий черкесского народа, между которым и самые кабардинцы во все времена считались образованнейшим и влиятельным племенем [V]. Сюжетами этих песен в старину служили всякий подвиг, нашествие иноплеменников, распря или междоусобие. Число дошедших до нас преданий и песен весьма значительно. Сверх того, многие события, наиболее поражавшие воображение современников или имевшие важное влияние на общий ход дел в целом крае, породили пословицы и поговорки. Таким образом, сказания старцев можно поверить песнями, а верность

предания в главном его факте подтвердить названием урочища или народной поговоркой.

Имея часто случай участвовать в общественных беседах, я с жадностью слушал повествования наших стариков и с течением времени успел собрать множество слышанных от них преданий и песен. Хорошо знакомый с языками арабским, турецким и русским, я разобрал их в отношении к историческим фактам и расположил в хронологическом порядке. При этом я перевел некоторые песни на русский язык, придерживаясь буквального их смысла настолько, сколько это было возможно при свойствах обоих языков.

Из всего собранного мною мне удалось составить, хотя краткую, но довольно ясную -картину минувшей жизни адыхейского народа, и если, я решился на этот труд, то единственно из искреннего желания приохотить моих соотечественников к умственным занятиям на поприще науки, которая одна в состоянии показать им все выгоды просвещения и образования[3] [VI].

Обращаясь к источникам исторических сведений, существующих ныне у черкесского народа и служивших мне материалом при настоящем описании, я разделю их следующим образом:

1. Изустные предания, известные в народе под названием сказания старцев.

2. Песни, сочиненные гекуоками на важные происшествия и подтверждающие сказания старцев. В них воспеваются герои, о которых упоминает предание.

3. Пословицы и народные поговорки по поводу разных исторических событий.

4. Древние наименования урочищ, подтверждающие исторические сказания старцев.

5. Памятники зодчества и ваяния, сохранившиеся в целости от прежних времен.

[3] В ленинградской рукописи этот абзац звучит по-другому: «Принимаясь за это дело, я имел целью: во-первых — заслужить благосклонное внимание просвещенной публики в России, а во-вторых — приохотить и своих соотечественников к умственным занятиям литературой, которые находятся до сих пор в пренебрежении, но кои могут со временем доставить им все выгоды просвещения и образованности». Как видно, при редактировании А. Берже выпустил важные мысли Ногмова. — ***Ред.***

Кроме этих источников могут быть приняты за достоверные документы, при составлении истории нашего народа, еще следующие:

6. Любопытная рукописная книга уорка Измаила Шогенова, написанная, как оказывается, на греческом языке.

7. Сохранившиеся в Кабарде родословные списки фамилий нынешних князей на турецком языке.

8. Собрание так называемых *статейных* или *посольских дел* и *грамоты,* жалованные кабардинскому народу, из них:

1) От императрицы Екатерины II, августа 17 дня 1771 года;

2) Государя императора Александра I, января 20 дня 1812 года, хранящиеся ныне в Кабардинском временном суде.

ГЛАВА I

Сведения греков об адыхейском пароде. Зюхи, керксты, джпхи и Джихетия. Происхождение слова *адыге* или *адыхр.* Пределы, в которых жили адыхейцы. Происхождение слова *черкес.* Народы, находившиеся в сношении с адыгейцами и имевшие влияние на образование их языка. Названия, под которыми адыхейцам были известны окружающие их пароды Периоды, которым относятся предания об адыхейцах. Остатки и развалины древних зданий в земле адыхейцев. Бергустан.

Греки, занимавшие восточный берег Черного моря задолго до рождества Христова, передали сведения о наших предках, которых они называют вообще *зюгами* ***, а иногда [VII]** *керкетами* ****. Грузинские же летописцы именуют их** *джихами,* **а край называют** *Джихетиею* *****. Оба эти названия живо напоминают слово**

•* Под именем зюхи они встречаются у Арриана, в его описании РогШ **Еих1***ш с! тапз Егутгас! Рспр1из. Но этим именем древние называли только одно черкесское племя, ибо Арриан, определяя местом их жительства берега Черного мОря, в то же время свидетельствует, что р. Ахей (на с.-з.) отделяла их от санихов (нынешних жанеевцев). (См. **Аз1а** роГуд1о1!а **УОП** ЛиПиз К1аргоlЬ, Рапз, 1831, стр.'129—130)

** Керкеты (сегсе^ае) составляли особое племя и принадлежали, так же как и синды, к черкесскому народу.

*** Вот слова царевича Вахушта по французскому переводу г. академика Броссе:

Ье рауз аргёз ГАркНагеМа, а ГО. с!е 1а СарреИз Тзяа1, !и! с1ершз 1ез Ва^га1тс1е5 ^**и8**^и'а поз]оигз, арре1ё 1Эрке1т1. Се пот, йапз 1а \че (1е \УакМапд-(}оиг&а51ап, ез1 ё^а1етеп! аПпЪиё аи рауз аи **N. Йе** се1ш-с1 е1 аи<1е1а ***Ли*** Саисазе, рзяи'а 1а тег. Махз 1е 0]1ке1Ь асгие! а роиг НтНез: а ГЕ., 1а Сарре!, а ГО. е1 аи 5. 1а тег **&01ге,** аи N. 1е Саисазе. Сез1 ип рауз епНёгетеп! зетЫаЫе а ГАрЬкЬа-ге!п роиг зез ргосНийз, зез аттаих, зез тоеигз е1 зез иза&ез: 1ез

цуг, которое на нынешнем языке значит *человек.* Так как известно, что все народы первоначально называли себя человеками, а своим соседям давали прозвание по какому-нибудь качеству или по местности, то и наши предки, жившие по берегу Черного моря [VIII], сделались известными своим соседям под названием человеков: *циг, джиг, цух.* Слово же керкет есть, вероятно, какое-нибудь прозвище, да'нное им соседними народами, а может быть и самими греками. Но настоящее родовое название нашего народа есть то, которое уцелело в поэзии и в преданиях, т. е. *ант,* изменившееся с течением времени в *адыге* или *адыхе,* причем, по свойству языка буква *т* изменилась в *ди,* с прибавлением слога *хе,* служащего в именах наращением множественного числа. Есть в Кабарде старцы, которые выговаривают это слово сходно с прежним его произношением— *антихе;* в некоторых же диалектах говорят просто *атихе.* Чтобы еще более подкрепить мое мнение, я приведу свидетельство древней поэзии нашей, в которой народ всегда называется ант, например: *антыно-.копьеш* — антский княжеский сын, *антигишао* — антский юноша, *антигиуорк* — антский дворянин, *антигишу* — антский всадник. Витязи или знаменитые вожди назывались нарт, это слово есть сокращенное наант и значит «глаз антов».

В подтверждение . вышеизложенного приведу свидетельства древних греческих писателей, знавших многие подразделения или племена нашего народа под местными названиями, которые можно найти теперь на древних картах. Между прочим, на карте, составленной г-м Лапи, по сочинениям Птоломея и Плиния, на Кубани* ниже впадения в нее реки Лабы, поставлено по обе стороны Кубани слово *АпИсае.* Страбон, писавший за 15 лет до Р. Х., называет р. Кубань — *Антикитис* *. Ав-

Ьоттез у Иеппеп! р1из с!е 1а ЪпЛе. Аи1ге!о15 спгёНепз. Из < пе сопгшззеп! р1из таЫепап 1еиг геНдюп. Ьез АрНкпах е1 1ез Оркз з'ЬаЪШегй, з'агтеп*. з'ёцшреп! сотте 1ез ТсЬегкег, зоиуеп! тёте 1ез 1тёгез ас!ор1еп1 1еигз изадез. (См. ОезспрИоп дёодгар!^ие с!е 1а Сёогд1е, раг 1е ТзагёуЛсЬ АУакЬоисЫ, риЬПёе сГаргёз Гопд1-па1 аиЬдгарЬе, раг М. Вгоззе*. 51.-Рё1егзЬоиг& 1842, стр. 409 и 411).

* Под именем ***Антикита*** (АпНсНез) разумели северный рукав р. Кубани (Нуратз з. Уагйапез), впадающий в Азовское море и образующий вместе с южным рукавом, изливающимся в Понт, остров Еюп, ныне Тамань.

тор «Дербснт-Наме» называет все племена, обитающие от Терека до восточного берега Черного моря, Джулиаид. Сохранившиеся у нас предания утверждают (не означая эпохи), что этот народ обитал от р. Терека до рек Волги и Дона [IX] на север и, продолжая селиться по обе стороны Азовского моря, доходил до Крымских степей на западе*. К югу же он примыкал к Кавказским горам, которые в самых высочайших ущельях были обитаемы абадзехами.

* Черкесы населяли в древние времена западную сторону Кавказа и Крымский полуостров. По преданиям этого народа, одно из его племен, по имени ***Кабарда,*** оставило в VI **ст.** хиджры прежнее место жительства **на** Кубани и потянулось **на** север к Дону, откуда **оно,** однако, вскоре перешло в Крым. Здесь кабардинцы поселились **на** южной стороне, вследствие чего равнина между рр. Кача и Бельбек (которой верхняя половина называется ***Кабардою)*** и теперь еще именуется татарами ***Черкесскою долиною.***

На морской карте Средиземного и Черного морей, составленной в 1497 году Фредуцием Анкоиским, выставлено красными **буквами** название кабардинского народа несколько на запад **от** того места, где ныне находится Таганрог, и прежние места жительства кабардинцев, покинувших в VII **ст.** снова Крым и занявших остров, образуемый обоими рукавами Кубани при самом ее устье, и ныне еще называемый татарами ***«Кизыл-таш»,*** т. е. красный камень. Но и здесь пребывание их продолжалось недолго, и они вскоре передвинулись, под начальством Инала, родоначальника всех кабардинских князей, далее **на** восток и расселились вдоль по Кубани в нынешней Кабарде, где подчинили себе другие черкесские племена.

По преданиям, сохранившимся у осетин, черкесы **до** прихода из Крыма кабардинских князей назывались ***казахами,*** имя, которое они удержали **за** собою и в устах мингрельцев, и теперь еще называющих их ***казах-мепе,*** т. е. царями казахов. С этим согласуется и свидетельство Константина Багрянородного, который называет землю черкес, прилегающую к Черному морю, ***Сихиею,*** а вышележащую страну ***Казахией,*** которая граничит **с** землею аланов, или осетин.

Во время Георгия Интериано (Оеог&е 1п1епапо), писавшего около 1502 года, черкесы занимали весь восточный берег Азовского моря, **от** Дона **до** Боспора Киммерийского, откуда они были вытеснены русскими и татарами (См. **Аз1а** ро1уд!о11а, стр. 129—131 и статью мою: 01е Вег^уб1кег ёез Каиказиз, напечатанную в МШЬеПип&еп **аиз** Лиз**!из** Рег1пез' Оео&гарЫзсЬег Апз1ак йЬег \У1спт,1^е пеие ЕрГорзспипдеп **аи!** с!ет Оезатт(деЫе1е с!ег Сео**&га**рЫе **УОП** Ог. А. Рет.егтапп. Со1Ьа. 1860, кн. V, стр. 160—170). Шейх Эддин Дамасский говорит **о** христианском народе ***эзкеш,*** жившем **на** севере Черного моря, в соседстве **с** аланами и руссами. По мнению д'Оссона, это может быть зекхи или зихи,— названия, под которыми греки и итальянцы, **по** свидетельству Интериано, разумели черкесов **(см. д**'Оссона. **Ьез** реир1ез **с!и** Саисазе, е1с. Рапз, 1828, стр. 185—186).

Павел-диакон, путешествовавший на севере, нашел в 1-м столетии на Днепре [X] антов*. Вероятно, что та часть, которая обитала на западном берегу Азовского моря, подалась вверх по Днепру от приближения готов, начавших после Р. Х. свое обратное движение из Скандинавии на восток **.

Таким образом, часть наших предков была оттеснена на запад в первых веках христианского летосчистения [XI]. Мне было бы крайне прискорбно, если бы некоторые, читая эти строки, видели в них желание породнить моих соотечественников с Россией. Они увидят из следующих преданий, что две повести, происшедшие собственно у нас, перенесены греческими историками к восточным славянским народам.

Что же касается до названия черкес, то, несмотря на то, что одни его производили от персидского языка, а другие от татарского,— думаю, чго естественнее всего признать в нем древнее нарицательное имя *керкет,* **которое греки часто употребляли для означения наших предков.**

Здесь не лишне будет переименовать все народы, которые были в сношении с нашими предками и даже посредством частых переселений, или переходя в горы

* Прокопий, знавший антов в VI в., говорит: (Ое Ьe11. CoHı. кн. III, гл. 4) ...ыЙепога ас! 5ерıепıпопегп Ьас1еп1 Аг>1агитп рориП шПпШ (...страны дальнейшие от Черного моря к северу заняты .многочисленными племенами антов). Тот же писатель говорит, что анты к западу граничили- с славянами, которые жили отчасти близ Дуная, отчасти в самых полунощных берегах его (Мет. рориП II, 2 и 31). По известию готфского историка VI в. Иорнанда, анты принадлежали к народу славянскому (см. ***Ое*** геЬиз Оегклз, Гамбург, 1611, стр. 103: Мат Ы, и! тШо ехрозйютз, ye1 саЫодо **&епН8** (Нсеге соер1тиз, аЬ ипа зИгре ехогИ Ыа пипс потта **гейй*** ёеге, 1(1 ез1 Vепе^^, Апхез, 5с1ау1, е!с.) (см. Карамзин, История государства Российского, изд. Эйнерлинга, СПБ, 1842, т. I, гл. 1, примеч. 27, 36 и 43).

** Готфы явились из Скандинавии к Черному морю в III в. (Иорнанд, с!е геЬиз ОеНаз, стр. 83) и вместе с другими германскими народами овладели Дакией, которую составляли Молдавия, Валахия, Трансильвания, даже часть Венгрии и Баннат Темесварский (см. Маннерт, ОеодгарЫе, т. IV, стр. 172). В IV в., при царе их Эрманарике, основанная ими империя заключала в себе немалую часть Европейской России, простираясь от Тавриды и Черного моря до Балтийского. Около 377 года на них нападают гунны, делают Венитера, преемника Эрманарика, своим данником и освобождают из-под его ига антов (см. Историю государства Российского, т. 1, гл. 1, стр. 8—10, примеч. 25).

массами и присоединяясь к нашему народу, могли иметь большое влияние на состав и образование туземного языка. Кавказские анты, или адыхе, были завоеваны и служили аварцам *. До того, хотя и не долго, они были под властью Аттилы и служили в его войсках. Веру и многие искусства они заимствовали от греков, имея из них же и из латинцев епископов и священников. По истреблении Хазарского царства [XII], существовавшего на Дону **, некоторые из этого народа нашли убежище между нами, что напоминает родовое прозвание некоторых уорков. Фамилия Хазар еще существует у нас. Хотя остатки маджаров *, бежавших с берегов Кумы на Урал от завоеваний Ховарезмийского хана, ушли в Нагорный 'Дагестан, где они носят название** *андийцев,* **а другая часть у дигорцев, наших близких соседей, составляет дворянское сословие; но по преданиям известно, что некоторые из маджар соединились с нашими предками. Еще осталось в памяти народной, что некоторые фамилии вели свой род от сарматов [XIII] и потому носят название** *шармат.* **Здесь кстати приведу одну старинную, сохранившуюся у нас пословицу, доказывающую, что наши предки были ,с ними в коротких сношениях. Когда кто-нибудь в обществе много шутит и заставляет других смеяться, то ему говорят:** *«ты не черт и не шармат, откуда же ты взялся?»* **Сверх того, колония коптов и арабов, переселенная на восточный берег Черного моря потомками Арабхана, хотя и смешалась с нашими предками, но, вероятно, имела сильное влияние на их язык, потому**

* Если допустить, что нынешние адыхе—потомки древних антов, то свидетельство автора не подлежит сомнению: известно, что последние служили аварскому хану Баяну, так же как в V веке при Аттиле признавали над собою власть- гуннов.

** Хазары были разбиты на Дону Святославом (около 966 года), взявшим на этой реке укрепленный их город Белую Вежу, или Саркел византийских писателей. По уничтожении же Мстиславом в 1016 году их владычества в Тавриде, Хазарская держава в Европе пала.

*** Маджарами или мадиарами называют себя венгры, которые под этим же именем известны и у восточных писателей. По мнению Карамзина, общее, древнейшее имя венгров есть угры, и что маджарами прежде называлось какое-нибудь особенное, сильное племя. На Кавказе, на р. Куме, видны развалины, называемые ***Маджарами.*** Паллас говорит еще о Маджарском соляном озере близ Кумы и других развалинах, известных черкесам под именем' ***Маджар-юнт,*** или домов маджарских.

что ее князья получили власть и приняли добровольное подданство адыгов [XIV].

Из этого краткого обозрения явствует, что кавказские анты [XV] были под влиянием египтян и азиатских племен, посредством завоевания, колонизации и частного присоединения, что непременно способствовало к изменению языка. Не лишним будет исчислить здесь названия, под которыми были известны нашим предкам окружающие их народы: они называли греков — *гирге* и *аллиг;* Грецию — *Аллиг;* римлян и итальянцев вообще — *рум;* хазар — *хаза и каза;* Тмутараканское княжество — *Таматаркаем,* гуннов и впоследствии калмыков — *тургутами,* крымских киммериан — *кимиргенами;* турок — *темигами;* маджаров — *гурт.* В преданиях и песнях сохранилось еще имя, которое можно отнести к одному из готфских племен. Это слово *уард* или *варда.* Оно встречается в следующих выражениях: *варде, барде*— старые вардские дома; *варде ходесш* — подобно варду; *уарде аеш хахуш* — мужчина как вардская кость; *варде сорейсш* — как вардский двор. Это сравнение с вардами имеет всегда смысл *великого, сильного, могучего.*

Все предания, сохранившиеся о народной жизни адыхов, можно отнести к трем главным периодам: 1-й заключает в себе время, в продолжение которого адыхе находились под влиянием греков. /Н-й начинается от нашествия аваров, остановившего развитие просвещения и гражданственности в нашем народе, и наконец, Ш-й — от пришествия потомков Арабхана и подчинения себе адыхейских племен. Все здания, оставшиеся в земле нынешних адыхе, без сомнения, должны быть отнесены к 1-му периоду. В наших горах сохранилось много церквей, которых крестообразная форма доказывает греческое их происхождение. Два таких здания находятся в верховье Кубани. Между реками Кубанью и Тебердою стоят кирпичные дома; один из них называется *тонна,* а другой — *хасамыва.* Шонна есть испорченное слово от *шуунне,* что значит «дом всадников». И ныне еще можно видеть там каменные ясли и колоду. *Хасамыва* значит «камень заседания судей». Говорят, что вместо зерцала там имели камень с изображением конского копыта и собачьей лапы. По преданию, там устроено было тесное отверстие, чрез которое надлежало проходить для испытания в невинности. Виновный,

сколько бы ни был тонок, не мог пролезть, а невинный пролезал, хотя и с большим трудом.

Между Кубанью и Зеленчуком, на высотах стоят кирпичные здания, называемые *адиюх,* в переводе: «дела предков». Там, по преданию, жили священнослужители.

Каменные здания за Кубанью, в верховьях Кефара и на реке Зеленчуке, которые называются *эллигах-яунне;* т. е. «дом эллигов»* вероятно, были построены греками, торговавшими у адыгов, а может быть, были не что иное, как монастыри. На берегу реки Терека, выше соединения ее с рекой Малкой, находятся в большом числе башни или минареты. На кабардинском языке их называют *жулат,* сокращенное из *жоритла ант,* т. е. «часовня для подаяния доброхотных дателей». По преданию, они основаны нашими предками в древности и: были посещаемы для очищения и принесения жертв. Если между союзниками или друзьями случалась ссора или нарушение слова, то оба отправлялись к жулату с луком и стрелами. По прибытии туда, они становились один против другого, брали стрелу за . концы и давали обещание, что между ними впредь никакой ссоры не будет; потом разламывали ее надвое и возвращались восвояси. Этот обряд называли *жулат.* Кабардинцы рассказывают, что когда Кодже-Берды-хан с татарами поселились под самым жулатом, то народ стал называть эти здания *Татартуп,* т. е. «под татарами». Когда же Кодже-Берды-хан с своей ордой удалился, то другой хан — Жанбек совершенно присвоил себе жулаты и обратил их в минареты. Но предание продолжало сохраняться в пословице; народ вместо клятвы говорил для утверждения своих слов: *татартуп пенжесен*— «да буду в татартупе многожды!» [XVI].

В Карачае есть здание, построение коего приписывается меотам; другое на Кубани, называемое синты — имя одного племени, которое древние географы помещали на Кубани [XVII]. По преданиям известно, что на берегу р. Малки существовал город *Малкана* или *Балх.* Между реками Чегемом и Баксаном находится много следов древних укреплений, от которых остались рвы и валы. Некоторые из них так древни, что предание молчит о времени и именах их строителей. На правом берегу Подкумка стоит высокая гора, имеющая форму продолговатого четвероугольника, обращенного одной

стороной к реке; эта гора очень крута. С противоположной стороны примыкает к ней другая гора, ниже первой, посредством узкого перешейка; первая из них вверху опоясана скалой, которая тянется не прерываясь кругом всей горы и похожа на искусственную стену. На стороне, обращенной к реке, эта скала просечена на одной сажени, где видна лестница, сделанная в камне, о шести ступенях, которые вели на вершину горы: на ней видны во многих местах груды обделанных камней. Там находили серебряные кресты, ложки и другие металлические вещи. Между прочим, найден большой железный крест, подобный тем, какие украшают главы русских церквей. Предание говорит, что тут был город, называвшийся *Бергусант;* **этимология этого слова значит: «собрание многих антов». Русские его называют Бергустаном *.** *(Нарт-сана,* **вместо** *Нарвант-Псина,* **ныне Кисловодский колодезь;** *нар* **— значит — глаз;** *ант* **— народ антский;** *псина***—колодезь). Вероятно, место это в древности принадлежало антам, нынешним адыгам. Нельзя с точностью определить время, когда анты обитали в этих местах, но ныне в преданиях и песнях часто упоминают об них; Нарт-сана зовется разными именованиями: первое** *Нарт-сана;* **второе —** *Санох* **(вместо Псина-ху) — значит «светлый или священный колодезь»; третье—***Санох-фадде* **(вместо Псинах-фадде) — «священный колодезный напиток». Когда нарты или витязи желали напиться[4] воды из этого колодезя, то все знатнейшие люди должны были собраться к старшему; затем, по древнему обычаю привязывали к дверям желтого быка для приношения жертвы: зажигали в комнате шесть светильников, начинали молиться по древнему обыкновению и, помолившись, пели в честь рыцарского колодезя, говоря:** *«ноба нартыхе я псинохой фесьш»*[5]**,— т. е. «сегодня питье священной рыцарской воды».**

* Бергустан или Подкумок; была и станица этого имени, но ныне она переведена на реку Бургунту.

[4] В лен. рук.: «испить». — ***Ред.***

[5] ***«Нобэ нартхэ я сэнэхуафэщ».***

ГЛАВА II

О быте древних адыхе. О физическом и нравственном их характере). Верховая езда. Щегольство оружия. Небрежность в наряде. Оклад лица. Древний образ ведения войны. Храбрость. Наказание тр>сойти Древнее вооружение. Гостеприимство. Право, предоставленное чужеземцам в земле адыхов. Целомудрие. Обряд сватовства. Преимущество мужей и рабство жен. Воспитание Кровомщение, Уорки. Уважение к старости. Браки между простым народом Шапсуги и их жилища. Кабардинцы и места, на которых они преимущественно селились. Постройка домов. Хлебопашество. Обычаи при снятии хлебов. Пчеловодство. Скотоводство. Отсутствие монеты и меновая торговля. Костюм мужской и женский. Музыка и музыкальные инструменты. Танец. Стихотворцы. Трубачи. Счисление времени. Названия года, месяца, недели, дней, месяцев и столетия. Древний образ правления. Право собственности. Звание князя. Пища. Отношения владельцев к подчиненным. Честность. Препятствия к просвещению. Начало построения крепостей. Свидетельства о древнем искусстве адыхов. Их верования. Празднество при уборке хлеба. Язык

Судя по дошедшим до нас преданиям, можно заключить, что древние адыхе одарены были благородством души и хорошими умственными способностями, славились деятельностью и сметливостью. Строгое воспитание приучало их твердо сносить сильный зной и горный холод и без ропота испытывать всевозможные лишения. Таков был древний адыхейский народ, по сказаниям старцев. Всем известна древняя поговорка: *«нар ант лежеко»,* т. е. «трудолюбивый ант». И, действительно, адыхейцы были известны в древние времена своим трудолюбием; но после грозных нашествий, переселений,

частых побегов в горы, где они принуждены были ехи-таться по самым скудным местностям, от частой перемены и от притеснений владельцев, а в позднейшие времена-от беспрестанных набегов татарских и калмыцких орд нравы их совершенно изменились. Прежние хорошие качества исчезли; народ впал в беспечность, леность и во все происходящие от них пороки, которые вовлекли его в бедность и нищету, заставляя довольствоваться самою грубою пищею и весьма худым жилищем. Упражнения в искусствах, принесенных греками и введенных под влиянием христианской веры, утрачены и забыты.

Адыхе удивляли соседей своею ловкостью и неутомимостью в верховой езде, красивой одеждой, искусством накидывать аркан; они соскакивали с лошади на самом быстром скаку и поднимали кольцо или монету; также искусно владели они и оружием, стреляли метко из лу^ка и ловко метали копьем и дротиком. Доныне щегольство оружием составляет главную нашу заботу, и владетель хорошего пистолета или отличной шашки слывет за счастливого воина. Отцы наши полагали, что уменье владеть оружием составляет главную обязанность каждого человека, что упражнение в этом искусстве придает ему красоту стана, ловкость и проворство в движениях. Адыхе мало заботятся[6] о чистоте своей наружности, часто покрытые грязью и пылью, они являются в многочисленном собрании, где беспорядок одежды нисколько не предосудителен. Все хвалят нашу стройность, высокий рост и мужественную осанку. Оклад лица часто сбивается на славянский, особенно в простом народе. Адыхе, отправляясь на войну, избирали вождей и сражались рассеянными конными или пешими толпами, следовали в своих действиях не общему плану, а мгновенному внушению предводителей, которые руководствовались отважностью и мужеством, не зная никогда благоразумной осторожности. Адыхе славились храбростью и безответным мужеством. Уличенных в трусости выводили перед собранием в войлочном безобразном колпаке для посрамления и налагали пеню, которая определялась ценою в пару волов. Храбрейшие бросались"в*средину врагов и первым натиском опрокидывали их. От этого хан Байкан ставил всегда наших

[6] В лен. рук.: «пекутся».— *Ред.*

предков в передовом войске. Кроме природного мужества, адыхе отличались особенным искусством драться в ущельях, скрываться в кустарниках и лесах, лазить по стремнинам и непроходимым местам. Древнее вооружение состояло из копья, дротика, меча, стрелы и палицы. Оборонительное оружие заключалось в шлемах, латах и в больших, весьма тяжелых щитах. Храбрость рождает славолюбие; уверенность в себе дает человеку характер самостоятельный. Адыхе были великодушны и чужды низких страстей. Они гордились своею славой и воинскими подвигами. Вспомним прекрасный ответ Лавристана и других вождей на требование дани и покорности послами аварскими: «не дадим дани, доколе останется хоть один меч, доколе останется хоть один из нас в живых»[7].

Доблестные подвиги адыхов надолго сохранились в. памяти кавказских племен и преимущественно у абазинцев *, или правильнее оссов, с которыми они жили в мире и союзе. Предание повествует, что адыхе не знали ни лукавства, ни злобы и дорожили древней простотой нравов, соответствовавшей тогдашнему образу жизни. Пример этот находит даже и теперь много последователей.

Память прежнего гостеприимства сохранилась в преданиях о тогдашних нравах. Несмотря на все бедствия и политические перевороты, эта добродетель не ослабела и ныне. Для нас всякий путешественник, переступивший через порог сакли, есть лицо священное. Его встречают ласково, угощают радушно, дают ему лучшее ложе, провожают с благословением и передают для безопасности друг другу на руки. Хозяин отвечает перед всем народом за безопасность чужеземца, и кто не сумел сберечь гостя от беды, или даже простой неприятности, того судили и наказывали. Хозяин должен был, в случае надобности, жертвовать для гостя жизнью. В старину между адыхами мало было дурных людей, а о

[7] ***«Тазыр ттынкъым зы джатэ закъуэрэ зы ц1ыхурэ псэууэ къэнэхуЫ***

* Абазинцы (алтыкисек или басихог) населяют самую возвышенную полосу по северной покатости хребта, между верховьями Кумы, Подкумка, на левом берегу Кубани и у истоков рек Кефара, Бежеона, Лабы, Ходза и Губса. Племя это разделяется на кумских и кубанских абазинцев (см. «Краткий обзор горских племен на Кавказе», стр. 9).

разбоях предания и вовсе не упоминают. Помогать бедным поставлялось всем в священную обязанность[8]. Просить помощи у соседа или у незнакомого не почиталось пороком.

Чужеземные купцы и ремесленники охотно посещали адыхов, потому что не опасались разбоя и воровства. Бедному переселенцу из чужих стран позволялось красть в течение шести или семи лет, для поправления своего состояния. Но по истечении срока, положенного обычаем, запрещалось прибегать к этому средству обогащения. Адыхе также славились своим целомудрием. Когда мужчина женился, то не приводил жены прямо в свой дом, а помещал ее на время у кого-нибудь из приятелей, которого называли *тейшарисш,* т. е. «кум», а по прошествии трех суток отводил ее в свой дом с разными обрядами, завершавшимися пиром. Голова и лицо молодой были покрыты нарядным платком, который в течение некоторого времени не снимался. Потом назначалась какая-либо особа для снятия с головы платка стрелою, что исполнялось с возможной быстротой. Тот, на которого возлагалось исполнение этого обряда, назывался *хитех,* т. е. «сниматель». Когда молодая переходила в дом к мужу, то тесть должен был посылать в прислуги верного человека, которого называли *жемхагасо,* на целый год. По окончании срока он отпускался к тестю с подарком. В случае худого поведения молодой до свадьбы, муж имел право ее удалить, что ведется и по настоящее время. Мужья считают жен совершенными рабынями; во всяком случае, они должны оказывать во всем безусловное повиновение; им не только не позволяется противоречить, но даже произносить жалобы. По смерти мужа жена должна была посещать его могилу в течение сорока дней ежедневно и несколько времени там просиживать — что называлось *кадес,* т. е. «надмогильное сидение». Ныне этот обряд не исполняется. Рабство жен, без сомнения, происходит от обычая, существующего и ныне,— платить отцам за невест скотом, лошадьми и вещами так называемую *уасса,* т. е. «калым».

Мальчики воспитывались у женщин до 7 лет; после того они поступали на руки к мужчине, которые обу-

[8] В лен. рук.: «Помогать обедневшему поставлялось всем в обязанность». — ***Ред.***

чали их владеть ножом и попадать им в цель. Когда они подрастали, то вместо ножа давали им для упражнения кинжал. За ним следовали лук и стрелы; таким образом, постепенно приучали их, по мере возмужалости и развития сил, владеть всяким оружием и ездить верхом. Девочкам с 7 лет зашивали талию в сафьян, чтобы придать ей более стройности. Их учили вышивать золотом и шелками, делать тесемки, галуны, шить платья. Когда же девушка выдавалась замуж, новобрачный разрезывал ножом шнур, которым зашит был сафьян, с возможной притом осторожностью, чтобы не захватить ни тела, ни сафьяна. Если он повредил одно или другое, то это вменялось ему в большое бесчестие. Молодая женщина по снятии этого корсета начинала полнеть с такой быстротой,, что через несколько дней у нее грудь заметно развивалась. Все эти обычаи сохранились и доныне. Зашивание очень вредит здоровью, от него многие впадают в чахотку.

Дети князей или владельцев отдавались тотчас после рождения уорку или дворянину, который нередко еще за месяц добивался этой чести. До 7 лет воспитатель *(бофхако)* князька нянчил своего воспитанника *(кана),* напевая ему: «лелай, лелай, 'лелай, мой свет, вырастешь велик, будешь молодцом; отбивай коней и всякую добычу, да не забывай меня, старика»[9] и т. п. В 16 лет воспитатель одевал молодого князя как можно лучше, снаряжал ему хорошего коня, снабжал богатейшим оружием и отвозил в отцовский дом, в который до того сын не мог ездить; при этом возвращении соблюдалось множество обрядов. Отец молодого князя награждал воспитателя лошадьми, скотом и даже холопами и потом отпускал с честью домой. Воспитанник был обязан ничего не жалеть для своего аталыка и исполнять все его желания. Особы женского пола из княжеского рода воспитывались также в чужих домах и ездили к своим только для свидания. Калым отдавался аталыкам [XIX].

Адыхе стыдились забывать обиды или оскорбления и старались за них мстить. В случае убийства или нанесения раны, обиженные искали случая и средства отомстить не только виновному, но и всему его роду. Дети

[9] «Лэу-лэу-лэу, сэ си нэхунэ, ин ухъунщ, л1ыф1 ухъунщ, шыбэ кгэпхум, ф!ыгъуэ къэпхьым сэ л1ыжьри сызыщумыгъэгъупщэ».

и родственники мстили кровью за кровь Виновный мог, однако же, прекратить родовое кровомщение, украв сам или при содействии другого лица из семьи обиженного дитя мужского пола, воспитав его со всем рачением, как сына, и потом, наградив его лошадью, оружием и одеждой, доставить его с большой церемонией обратно. В этом случае мальчика называли *тлечежипкан,* т. е. «за кровь воспитанный».

Некоторые утверждают, что в древности дворяне или уорки были гораздо образованнее простых людей и мягче нравами. Старцы были уважаемы молодыми людьми, которые не смели им противоречить и даже при них садиться. Хорошее поведение считалось лучшим украшением жен; чистота брака почиталась священной обязанностью. Простой народ, более дикий, не знал браков, основанных на согласии родителей и супругов, и имел в обыкновении тайно похищать жен и девиц. Молодые люди обоего пола сходились на игрища в селениях. Мужчины выбирали невест и без всякого обряда соглашались жить вместе. Обстоятельство это подтверждается названием наших родовых холопов: *тльхо кошао,* т. е. «человек, неправильно рожденный, юноша, тайно рожденный». Ныне названия *хамуко* — «сын гумна» и *ххамуко* — «сын собаки» указывают на происхождение низшего класса [10].

Из множества племен адыхов, живущих за Кубанью, кяхе, или нынешние шапсуги *, обитали в горных ущельях или в глубине лесов, которые защищали их от неприятеля и представляли удобства для звериной ловли. Они строили хижины в диких и уединенных местах, среди непроходимых болот, так- что трудно было путешествовать в их земле без вожатого. Убежища эти служили им оградой от беспрестанно ожидаемого врага. Они брали еще другие предосторожности: делали в жилищах разные выходы, чтобы в случае нападения иметь

[10] Здесь Ш. Б. Ногмов пересказывает существовавшую в то время «аристократическую» версию о «неблагородном» происхождении крестьянства.

* Они разделяются на больших и малых по двум разным участкам^ на которых обитают. Участок, занимаемый большими шапсугами, находится на Нижней Кубани; участок же малых шапсугов прилегает к восточному берегу Черного моря и граничит с севера Главным хребтом, а с юга р. Шахе, за которой живут убыхи.

возможность скорее спастись бегством. Имущество, лучшие вещи и хлеб скрывали в пещерах или глубоких ямах; скот угоняли в леса. Кабардинцы же строились преимущественно на равнинах и только частью в ущельях. Селения обрывали канавой и делали кругом завалы, подобные нынешним полевым укреплениям. Издревле имели привычку располагать дома четвероугольником, так что для четырех семейств делали одни ворота для выезда и выгона скота. Кунакские дома для гостей находились в недальнем от жилья расстоянии. Жилища черного народа, уоркские и княжеские, строились Отдельно одно от- другого. По многим уцелевшим следам можно заключить, что адыхе имели крепости, в которых защищались от нападения врагов.

Адыхе издревле занимались хлебопашеством и сеяли просо, ячмень, полбу, кукурузу и огородные овощи: лук„ чеснок, редьку, свеклу и пр.; на нашем языке есть названия всех хлебов, исключая сарачинского пшена. Хозяин не мог располагать сжатым и убранным хлебом до совершения установленной для сего молитвы. По совершении же ее, из нового хлеба приготовлялся обед, на который созывались ближайшие родственники. После этого пира, называемого *хама умухо,* можно было продавать, отдавать в ссуду или раздавать милостыню из нового хлеба. Они также имели хорошее пчеловодство, конские табуны, рогатый скот, коз и овец; но особенное внимание было обращено на разведение хороших лошадей. В древние времена не знали употребления монеты, а торговая мена производилась на хлеб, скот, одежду и прочие вещи. Одежда мужчин походила на нынешнюю черкеску, но шилась с разрезными рукавами. Употреблялись башлыки, панчохи, ноговицы, бурки из овечьей шерсти, чувяки, шапки и шубы; легкие бешметы, стеганные на бумаге. Женская одежда состояла в длинной сорочке из кисеи или бязи и шелкового стеганого бешмета, который шился иногда длинным, иногда коротким, как у мужчин. На головах девушки и молодые женщины носили шапки с небольшим околышем из смушек. С замужних женщин шапка снимается свекром после первых родов, и голова повязывается косынкой; при этом случае он обязан дарить сыновний дом скотом и другими предметами, по своему сострянию. Пожилые женщины носили на голове белые косынки из бумажных материй.

Музыка была в большом употреблении на праздниках, свадьбах и на пирах, которые давали при рождении детей. Употребительные инструменты были: балалайка, скрипка, род цимбала о двенадцати струнах и дудка. Схватись руками, мужчины с девушками составляли круг, и потом одна пара выходила плясать на середину круга, где становились музыканты. Танец этот не имеет себе подобного у прочих азиатцев. На праздниках молодые люди выезжают верхом для ристания; делают маневры [11], в которых конные стараются прорваться в круг пеших, вооруженных палками.

Сочинители стихов и песен назывались *гекуоками,* они были люди неграмотные и простого звания, но одаренные поэтическим воображением. Гекуоки и трубачи *(кирапьеш* или *сринапшо),* которые на войну ездили всегда на серых конях, должны были сочинять стихи или речи для одушевления воинов перед сражением. Становясь пред войском, они пели или читали свои стихи, в которых упоминали о неустрашимости предков и приводили для примера их доблестные подвиги. По принятии магометанской веры гекуоки исчезли, но память о них сохранилась вместе с их творениями, и предание говорит, что они были вообще любимы, а песни их приносили много удовольствия и пользы. Хотя народ не знал грамоты, но подобно европейским народам умел считать время.

Некоторые названия дней ясно доказывают, что это счисление заимствовано у греков. Год делился на 12 месяцев и назывался *итляс;* месяц — *маза,* неделя — *тхамахо.* Дни носят следующие наименования [12]: понедельник — *ближха;* вторник — *убис;* среда — *борежия,* четверг — *махако;* пятница — *мареим,* т. е. «Марьин день»; суббота — *шабат;* воскресенье — *тхамахо,* т. е. «божий день». Названия месяцев следующие [13]: январь — *тчимахок-маза,* т. е. «сильный холод», февраль — *гиемахок-маза,* т, е. «последний месяц зимы», март — *гатхепе-маза,* т. е. «первый весенний», апрель — *маль-хоо-маза* — «бараний мор», май — *вогуохо-маза* — «па-

[11] В лен. рук.: «делают пример сражения». — ***Ред.***

[12] ***Гъубж, бэрэжьей, махуэку, мэрем, щэбэт, тхьэмахуэ.***

[13] ***Щ1ымахуэку мазэ, щ!ымахуэк1э мазэ, гъатхэпэ мазэ, мэл лъхуэгъуэ мазэ, вэгъуэ мазэ, гъэмахуэпэ мазэ, гъэмахуэку мазэ, мэкъуэуэгъуэ мазэ, 1ухыжыгъуэ мазэ е гъуэгыгъуэ мазэ, 1уэгъуэ мазэ, мэкъушэжыгъуэ мазэ, щ1ымахуэпэ мазэ.***

хотный месяц», июнь — *гомахопе-маза* **— первый летний месяц, июль —** *гомахок-маза* **— середина лета, август —** *макоого-маза* **— «сенокосный месяц», сентябрь —** *гогиго-маза* **— «месяц уборки хлеба или рева зверей», октябрь —** *ого-маза* **— «молотьба хлеба», ноябрь —** *мокшежуго-маза,* **т. е. «в который перевозят сено домой», декабрь —** *тчимахопе-маза,* **т. е. «первый зимний». Столетие называлось** *тлинибж*[*]**, т. е. «век жизни человеческой», что свидетельствует о долговечности наших предков.**

Народ наш не имел гражданского устройства и, не зная выгод правительства сильного, не терпел неограниченных владетелей в земле своей и думал, что лучшее благо для человека есть дикая и необузданная свобода. Но в семействе старший имел власть неограниченную: отец над детьми, муж над женой, брат над сестрой. Всякий избирал место жительства и строился где хотел. Но общий древний обычай служил между ними общественной связью. В важных случаях единоплеменные сходились для совещаний, и народ уважал приговор старцев. С общего согласия предпринимали воинские походы, избирали вождей; но будучи привязаны к независимости, весьма ограничивали их власть и часто не повиновались им даже во время самих битв. Совершив общее дело и возвратись домой, всякий считал себя господином и владыкой в своей хижине. С течением времени завелся для совещания некоторый порядок в общем собрании. Всякое предложение владельцев было рассматриваемо несколькими старшинами, которые съезжались по приглашению в назначенное место. Потом владельцы и старшины предлагали дело общему собранию уорков и вместе с ними рассматривали его. Уорки почти всегда были согласны с мнением владельцев, у которых они были в зависимости. Наконец дело вносилось в народное собрание, в котором участвовали все подданные владельцев. Согласие простого народа решало законодательное положение. Народу предоставлялось принять или отвергнуть предложение владельцев, хотя бы на это были согласны уорки. Словесное изречение народного приговора имело силу закона. Князья имели в своих руках исполнительную власть, держа для исполнения повелений класс уорков, которые долж-

«Л1ыныбжь», н. ж. ***Єзы ц1ыху гъащ1э».***

ны были на общих собраниях склонять народ к принятию предложений владельцев.

Князья не имели собственности: все принадлежало народу, но уорки имели собственность [XX]. Звание князя почиталось столь священным для адыхов, что всякий подданный считался обязанным для защиты владельца жертвовать не только имуществом, но и жизнью. Князья издревле назывались *покровителями и защитниками народа,* каждый из них имел более или менее зависящих от него подвластных. Их называли *псьши,* что на нашем языке значит «выше».

Владельцы обращаются с уорками и народом просто, без гордости и надменности. Сильнейший и богатейший владелец живет в такой же хижине, как и последний уорк; пища состоит из вареного пшена и куска баранины. Для питья употребляют *бузу,* которая у богатых подслащивается медом. Владелец, не имея ничего собственного, получает все продовольствие от подчиненных. Пользуясь этим правом, он берет все без платы или какого-либо вознаграждения, за что владелец в свою •очередь не должен ни в чем отказывать подданному, который пользуется еще правом всегда взойти к своему господину и разделить его трапезу. Если уорк увидит на владельце хорошее платье, шапку или другое и пожелает иметь эту вещь, то владелец не в праве ему в том отказать. Это обыкновение с первого взгляда должно бы вознаграждать народ за право, которое имеют владельцы на его собственность; но алчность есть порок бедных, а корыстолюбие в богатых не имеет предела. Владельцы из опасения разориться одеваются весьма бедно. Часто случается, встречая князя вместе с уорком, принять последнего за князя, а первого за простолюдина.

Древние адыхе не уступали другим народам в честности, добронравии и гостеприимстве; и нет сомнения[15], что только гибельное нашествие аваров и причиненное ими разорение помешало возникавшему просвещению, перенесенному из Греции, и ввергло народ во мрак невежества и варварства. Не имея денег, они брали золото и серебро единственно как товар. В это же время начали строить небольшие крепости с рвами и валом для защиты края от набегов неприязненных народов.

. [а5] В лен. рук.: сно вероятно». — *Ред.*

Имея некоторое понятие об искусствах, они вырабатывали из собственного железа и меди котлы, топоры, ножи, сошники, косы и серпы. Также они были искусны и в делании всякого оборонительного и наступательного оружия из стали. Уцелевшие древние надлобные монументы из камня, с изображением витязей в шлемах с мечами, щитами и прочим вооружением и гладкие каменные плиты с выпуклым изображением рук, копыт, мечей, щитов и других фигур могут служить свидетельством об искусстве наших предков в ваянии.

Адыхе приписывали все случаи человеческое жизни воле всевышнего существа, миротворителя. Поэтому на поле ратном, в болезнях и во всех важных случаях старались умилостивить его молитвами, обетами, принося ему в жертву волов и других животных. Осенью первый день после уборки хлеба праздновался с большим торжеством. Сперва читали молитву, называемую *тхашхогухаж*[16], что значило «прибегать к великому богу». В этой молитве просили всевышнего даровать им здоровье и воссылали благодарение за прошедшее лето, за сотворение хлеба и плодов земных и пр.; после молитвы пировали и веселились.

Адыхейский язык * отличается от всех европейских и азиатских языков особенным построением [XXI]. Кабардинское и бесленеевское наречия самые чистые; на этих наречиях сохранились песни, повествующие о делах минувших времен. Справедливость требует упомянуть, что хотя наш язык не сходствует с европейскими, но найдется и в нем несколько слов греческих, латинских и славянских.

[16] ***«Тхьэшхуэ гухэж».***

* До настоящего времени по изучению адыгского языка сделано еще весьма мало. Кроме г. Люлье, составившего словарь с краткой грамматикой этого языка, изданной в 1846 году в Одессе, этим же предметом занимался и автор настоящей статьи; но труд его не был напечатан и имеется у меня в рукописи.

ГЛАВА III

Память об Юстиниане. Введение христианской веры между адыхейцами. Юстинианов стол и трон. Построение храмов в земле адыхов. Лесистый курган. Дворянские роды от духовенства. Рукописное евангелие узденя Исмаила Шогеиова Посты, праздники и поверья, оставшиеся от христианства. Распространение между адыхейцами ислама. Знаменитые люди древности. Созироко и Озирмег. Песни. Повесть о Баксане. Плач сестры Баксана о его смерти. Анты, гунны и Аттила.

Греческий император Юстиниан, по сказанию старцев, *Юстин* или *Юстук,* был союзником адыхейского -народа и даже называл себя *адыхейским витязем.* С помощью наших предков он одолел врагов империи. Так, между прочим, особенно сохранилась память о победе, одержанной над готами и их союзниками.- После того Юстиниан обратил милостивое внимание на адыхов и стал прилагать старание к обращению их в христианство. Адыхе приняли его от греков без сопротивления, что и послужило к сближению этих двух народов. Имя Юстиниана было в таком уважении между • адыхами, что, для подтверждения своих слов, народ клялся юстиниановым *столом* и юстиниановым *троном. Юстиниана* значит «юстинов стол»; *тот Юстюк* — «юстиняаново седалище». В древности наш народ никогда не клялся именем всевышнего существа, но произносил для подтверждения истины имя уважаемого человека.

Под влиянием союза с Юстинианом, греческое духовенство, проникши в Кавказские горы, внесло к нам миролюбивые занятия искусствами и просвещение. К этой эпохе относят построение храмов божиих в нашей земле. Священник назывался у нас *шогень;* епископ —

техник[17]. Предание сохранило даже название места, где обитал первый епископ, пришедший из Греции; онб находится в четырех верстах от крепости Нальчика и называется «Лесистый курган». И теперь этот курган очень высок. Вот песня, в которой упоминается о нем и прославляется епископ, там обитавший:

> **«Шехник- наш защитник и воспитатель, шехник наш свет. Воспитатель рассуждал о законе божием с вершины лесистого кургана.**
>
> **И на лесистом кургане сковал ему дом из жести с дверьми из литого серебра и там-то обитал светлый божий дух.**
>
> **И ангелы беседовали с мудрым старцем. Свет от бороды его уподоблялся свету факела.**
>
> **Он парит в воздухе, как земная птица, подымается под облака и видит творящих беззакония.**
>
> **Ребро его не простая кость, но кость слоновая, и благородный золотой крест сияет на его груди» [XXII].**

Христианская вера процветала в^ Кавказских горах, будучи поддерживаема греческим духовенством, заменявшим[18] убылых присылкой новых епископов и священников. От них произошли многие дворянские роды, которые говорят, что они происходят от _тогеня Гирге_ или от _шогеня Рум,_ так как не все духовные были из греков, но некоторые были и из латин. Христианская вера ослабела после падения Греческой империи, потому что уже некому было посылать новых епископов на места прежних. Окончательно она уничтожена в 1717 году. По приказанию турецкого султана, крымские ханы Девлет-Гирей и Хаз-Гирей [XXIII] распространяли магометанскую веру огнем и мечом. В эту эпоху многие шогены были убиты, книги их сожжены и пастырские жезлы их расхищены и брошены с презрением, отчего произошла следующая поговорка: «Чтоб твое имущество было расхищено, как расхищены были шогенские жезлы»[19].

[17] ***«щихънагъ».***

[18] В лен. рук.: «подновлявшим». — ***Ред.***

[19] <тУы ***мылъкур зэраупхъуэ, щоджэн дамыгъэхэр зэрызэрапхъуам хуэдэу».***

В подтверждение вышесказанного можно присовокупить еще следующие факты. Уздень Исагаил Шогенов имел в своем доме рукописную книгу, которая принадлежала его предкам, переходила по наследству от отца к сыну в его семействе. Он был последний из умевших читать ее и скончался в 1830 году, в глубокой старости. Господин академик Шёгрен, которому я посылал несколько листов из этой книги, утверждал, что она писана на греческом языке и что посланные ему листы заключали в себе начало евангелия. Может быть, уцелело еще несколько подобных книг, но страх, наводимый мусульманским духовенством, заставляет их скрывать. Я уже упомянул, где и какие в горах существуют древние церкви. К сказанному прибавлю, что при рытье рвов для сооружения русских крепостей находили в земле медные распятия и в глиняных черепках уголья и ладан.

Следы христианства еще очень свежи в памяти народной: теперь еще говорят о том, что предки почитали за пророка *Аус Герга,* т. е. «греческого Иисуса»; пророка Илью называют *Яллия;* Моисея — *Аймыс* или *Аймым;* царя Давида — *Тляпш;* всевышнее существо — *Псатха* и *Тха.*

Помнят еще и теперь, что весной воздерживались некоторое время от мяса. Великий пост называли *барazьгишхо,* а маленькие посты — *баразгожие*[20]; что в апреле месяце бывал большой праздник, пекли особенной формы хлеб с изображением трех лиц, называемый *дугулюбх*[21]*;* что тут же ели яйца и сыр, называемые *тих.* Это слово есть испорченное «пасха». Также помнят, что если ставился возле дома или саДа крест, то никто не осмеливался входить в дом или срывать что-либо в саду.

Несмотря на христианскую веру, на возникающее просвещение, на водворение искусств и художеств и на сношения с образованными греками, адыхе продолжали гордиться дикими нравами своих предков. Надеясь на свое мужество, силу и многочисленность и не страшась никакого врага, они пропустили время, которое им даровала судьба для принятия гражданской образованности. «Могущественный случай бы^ потерян»,— говоо-

[20] *«Бэрэзджэжьей».*

[21] *«Дугулыбгъу».*

рит один древний гекуоко в своих стихах: «хорошо быть диким, но не всегда; гордись, если никогда не отчаиваешься, храбрись, если просвещение содействует мужеству,— хай, хай, не хорошо и не всегда приятно быть самовольным и свободным». К несчастью, в нашем народе природная гордость предков не исчезает и теперь.

Предание сохранило в памяти народной имена князей, вождей и знаменитых витязей, прославившихся в глубокой древности; они суть следующие: 1) *Аллиг, 2) Лабца,* 3) *Юстин* или *Юстук,* 4) *Созироко,* 5) *Озирмег,* 6) *Ирихашау; 7) Канже* и сын его, 8) *Шауе,* 9) *Аша* и сын его, 10) *Ашемез,* 11) *Химаш* и сын его, 12) *Батираз,* 13) *Олъбек* и сын его, 14) *Татараш,* 15) *Насиранжака,* 16) *Жендужака,* 17) *Имис,* 18) *Исим,* 19) *Малх,* 20) *Дао* и сын его, 21) *Баксиен.*

Три первых имени, вероятно, означают греческих героев, а четвертое имя: Созироко или Косирих — *Кесаря.* Про это существует множество преданий; кажется, что под этим именем предание и песни говорят не об одном человеке, а о нескольких. Одни говорят, что Созироко рожден в камне; другие, что он вырезан из чрева умершей матери; вообще же он слывет побочным сыном. Слово *Кесарих* значит на нашем языке «выпорок из матери», что напоминает имя Юлия Цезаря и прозвище, данное ему по образу рождения. В песнях это имя часто упоминается и, между прочим, в них сказано, что Созироко воспитан адыхским витязем Озирмегом и приобрел великую славу в воинских упражнениях. Вот как гекуоко прославляет его в одной песне:

Наръантах я Созироко а Созирико фтея атлиптца гутеина аемина шуй Созирикур сикан сосори кории сынах*[22]*,* т. е. «Кесарь мой, Кесарь мой и защитник, Кесарь мой светлый, лицо твое смугло, грозны твои очи, страшный ты наездник, когда сядешь на коня». Наконец он сделался, как говорят, царем римским, но адыхе не повиновались ему, за что Кесарь разгневался: но народ наш отвечал ему: *длепеке рехьго джемухоротлых мивбх хекикго, кизь хехирь ямитеж сит шха. фнико

[22] *«Нартхэ я Сосрыкъуэ, Сосрыкъуапц1э*
Л1ыф1ыц1э гъущ1ынэ.
Емынэ шу;
Сосрыкъуэу си къан,
Сосрыкъуэу си нэху».

кора[26], т. е. «кривая нога Пастухова сына, выращенного в белом камне, зачем притесняет?». Слова эти были причиной продолжительных распрей и войны, в которых Кесарь не мог покорить наших предков. Это происшествие породило существующую еще ныне пословицу: *атыхема сосарь арагаш,* т. е. «и Кесарь набил оскомину от адыхов»[24].

Очевидно, что тут смешаны различные лица и времена. История рождения Юлия Цезаря перешла к нашему народу вместе с названием его и породила предание, в котором это рождение приписано какому-то витязю из адыхов, сделавшемуся впоследствии римским императором. Вспомним, что после Константина Великого престол был занят несколькими государями из варваров, и нет сомнения[25], что к одному из них относится предание о воспитаннике Озирмего.

* * *

Повесть о Баксане, сыне Дауове

Предание повествует, что в половине IV столетия на реке Баксане * жил князь Дауо, у которого было восемь сыновей и одна дочь. Старший сын его, Баксан, был знаменитый нарт своего отечества. Говорят, что он

[23] *«Лъапэк1эрэхъыу жэмыхъуэрылъху,*
Мывэху хэк1ыгъэ,
Къыэыхэк1ар зымыщ1эж,
Сыт щхьэк1э уныкъуакъуэрэ».

[24] *«Сосэр и дзэр адыгэхэм ирагъэш».*

[25] В лен. рук.: «вероятно». — ***Ред.***

* Река ***Баксан***— одна из значительнейших рек, протекающих по Большой Кабарде. В верховьях Баксана, с южной стороны Эльбруса, находится большой ледник, который может быть сравнен с ледниками Швейцарии и Тироля; он образуется из огромных снеговых масс, спускающихся с Эльбрусской сопки по тому направлению, какое имел в доисторическое время один из потоков огненножидкой лавы. Ледник Баксана состоит из двух рукавов, которые в верхнем конце Баксанской долины соединяются над скалистой пирамидой Хотус-тау; от нижнего конца ледника, которого абсолютная высота, по определению г. академика Абиха, 7350 футов, начинается собственно течение р. Баксана между скалистыми отрогами Кавказского хребта, из которых впадают в нес много притоков, как-то: Ласмар, Донгус-зары, Адыр и пр. До Баксанского поста общее направление течения .р. Баксана северо-восточное, далее Баксан извивается по Кабардинской плоскости в песчано-каменистом грунте, с довольно пологими берегами, по бо-

был убит готфскнм царем со всеми своими братьями и восьмидесятью знатнейшими нартами. Услышав это, народ предался отчаянью: мужчины били себя в грудь, а женщины рвали волосы на голове, говоря: *хадеш,* *хадеш* ***Дауй куир хада мугосш Дауи укуир уии дау икуии*[26], т. е. «убиты, убиты Дауовы восемь сыновей, увы! Дауовы восемь сыновей».**

Следующий обычай сохранился в Кабарде до настоящего времени. Весной, около половины апреля, молодые девушки с распущенными волосами поют эти слова, составивши хоровод. Предание говорит, что сестра убитых Дауовых сыновей собрала их трупы и похоронила с честью на берегу Этоко *, где воздвигнула над их могилой каменный памятник, существующий и ныне. Он поставлен на кургане, вытесан из цельного камня и имеет вышину в 4 аршина от земли. Народ называет этот памятник *«Дуукоха ясиен»*[27]', вместо *«Дауко Баксан»,* т. е. «Дауов сын Баксан». Осталась песня, которую, говорят, сочинила сестра Баксана. Вот она:

«Геройство Баксана освещает антский народ своими доблестями.

Хоара сжимает ногами антский воин, и где бы он ни ездил, конь без вреда привозит его домой.

О родина Дауова Баксана, хотя он уже не существует, но когда будет добывать тебя Гут, не покоряйся.

Сонм нартов, отводя щитами удары вражеских копий, единодушно призывал Бога на- помощь; но Баксану не удалось участвовать в этой молитве.

Весь народ почитал его за благого духа; когда начиналось сражение и удары блистали как мол-

лес восточному направлению, и на этом протяжении с обеих сторон в себя принимает много речек, орошающих Кабардинскую плоскость; соединившись же с реками Череком и Урванью, -направляется на небольшом протяжении к северу и спадает в р. Малку, почти на 5 верст ниже станицы Прохладной.

[26] *«Хьэдэщ, хьэдэщ, Дауо и къуийр хьэдэ мыгъуэщ! Дауо* ***и*** *къуий, уей Дау и къуий».*

* Река *Этоко* — один из притоков р Подкумка, впадающей в р. Куму. Этоко вытекает из Джинальской горы, которая возвышается между Каменным мостом на Малке и укреп. Кисловодским: общее направление реки северо-восточное.

[27] *«• Лаукъуэхэ я сын».*

> ния,— его присутствие поселяло в антском народе уверенность.
>
> Гутские. истязания не прекращаются, весь антский народ пришел в отчаяние, потому что восемь пар волов привезли его тело на родину.
>
> Собрав греков, я предложила им сделать памятник. Хотя каменный образ ниже его, но сходство с ним уязвило мое сердце. Народ не покидает траура и, чтоб его увековечить, реку Альтуд назвал Баксаном».

Памятник этот представляет молодого человека в шитой шапочке и в платье, похожем по покрою на нынешний бешмет с продольной строчкой. Застегнут он четырьмя четвероугольными застежками и подпоясан кожаным узким поясом, прошитым посредине ниже лифа; платье идет складками. Ноги не сделаны, но нижняя часть представляет столб с греческой надписью на передней стороне и множеством фигур, представляющих людей на охоте за зверями, воинские игры пеших и конных людей и с правой стороны колчан с стрелами, ниже пояса статуи, а с левой — сабля с рукояткой наподобие грузинской и лук в футляре. В этой греческой надписи можно многое разобрать и между прочим имя Баксана, а в конце год, который показывает, что он воздвигнут в IV столетии[28].

* * *

История сего времени упоминает об антах, которые, тю известиям Иорнанда и византийских летописцев, принадлежали вместе с венедами к народу славянскому. Венитер, наследник Германриха, царя Готфского, был уже данником гуннов, но хотел еще повелевать другими народами: завоевал страну антов, которые обитали на север от Черного моря и жестоким образом умертвил их князя, именем Бокса, с семидесятью знатнейшими боярами. Царь гуннов, Баламбер, вступился за утесненных и, победив Венитера, освободил их от ига готфов *.

Разность между изустным преданием и историей весьма незначительна. Боксо то же, что Баксан, но с греческим окончанием. Одна лишь разница в месте жи-

[28] В лен. рук.: «в XI столетии». — *Ред.*

* См; Историю государства Российского, т. 1, гл. 1, стр. 9—10.

тельства антов довольно значительна; вместо севера этот народ жил на восток от Черного моря. Впрочем, истина предания подтверждается игрищами простого народа, бывающими ныне в ту пору, когда в старину праздновалась тризна по убитым; самая песня очень замечательна по своим подробностям, и, наконец, Мотрисит, который мнение народное относит к этому преданию, несомненно, доказывает тождество исторических известий с преданием. В следующей главе этот вопрос об антах и о местах их жительства будет разъяснен еще более.

К этому периоду народной жизни адыгов надлежит отнести сохранившиеся в песнях известия о нашествии и сношениях с Аттилой, которого по свойству нашего языка предание именует *Адилем.* В одной песне имя его упомянуто с эпитетом «бича божия», которое ему придали современники. *Тхама ивергае бгихерий кохерии дярий ивижьма дыкапухашь*[29], т. е. «Господь бог помиловал нас, горы и ущелья наши; бич небесный отступил от них благополучно». С того времени народ называет Шад-гору *Ошхемахо,* т. е. «счастливой», потому что он, дойдя до нее, удалился от наших пределов. Хотя предание не оставило никаких сказаний о великом завоевателе, но можно утвердительно сказать, что адыге были им покорены и признавали над собою его» власть. Песни упоминают, что они служили в его войске. *Мадыка дынарь антъшуфхер Адиль и дзама задигко фназадиожа ежаг-херсь шхуримукке деры дохохазир*[30], т. е. «отборная наша конница отправилась к Аттиле с охотой. Если же этого недостаточно, то приготовимся ехать и мы». *Зжебкехяма вогошхо ледхер, Адиль и дзима кахолидик хер, зидикье задесши блаосш хахого ди нарант шувфьхер*[31]*, т.* е. «по большим горам, как блестящие звезды, стекаются к Аттиле воины наши, наносящие удары, подобные ударам грома» [XXIV]. В те времена, когда готфы занимали окрестности Азовского моря, случилось в земле адыгов происшествие, о котором читатели узнают из следующей главы.

[29] *«Тхьэм и ф1ыщ1эк1з дэри, дибгхэри, ди къуэхэри лэжьэншэр бэлыхьым дыкъелащ».*

[30] *«Мыдэк1э ди нарт шууф/хэр Аттил и дзэмэ фыныззэдожьэ, ежьахэр щыхуримыкъук1э дэри дыхуохьэзыр».*

[31] *«Жьэпкъхэм я вагъуэшхуэ лыдхэр, Аттил и дзэм къахолыдык1хэр,. зэдэк1уэу задесщи блащхъуэ хахуэу ди нарт шууф1хэр».*

ГЛАВА IV

Предание" о войне адыхов с Байканом, ханом аварским.. Песня и два изречения. Поход адыхов с Байканом в Дербент и Гуртат. Песня. Историческое известие из истории Карамзина об этих происшествиях. Предание о сватовстве князя Лавристана. Его смерть. Нашествие Китай-хана на Кабарду. Песня.

В начале VI века[32] адыхейцы жили несколько времени спокойно и сохраняли первобытную независимость и грубость нравов, несмотря на влияние Греческой империи и христианской веры, как вдруг прошел в их земле слух, что аварский хан Байкан с многочисленным войском опустошил многие владения Греческой империи, а в том числе и самый *Аллиг,* т. е. Грецию. Очередь доходила и до нашего народа. Хан Байкан потребовал от него через своих послов подданства. Но князь Лавристан и другие вожди адыхейские не хотели исполнить желание хана и отвечали его послам гордыми и неприятными речами [XXV]. Послы хана стали поддерживать достоинство своего повелителя; от переговоров возгорелась между ними и князьями ссора, и послы заплатили жизнью за свою дерзость. Хан не мог простить жестокого оскорбления, нанесенного ему в лице его послов. Он собрал огромное войско, вступил от берега Черного моря в землю адыхов и завладел ею до реки Баксана. Преимущественно месть его устремлялась на $нязя Лавристана и других вождей. Не отыскав его, он опустошил его отечество, ограбил селения, сжег поля и истребил много жителей. Бедный народ, облитый кровью, без крова и без пропитания, искал спасения в го-

[32] В лен. рук.: «Во второй пол. XI в.».— ***Ред.***

рах, пещерах и дремучих лесах. Предание упоминает, что страх, наведенный жестокостью аваров, был столь велик, что адыхейцы, скрываясь от врагов, не смели проводить двух ночей сряду в одном месте. Народонаселение уменьшилось, селения и пашни запустели, и с этого времени начался упадок адыхского или антского народа, дотоле жившего в независимости. На этот случай сложена следующая песня:

> **«Спаситель и помощник наш, могущественный Илия! Из огромных туч неотразимой дланью уничтожь коня Байканова, белизной подобного нетающим снегам горных хребтов наших.**
>
> **Что же осталось нам теперь, в день гибельной • тревоги? Страх мертвит души, шум кровопролитных битв отгоняет сон и спокойствие.**
>
> **Гонимые старцы и дети ищут убежища вдали от родных пепелищ своих. Ужасная неизвестность умножает их горесть. Слезы их льются подобно источникам, которые питают горные воды» [XXVI].**

Это нашествие породило два изречения, употребляемые и теперь в народе: ***Байкан хадах тлаго***[33]**, т. е. «Байканов смертоносный путь». Доныне дороги, ведущие от берегов Черного моря через горные ущелья до реки Кубани, называются** ***хадетлаго,*** **т. е. «смертоносные пути».**

И ныне при виде красивой белой лошади говорят: ***Байкан ибшагоаллер,*** **т. е. «Байканов белый конь». Между крепостями Анапою и Сунжук-кале находятся складенные наподобие бугра камни: народ их называет** ***Байкан ибшагоаллер,*** **т. е. «Байканов белый конь».**

Аварский хан Байкан силой оружия и льстивыми обещаниями покорил адыхов; он взял у них лучших воинов и повел их на завоевание земель, лежащих около Каспийского моря. Несколько лет продолжалась война; крепости Дербент и Гуртат на Куре (которой следы еще и теперь видны) были покорены. В Дербенте войско наших предков получило богатую добычу и в том числе множество шлемов. По преданиям известно, что войско адыхов потеряло более двух третей своих воинов, и хотя воротилось обремененное добычей, но

«Байкъан и хьэдэ лъагъуэ».

вместе с тем оплакивало смерть своих павших братьев. На этот случай один гекуоко сочинил прилагаемую здесь песню:

«Запылала каменная крепость Гуртаты, как бы зажженная огнем молний, и огромные камни, закопченные дымом, валились подобно падающему с неба снегу.

Но витязь наш, неустрашимый Олгико, смело приблизился к раскаленным стенам и никого не допускает Хатошуко опередить себя.

Могучий Шератлоко, которого десница низлагает двух человек разом, упражняется в мщении за пролитую кровь братьев. Устремляясь на врагов, он помнит, что отец его смотрит с неба на подвиги сына; но никто не поддерживает его усилий.

Юный Хошов давно бы кинулся им на помощь, но старцы, жалея мать его, княгиню Шамиху, которая, сидя дома, вздыхает и пламенно желает его видеть, стараются удержать его. Несмотря на это, он приблизился к врагам и наносит им смерть острыми стрелами. Вот уже три колчана истощены им. Всадники наши, громившие Дербент, украшаются блестящими шлемами: но всех лучше и богаче шлем князя Гугова. Ислам с дедовского лука пускает на врагов меткие стрелы, которые с ужасным свистом поражают многих смертью.

Доблестный Муко Дижинуко Падисов убит под гордо развевающимся ханским знаменем. Рука его схватила уже древко, но вражий меч поверг его мертвым на землю. А ханские куруны, надломившие копья от жестоких ударов, пылают желанием отмстить за его гибель.

Витязь наш Джаним Догов, отраженный неприятелем, опять возвращается к сече, а великан Таташао Паков, истребляя врагов направо и налево, мечом пролагает себе путь. Аллежева тигилия обагрена кровью, прорвана копьем и изрублена мечами.

Персидские шлемы валяются разбитые между пнями, и смуглый Болат Готов, спешившись, уже взошел на разрушенную стену вместе с штурмующими» [XXVII].

Теперь для проверки предания приведем историческое известие о тех же самых происшествиях, находящееся в истории Карамзина и почерпнутое им из греческих летописцев:

> **«Смирив антов, хан требовал от славян подданства, но Лавритас и другие вожди их отвечали: «Кто может лишить нас вольности? Мы привыкли отнимать земли, а не. свои уступать врагам: так будет и впредь, доколе есть война и мечи в свете». Посол ханский раздражил их своими надменными речами и заплатил за то жизнью. Баян помнил сие жестокое оскорбление и надеялся собрать великое богатство в земле славян, которые, более пятидесяти лет громив империю, не были еще никем тревожимы в стране своей. Он вступил в нее с 60 тысячами отборных конных латников, начал грабить селения, жечь поля, убивать жителей, которые только в бегстве и густоте лесов искали спасения. С того времени ослабело могущество славян, и хотя Константинополь еще долго ужасался их набегов, но скоро хан аварский совершенно овладел Дахией *. Обязанные давать ему войско, они лили кровь свою и чужую для пользы их тирана, долженствовали первые гибнуть в битвах» [XXVIII].**

Предание во всем сходно с историей. Но повесть о Лавритасе, кажется, перенесена несправедливо к славянам европейским, которые смешаны в повествовании с кавказскими антами. Те и другие были покорены аварским ханом. Но подробность и верность предания насчет местности относительно пути, по которому следовал хан аварский, вступивший в землю антов, от берега Черного моря, наименование дорог от этого моря до р. Кубани *смертоносными Байкановыми путями,* наконец, верность в именах, приведенных в этом сказании,

* Гебгарди хотел под этими славянами,— говорит Карамзин,— разуметь антов; но если бы Лавритас был князем антским, то он не мог бы отвечать аварам, что никто еще не отнимал вольности у славян: ибо анты за несколько лет пред тем были уже порабощены ханом, и византийские летописцы не могли бы сказать, что до сего времени никто еще не тревожил славян в собственной земле их. С 602 г. летописи уже не говорят об антах (см. там же, примеч. 56).

сохранившаяся чрез многие столетия, не позволяют сомневаться в достоверности предания. Летописи называют аварского хана Баяном; предание именует его Байканом; имя Лавристан более походит на греческое, нежели на славянское, как заметил Карамзин. Но имя Лавристан есть антское по окончанию, которое напоминает название народа и многие другие древние наименования урочищ, в которых оно находится, как-то: *Баксан, Нарсан, Баргустн;* имена князей также заключали в себе в древности этот слог, напр.: *Антинокопш, Нартинокрпш.* Кажется, что без излишней самонадеянности можно сказать, что предание может пояснить исторические сведения, оставшиеся у греков о двух народах, которые по их известиям считались соплеменниками. Вспомним только, что Святослава и его войско греки приняли за скифов. Обе песни также могут служить драгоценным документом: в первой описывается покорение антов; во второй — завоевание двух больших городов в Азии и война с персиянами.

* * *

Предание о сватовстве Лавристана

Знаменитый Лавристан происходил от славного адыхского рыцаря Хамиша. Он задумал жениться, и выбор его пал на дочь Коготлуко, по имени Малякибох; она отвечала на предложение: «Знаменитый князь Лавристан Хамишович, если ты хочешь взять меня в замужество, то позволь мне самой назначить за себя уасса (калым); если ты его взнесешь, то я готова быть твоей женой; если же не пожелаешь выполнить мое предложение, то не ищи моего согласия». Лавристан согласился и требовал объявления уассы. Она сказала: *Мидера дакагосыиа шигини шхумер цпа шхого мисиришер обха бго афисыием далихер аунасыихаго ахер мипа уассем*[34], т. е. «Сто человек мидийского и

[34] *«Мидерэ док лъэпкъыу ц1ыхуищэ,*
Шыгъыныгъуищэр цыпащхъуэу,
Мысыр щыгъыныгъуищэр 1эпхэ бгъэ 1улъуэ,
Афищэм хэлъыр дыщэ 1унэу,—
* Arащ си уасэр».*

дакского племени, сто одежд из светло-синего сукна, сто сирийских налокотников, сто кольчуг с золотыми гвоздиками,— вот мой уасса». Лавристан исполнил ее требование и взял ее в жены. Некоторые говорят, что Лавристан убит в сражении с войсками хана Байкана; другие, напротив, что он скрылся во время нашествия аваров. Те, которые утверждают первое мнение, говорят, что он похоронен под Бештовой горой. Как бы то ни было, но предание сохранило слова, произнесенные его женой после его смерти: *ах- инти птла ухти, тлухити тчика фати камиген лулети темсуген мя илумекти Гойка вышитчи гарти уруська киши чакежирт*[35], т. е. «высок рост его, широки плечи, осанка мужественна. Он вошел в Русь и воротился через горы. Стан его уподоблялся кимирианскому чубуку».

В этом предании любопытно, что имена народов, далеко живших от Кавказских гор, были известны нашим предкам. Между прочим, замечательно, что жена Лавристана говорит про Русь. Русское царство, основанное в Новгороде Рюриком, тогда еще не существовало.

* * *

Предание о нашествии Китай-хана на Кабарду

Китай-хан, победив многие народы, дошел до .границ адыхов. Слухи о его победах и известие о направлении его войска уже распространились в нашем народе. Он немедленно начал собирать свои силы для отражения этого нашествия. Хан же прислал посла, который объявил следующее: «Напрасно вы, адыхе, тревожитесь: я хочу быть вашим другом, а не врагом; я только желал с вами видеться, ибо давно наслышан о силе и храбрости вашего народа; я приготовил для испытания вашей силы самого лучшего из своих борцов; прият-

«Ар инт, пл1эухуэт,
Л1ыхъути щ1ык1аф1эт,
Кимериан лулэу теплъаф1эт,
Темученмэ елъэщэкПи
Гъуейк1э щыщ1ыхьэрти
Урысейк1э къыщыщ1эк1ыжырт».

но будет, если вы изберете с вашей стороны достойного ему противника. Я предлагаю условием этого единоборства, чтоб народ побежденного служил народу победителя». Адыхейцы согласились на предложение и назначили срок для представления борцов с обеих сторон. Они выбрали женщину из черного народа, по имени *Лашинкай,* искусно переодели ее в мужское платье и отправили к Китай-хану для состязания в борьбе. Когда все было готово, хан приказал начать борьбу; она продолжалась около часу, и ханский борец был побежден. Хан приметно изменился в лице, но не показал своего гнева. Тогда адыхейцы открыли ему шутку, что борец их — женщина, и предложили ему вновь испытать силу своих борцов с мужчинами. «Лучшего моего борца, отвечал он, поборола ваша женщина, но я должен выполнить предложенные мною условия, отблагодарив князей и подарив им семь рабов». Он простился с народом и отправился восвояси.

К этому случаю относится следующая песня:

«Кайсын был храбрый витязь, доблестный боец, которого страшились многочисленные толпы; но сила жены Лашинкай превзошла его славою.

Напрасно Кайсын исправлял тугой лук свой, снабжал колчан стрелами острыми, напрасно холил доброго коня, даром кормил ты его; напрасно чистил латы свои, блеском затмевающие зрение. Уже поздно! Лашинкай низвергнула дерзновенного борца Китай-хана.

• Взгляните на гордость и торжество наше, смотрите, как адыхе выступают с добычей и подарками. Их можно уподобить богатой прибыли, приобретенной старательным купцом от своего товара».

Место состязания в борьбе адыхов и Китай-хана указывают на реке Чегеме *, несколько выше Чегемского укрепления. Оно и ныне носит название *Латинская.*

Хотя это происшествие и следовало бы отнести к XIII столетию, но я предпочел заключить им изустные предания.

* Река *Чегем* вытекает из Главного хребта и впадает с правой стороны в Баксан, ниже аула Эльдарова.

ГЛАВА V

Хан Ларун и его сыновья: Черкес и Биксе. Возмущение коптов. Султан Исгак. Его поход в Сирию. Смерть Черкеса и Бикеса. Туманпай и Араб-хан. Бегство их из Сирии в окрестности Александрии. Их преследует султан. Новое кровопролитие. Смерть Туманпая. Прибытие Араб-хана в Византию. Покровительство греческого императора. Араб-хан поселяется в Тавриде. Смерть его. Абдан-хан. Новые переселенцы снова передаются султану и отправляются на Западный Кавказ. Кес, сын Араб-хана. Кончина Абдан-хана. Кес принимает бразды правления. Его качества. Любовь к Кесу. Распространение его власти над. адыхейскими племенами. Кесу наследует сын его Адо. Смерть Адо. Преемник его Хурофатлае. Отложение адыхейских князей. Набеги на хазар и Тамтаракану. Смерть Хурофатлае. Инал и его характер. Абазинские князья Ашо и Шашо. Упрочение внутреннего устройства. Поражение непокорных князей. Бунт горцев под предводительством Оздемира. Поражение абадзехов. Смерть Оздемира. Любовь и уважение к Иналу. Слитие египетских переселенцев с туземцами. Внутреннее спокойствие между адыхейцами. Сорок судей. Инал наречен ***великим, мудрым*** и ***святым.*** Поговорка. Мир с абхазским народом. Кончина Инала' и его могила. Уважение, сохранившееся между адыхейцами к могиле Инала. Три брака Инала и его дети. Новые беспорядки при преемниках Инала. Раздел земли между его сыновьями. Происхождение кабардинских, кемиргоевских и бесланеевских князей. Княжение трех братьев: Болотоко, Занн и Хотокой. Отделение двух последних от Болотоко и переселение их на новые места. Предание о войне с хазарами. Безруко Болотоков и Алегико Канжов. Плен Алегико. Безруко разбивает хазар. Песня. Война хазар с кахами и кегахами. Сражение на Пшизе. Мир. Поход на Саркал. Освобождение Алегико. Овладение Тамтаракаем.

Яссы и косоги Песня. Повесть о князе Идаре. Его поход в Тамтаракай Редедя. Покорение Тамтаракая. Пословица. Распря потомков Инала и изгнание ими князя Тохтамыша и сына его Безруко Поход против них Идара. Побоище при Казбуруне. Мир. Идария. Смерть Идара Коноко увозит из Кабарды 200 семейств и поселяется с ними на р. Орпе. Бесланеевцы. Песня.

Здесь начинаются сведения, имеющие историческую достоверность. Следующее повествование извлечено из книги Джиафара, и то же самое находится в книге Табари *о княжеском родословии.*

Хан Ларун, **уроженец Вавилонский, вследствие гонений оставил родину и поселился в Египте. Двое сыновей его, Черкес и Бикес, приобрели большое влияние между** е1ипетскими **народами и преимущественно между коптами. Это влияние простерлось до того, что копты произвели в пользу этих князей возмущение. Узнавши об этих происшествиях, турецкий султан Исгак (?) собрал войско, дабы изгнать беспокойных князей. Он с большими силами вступил в Сирию. Противники уже ожидали его там с несколькими тысячами своих приверженцев. Война продолжалась несколько месяцев; наконец Черкес и Бикес были убиты, а войско их почти все истреблено. Ближайшие их родственники** *Туманпай* **и** *Арабхан,* **не видя возможности устоять против султана, решили бежать с своими семействами и остатками войска из Сирии в окрестности Александрии.**

Султан Исгак, сведав о бегстве своих врагов, послал за ними отряд. Кровопролитие снова возгорелось, и после многих сражений Туманпай был убит *, часть его-

* Не имея под рукой книги, из которой автор заимствовал эти? сведения, и не зная, в какой степени правилен сделанный им перевод, я тем менее могу сказать что-либо о достоверности приведенного им рассказа. В известном сочинении, история Туманбая, постигшая его участь и самые отношения черкесской династии в Египте к Турции переданы совершенно иначе. Вот подлинные сло-> ва из упомянутого сочинения: последний царь из династии Черкес в Египте был Кансогори, который владел Египтом и Сирией в 902 (1496) г. По прошествии 16 лет его царствования, в Сирийской области, Халебском округе, в местечке, называемом Мередж-Дабык, ему пришлось дать сражение турецкому повелителю, сул'тану Селиму. Он был разбит и убит в этом сражении; Его полководцы возвратились в Египет и избрали себе царем из племени черкес Туманбая; но султан Селим, разбив Кансогори, покорив Сирию и Халеб, со всеми зависевшими от них провинциями, дви-

войска истреблена, а другая с Араб-ханом успела сесть на суда и пуститься в море. Но и там он был преследован, часто сражался и, претерпевая бесчисленные бедствия, успел, однако же, приплыть в Византию. Преследовавшие его турки, возвратились к своему султану. Нимало не медля, Араб-хан явился к императору и просил его покровительства и защиты. Греческий император принял его милостиво, облагодетельствовал и позволил ему поселиться со своими выходцами на реке Кобарте, в Тавриде, желая сим благодеянием приобрести новый оплот для своей империи, поставив на границе людей известной храбрости и испытанного мужества. Спустя несколько времени, Араб-хан умер, и сын его Абдан-хан наследовал его власть В то время турки и другие народы делали частые нападения на границы империи. Новые переселенцы, чувствуя свою вину против султана Исгака, невзирая на милости и доверенность греческого императора и не давая ему знать о своем намерении, решились бежать от вверенной им границы. Приготовив все средства, они тайным образом приблизились к берегу моря, где, сев на корабли, отправились в страну, называемую в летописях *Западным Кавказом.* Во время морского путешествия, жена Абдан-хана родила сына, которому дали имя Кеса. Переплыв Черное море, они пристали к берегу недалеко от Суджук-кале *. Обитавшие там адыхейцы приняли их ласково и позволили им селиться по берегу Черного моря до реки Хохоя **. Через несколько лет Абдан-хан умер, и молодой Кес, несмотря на свое несовершеннолетие, принял бразды правления. Он показал твердость характера, благородство души и редкое мужество; будучи честолюбив, подобно тем людям, которые чувст-

нулся к Египту. Упомянутый царь Туманбай вне города Мисра дал сражение султану Селиму; но, не имея силы держаться против него даже один час, был разбит со всем черкесским племенем и прибег к Шейх-Сеиду Арабскому. Но последний схватил и представил; его султану Селиму, который в 923 (1517) г. 17 числа ряби-уль-эвveля дал повеление повесить Туманбая, и он в воротах Зувейлэ был повешен; с ним угасла династия Черкесов в Египте и Сирии, которые с этого времени присоединились к Турецкой империи.. (Сочинение «Тенги-Теварих» принадлежит мулле Хусейн Хазерфани; написано в Константинополе в 1081—1083 (1670—1672 гг.).

* ***Суджук-кале*** лежит ныне в развалинах при Цемесской, ил» Новороссийской, бухте.

** Вероятно, незначительная речка, утратившая свое название.

вуют свои способности и мужество, успел привлечь к себе окрестных адыхов до такой степени, что они признали его своим князем, или повелителем, дав ему название *Пшир-Кесшь.* Кес принял веру туземцев, и впоследствии времени новые переселенцы мало-помалу совершенно слились с коренными жителями [XXIX].

Мудрое и благоразумное правление распространило власть Кеса почти над всеми адыхейскими племенами, которые, будучи озабочены притеснениями окрестных народов и чувствуя необходимость ограничить своеволие свободы, подчинялись добровольно его власти. Но были, однако же, между ними и такие, которые ее не признавали. После многолетнего благополучного управления, Кес, умирая, передал власть сыну своему — *Адо.* В княжение последнего не случилось ничего достопримечательного; он прожил несколько лет и, умирая, оставил власть сыну своему *Хурофатлае.*

Этот князь был еще очень молод, когда лишился отца. Но лета не принесли ему ни дарований, ни мужества его предков. Видя это, адыхейские князья и витязи отложились от него и стали жить по-прежнему независимо, вели войны и делали набеги на соседственных хазар, Таматаркану * и на другие земли, лежавшие около них. Слабый Хурофатлае не мог до конца своей жизни возвратить себе власти и влияния своих предков над адыхами. Через несколько лет он умер, оставив сына по имени *Инал.*

Извлечение это сделано из *Родословной книги,* написанной на турецком языке.

* * *

Повесть о подвигах Инала

Инал был щедро одарен природой: он имел все качества великих и добродетельных людей. Под его твердым и благоразумным управлением прекратились смуты и беспорядки между адыхейцами. Приобрев доверенность народа, он упрочил свою власть и успел примирить враждующие стороны и соединить разъединенные силы. Благородная душа его, ненавидя насилия и беспорядки, предприняла строгими мерами истребить

* Тмутараканский остров, ныне Тамань.

вкоренившееся буйство. Первым попечением его было наказать виновных в беспорядках князей и их подданных. Некоторых он подвергнул телесному наказанию, а более важных преступников казнил смертью; добрых же ласкал и старался отличать; в особенности он оказывал свои милости опским или абазинским князьям, Аше и Шаше. Успех увенчал его предприятия; он имел удовольствие видеть, что им водворенное устройство начало упрочиваться. Многие буйные князья, не желая подчиниться власти Инала, удалились в самые неприступные места и оттуда производили опустошительные набеги на соседей. Инал решился их истребить[36]; собрал войско и разбил соединенные их силы, причем взял до тридцати главных начальников в плен, десятерых из них казнил, а прочих принудил к присяге на верность и подданство.

Между тем южные горцы взбунтовались, под предводительством опского князя Оздемира, который, собрав значительное число их, пошел против посланных Иналом кегахов и победил их. Но когда они узнали, что против них собирается сам Инал с войском, то Оздемир удалился в Абхазию. Инал пошел за ним к абазехам и истребил, много людей в том народе за их непокоренность. В этой войне Оздемир лишился жизни.

Благоразумие, прямодушие и высокие дарования Инала приобрели ему любовь и уважение адыхейских племен. Это расположение еще более усилилось, когда египетские переселенцы окончательно соединились с туземцами, приняв их веру и язык. Обиженные находили защиту, а притеснители справедливое наказание. Мудрые постановления упрочили возникающее спокойствие. Сорок судей, поставленных над народом, заботились о его благосостоянии и поддерживали тишину и благоденствие. Этот образ правления продолжался до 1427 года. Князь Инал пользовался в народе большим уважением, и подданные нарекли его *великим* и *мудрым* и любили его, как отца. Он же во все продолжение своей жизни ни о чем так не заботился, как о благосостоянии подданных и о спокойствии края. Он был наименован *святым,* и впоследствии вошла в употребление поговорка: *«Дай, боже, Иналов день!»*

В лен. рук.: «искоренить».— *Ред.*

После покорения Абхазии, находясь на Дзибе * для заключения мира с абхазскими племенами, он, по окончании всех дел, скончался смертью праведника. Тело его похоронено в упомянутой земле, и могила его, известная и до сих пор, носит название *Инал-кубе,* т. е. «Иналова могила» (по-абазински). И теперь народ свято чтит прах Иналов; он запрещает пускать скот вблизи его могилы; убить зверя в ее окрестности считается преступлением. Инал вступал три раза в брачный союз и оставил после себя пять сыновей: от первой жены *Жайхота,* от второй — *Миньболата* и *Беслема;* а от третьей — *Унармеса* и *Кирмиша.* Все эти сыновья по обычаю адыхов были взяты на воспитание узденями. После смерти Инала подвластные решительно не хотели повиноваться сыновьям его. Ни один из них не обладал качествами отца, необходимыми для управления столь обширной землей. Напротив того, их надменный и вздорный характер, сделавшись всюду известным, возбудил неповиновение и раздор не только в простом народе, но даже и между князьями, которые предались прежнему самоуправству. Все благие намерения Инала были забыты, и даже княжившие братья подавали пример неповиновения старшему брату. Должно полагать, что разноутробие Иналовых детей было причиной их раздоров. После долгих беспокойств, они разделились на три части: один из них остался в Хегаке **, другие поселились в Кемиргое, а остальные ушли в Кабарду.

От этих-то сыновей Инала производят свое родоначалие нынешние *кабардинские, кемиргоевские* и *беслеевские* князья.

* * *

В давние времена из потомков адыхейских князей в Кемиргоевском племени княжили три брата. Их звали *Болотоко, Занн* и *Хотокой.*

Долго они жили вместе, но, наконец, младшие пожелали отделиться от старшего брата, но на это не могли долго получить его согласия. Наконец Занн успел хит-

* Собственно ***Бзиб*** — название реки. Она вытекает из Главного хребта, проходит через общество Псху и впадает в Черное теоре близ Пицунды.

** ***Хегак,*** вероятно, ***Гиага*** или ***Гегу,***— название реки, впадающей в Кубань, с левой стороны, возле ст. Ново-Лабинской.

ростью привлечь на свою сторону многих из разных племен. Усилившись таким образом, он подготовил некоторых приверженцев отделиться от соотчичей, под видом переселения на выгодное место. После того он стал опять просить убедительно старшего брата о дозволении переселиться на новое место. Последний, не подозревая его намерений сделаться независимым, согласился и отпустил часть своего народа с арбами на назначенное место. Потомки этих переселенцев и доныне еще занимают те же места и называются *Занно* *. Болотоко, сведав о его намерении быть независимым и желая его наказать, оставил на старом месте жительства все имущество отделившихся людей.

На следующий год Хотокой, следуя примеру брата, отделился также от своего племени с некоторой частью народа и ушел на избранное место. Потомки его и поныне называются *хатохоевцами.* Болотоко же, будучи благоразумен и тверд и не желая разорять народ свой переселением, остался на прежнем месте жительства с большей частью своего племени. Этот народ до сей поры удержал прежнее название *Кемиргой* **, а Болотоко слывет в адыхейском народе *«князем из князей».*

* * *

Предание о войне с хазарами

Адыхейцы, подчинив себя иноземному владычеству, уничтожили свое древнее правление. Честолюбие египетских князей не позволяло им довольствоваться миром и спокойствием своих подданных; они желали прославиться воинскими подвигами. Некоторые полагают, что адыхе состояли в зависимости у хазар; но наши предания ничего не сохранили об этом порабощении. Напротив того, сохранились многие подробности о войнах с хазарами и тмутараканскими князьями. Повествуют,

* Общество Занн (Жане), расположенное на р. Пшише близ впадения ее в Кубань. В настоящее время оно слилось с обществом Гатюкой, живущим между левым берегом Кубани и правым р. Белой, при слиянии этих рек.

** Кемиргоевцы (иначе кемгуй или темиргоевцы) населяли в прежнее время пространство между Кубанью и Лабою, при слиянии этих рек, а потом часть их перешла за р. Белую (у черкес — Шагуаша), в средних ее частях.

что адыхейский князь Безруко Болотоков соединил свои силы с войском князя Алегико Канжов и пошел воевать Хазарию. Хазары приготовились к обороне и ожидали нападения. Князь Алегико, посланный вперед с малым отрядом для открытия неприятеля, не доходя границы, наткнулся нечаянно на хазарское войско, которое превосходило его числом; завязалось жаркое дело, в самом начале которого Алегико был взят в плен. Его отряд был окружен и едва мог устоять против сильного натиска многочисленных врагов. Князь Безруко подоспел вовремя, чтобы выручить передовой отряд. Он с храбрым войском стремительно бросился на неприятеля, как голодный волк на стадо баранов. Неприятель защищался мужественно и, сколько ни сопротивлялся,— храбрым натиском князя Безруко был опрокинут и совершенно разбит[37]. Успех этого набега не мог, однако же, утешить его в потере князя Алегико, который остался в плену у хазар.

Следующая песня подтверждает повествование:

> «За морем давно уже настороже правый глаз Алегико; давно ожидает он прибытия больших кораблей, давно ожидает он серебряного моточка* чтоб получить свободу.
>
> Клятва пред богом — дело великое; мне клялись многожды освободи 1Ь меня; но гордые меня обманывают.
>
> За кровь княжескую сам бог искатель и мститель.
>
> Князь Алегико, зачинщик войны, негодует в Саркале на адыхов.
>
> Напрасно негодовал Алегико, ибо воины разили врагов как* молния; но,- не находя нигде товарища своего, возвратились в свои дома с богатой добычей.
>
> Клятва перед богом — дело великое; но обманчивы были клятвы, храбрый Алегико доживал век свой в тяжкой неволе».

Таким образом, князь Алегико пробыл три года в плену в Саркале; но между тем (так говорит предание), татарский хан с многочисленным войском всту-

В лен. рук.: «рассеян». — *Ред.*

пил в западную часть Кавказа и объявил войну кахам и кеггахам. Адыхи, собравши свои войска, выступили к реке Пшисе *, где они сошлись с неприятелем. На этой реке было дано несколько сражений; между тем предварительно уведомили опские племена о нашествии врагов. Наши просили у них помощи, и опсы с охотой вызвались прислать к ним несколько тысяч ратников. По прибытии союзного войска, военные действия прекратились с обеих сторон, и хан согласился заключить мир на следующих условиях: чтобы адыхи* и опсы соединили свои силы с ханскими и предприняли сообща поход против Аскалы, или Саркалы, которая; по преданиям нашим,-находилась за Доном. Слово «саркала» на персидском языке значит *«главная крепость»;* Аскала — *«Азовская крепость».* Адыхейцы согласились и, таким образом, два значительных войска отправились для взятия Саркалы.

Поход был удачный. Князь Безруко сопутствовал хану, и совокупными действиями они разбили войско хазарское взяли Саркалу и освободили князя Алегико. Они заняли все царство Хазарское по берегу Азовского моря и овладели Тамтаракаем. Нашим войскам досталась богатая добыча. Видя ревность и хорошее содействие наших войск, хан благодарил их за храбрость и мужество и, наградив богатыми дарами, отпустил с почестями в отечество.

Это счастливое возвращение наших войск способствовало к поддержанию народа, страдавшего тогда от голода по случаю неурожая.

*

В Русской истории сказано, что великий князь Святослав воевал с Яссами и косогами, победил их и повел с собой против хазар. Яссы означают опсов или нынешних абазинцев, а не осетин, как полагает Карамзин [XXX]. Косоги — это кеггахи, или чапсоги, названные сим испорченным именем иноплеменным народом. Адыхейцы были всегда в союзе и мире с опсами и в трудных обстоятельствах получали от них несколько раз помощь.

Немудрено, что предание, переходя от поколения к поколению, могло исказиться, и имя русских, которые сделались впоследствии неизвестными нашему народу,

* Река ***Пшис*** вытекает из Главного хребта в земле абадзехов и впадает в Кубань с левой стороны, близ ст. Старо-Корсунекой.

забылось. После падения Тмутараканского княжества наш народ не имел с ними сношений в продолжение слишком пяти столетий, до самого царствования Иоанна Васильевича Грозного. Могло быть, что имя русских исчезло в памяти народной и было заменено именем татар, которые заняли на западе то место, от которого приходили русские к косогам или кахам. Излишне упоминать, что татар еще не было в Крыму, когда на берегах Азовского моря существовало царство Хазарское.

Следующая песня сочинена по поводу взятия Саркала:

«Крепкие стены мотодские обагрены кровью неприятельской. Много лучших витязей наших погибло в ущельях Саркала, много пало там еганских юношей.

Несмотря на потерю воинов, наши стояли крепко, и трубач с белого коня своего громко созывал витязей на новый бой, и вновь закипела ярая битва за морем Азовским.

Воины наши терпят голод, но попечения Безруко насыщают утомленных ратоборцев.

Татарский хан и к нам приводил бесчисленное воинство, которое могло бы покорить всю вселенную.

Мужественный витязь не смотрит на вражьи луки; пораженный в голову стрелой, он продолжает сражаться.

Таковым оказал себя мужественный Фамоко, искатель битв. Является Хату на прекрасном своем коне, но не будет он более гордиться им; конь пал, уязвленный в сражении.

Храбрые Договы яростно бились с ожесточенным неприятелем.

Прибыл Кофнира, и враги утратили своего богохранимого князя, ездившего на белом коне. Тогда ничто не могло удержать стремления наших воинов; не устоял и каменный мост, — последний оплот неприятельский».

* * *

Повесть о князе Идаре и уничтожении Тмутараканского княжества (не дошедшая до русских бытописателей)

Предание сохранило нам занимательное повествование о внуке знаменитого Инала, князе Идаре. Как выше упомянуто, Инал был женат три раза. От третьей жены у него осталось два сына: Унармес и Кирмиш, которые женились на адыхских княжнах. Унармес оставил сына Тохтамыша, владевшего Кабардой. Кирмиш умер, оставив беременную жену, которая была взята в дом к родителю своему Хамишеву. Будучи у него, она родила сына, которого назвали Идаром. Он воспитывался у матери до совершеннолетия. За его хороший характер и. отличные способности дед его, Хамишев Бжедухский„ князь Эльжеруко и весь адыхейский народ, несмотря на юные его лета, страстно его любили и питали к нему особенное уважение. Все находили в нем по приветливости и добродетелям великое сходство с князем Ина лом. Когда же он возмужал, то стал помышлять о покорении соседственных народов и с этой целью собрал войско из кахов и чапсогов и повел его на Тамтаракайское княжество и Хазарское царство.

Судьба благоприятствовала его предприятиям: он возвратился с богатой добычей и множеством пленных. Дед его, Эльжеруко Бжедухский, и могучий великан Редедя сопутствовали ему в набегах. Не было в адыхейском народе никого, кто бы мог устоять против силы Редеди; почему современники прославили его в следующей песне: *Ой Ридадя, о Ридадя махо ореда, о Ридадя, махо!* т. е. «Редедя, Редедя, многосчастливый Редедя!» Эту песню и ныне поют во время свадьбы* жатвы или сенокоса, когда народ бывает в сборе.

Долгое время адыхейцы жили спокойно, не тревожимые никакими нашествиями от врагов внешних. Князь Идар с Эльжеруко Хамишевым и Редедею, собрав кахов, хагаков * и воинов из других адыхейских племен, пошли на Тамтаракай. Тамтаракайцы вышли к ним навстречу с своим ополчением; когда обе армии сблизились, Редедя, по обычаю тогдашних времен, захотел решить участь войны единоборством Он стал просить у тамтаракайского князя бойца и говорил ему: *Сить сшха дгакодра набжегухер дыд дзехарик тлиик сшха*

* Хеяки, или шегеки, ныне живут между натухаевцами.

иткутира»[3]*, т. е. «Чтобы не терять с обеих сторон войска, не проливать напрасно крови и не разрывать дружбы, одолей меня и возьми все, что имею». Князь тамтаракайский согласился и не стал искать в своем войске единоборца, а пошел сам на вызов великана. Противники сняли с себя оружие, положили его на землю и начали борьбу, продолжавшуюся несколько часов. Наконец Редедя пал, и князь поразил его ножом [XXXI]. Происшествие это прекратило войну, и адыхейцы возвратились в отечество, более сожалея о потере лучшего воина, чем о неудаче предприятия. Спустя несколько лет после этого похода, адыхейцы собрали значительное войско с намерением отомстить за смерть Редеди, а вместе с тем завоевать тамтаракайскую землю. Для увеличения своих сил они просили помощи у опсов, и те им прислали до 6000 отборных людей, с которыми отправились в Тамтаракайское княжество; несколько тысяч неприятелей вышло к ним навстречу. Много было сражений кровопролитных, много погибло людей, много разорено жилищ, много истреблено имущества, но намерение адыхейцев было непоколебимо: отомстить жестоко за смерть Редеди и уничтожить Тамтаракай.

Война продолжалась несколько времени с величайшим упорством с обеих, сторон. Наконец адыхейцы победили своих врагов и разорили всю область Тамтаракайскую. После этой победы они возвратились в отечество с богатой добычей и множеством пленных. С того времени ведется пословица у адыхейских племен: *Тамтаракай ухуньме*[39]*,* т. е. «Да будет тебе участь Тамтаракая». Еще говорят вместо брани: *Тамтаракай ух!* — «Будь ты Тамтаракаем!» Так же говорят и татары: *Тамтаракай бал,* что имеет то же значение.

Без сомнения, тамтаракайский князь есть русский князь *Мстислав,* княживший в молодости своей в Тмутаракани. История сохранила повесть о его единоборстве с Редедею, совершенно схожую с нашим преданием. В русских летописях имя Тмутараканского удела исчезает в XII столетии с совершенной неизвестностью о той войне, которая стерла с лица земли одно из кня-

[88] ***«Сыт щхьж1э дгъэк1уэдрэ ныбжьэгъухэрик1, ди дзэхэрик!, лъыик! тхьэ дгъажэрэ».*** Это единоборство отразилось в русской летописи. ПСРЛ, т.*1, с. 63. — ***Ред.***

[39] ***«Тамтаркъай и махуэр къыпхук1уэ» или «Тамтаракъай ухъу».***

жеств Русской державы. Но предание и в особенности пословица, оставшаяся в народе, без сомнения доказывают, что это событие совершено нашими предками Русские называли их вообще косогами, по названию одного из наших племен (кегехов), которые жили всех ближе к Тмутараканскому княжеству.

Несколько лет спустя после вышеописанных происшествий кабардинские князья, происходящие от Инала, перессорились между собой. Каждый из них хотел властвовать один над кабардинским народом. После многих перемен, междоусобная война кончилась изгнанием князя Тохтамыша и сына его Безруко, посетившихся близ реки Кубани, на речке, названной его именем —- Тохтамыш *; другой его сын Калиш жил на том-месте,, где ныне Волгского. казачьего полка станица Сабля ** и которая по его имени названа *Калишем.*

Изгнанные князья происходили от детей третьей жены Инала, а те, которые их вытеснили, были потомки старшего сына от первой жены Инала.

Князь Идар, находившийся тогда у деда своего Хамишева в земле кахов *, сведав о распрях, возникших между его братьями, вознегодовал на них. Через два года позже он посылал к ним несколько раз, увещевая прекратить ссоры, и требовал от них примирения ш дружбы на будущее время. Но видя, что они пренебрегают его советами и посредничеством, Идар собрал из; кахов или чапсогов, хегаков, бжедухов ****, махошев ***** и прочих закубанских племен многочисленное войско и пошел в Кабарду с намерением усмирить враждующих князей и взять свою долю из наследства отца. Не доходя Кабарды, прибыл к нему потомок**

* Река ***Тохтамыш*** (наша Абазинка),.приток р. Кубани с правой стороны, близ ст. Баталпашинской.

** Станица Саблинская лежит на левом берегу р. Карамык по почтовой дороге к Ставрополю, между Нижнеподгорной и Александрийской станицами.

' *** Автор впадает здесь «в явное противоречие. Выше было сказано, что дед Идара Эльжеруко Хамишев был князь бжедухов, а здесь назван князем кахов.

**** Бжедухи занимают земли по левую сторону Кубани, по низовьям рек Пшиша и Псекупса до границ шапсугов. Племя это разделяется на черченейцев и хамышейцев.

***** Махошевцы жили на левом берегу Лабы, выше Гатюкой, а ныне населяют места между рр. Белой и Лабой, в средних их частях.

Инала князь Коноко, чтоб совещаться с *Тохтамышем* *.

Кабардинские князья, узнав о намерении Идара, приготовились к войне; а между тем послали в горы к разным народам, приглашая вступить с ними в союз. Более всех они надеялись на оссов, потому что те находились с ними в родстве. Говорят, что первая жена Инала была дочь славного осского или абазинского князя Ашева. По этому -приглашению .прибыли к ним около 3000 войска, набранного в разных местах гор; большая часть их была пешая. Князь Идар, посоветовавшись с двоюродным братом Тохтамышем, отправил к кабардинцам несколько знатных лиц, для объявления своих намерений: *«князь Идар»,* говорили послы его, *«желает примирить враждующих князей, чтобы они впредь жили дружелюбно и спокойно. Сверх того, он желает справедливого раздела кабардинского народа и требует себе и своим родным одну часть, а другою предоставляет владеть потомкам Инала от первой жены».*

Но кабардинские князья и народ на это не согласились, грубо отвечали на сделанные им предложения, и послы возвратились с отказом. Разгневанный Идар решился разделить народ насильственным образом. Он приказал жечь селения и народ выгонять к себе; а тех, которые будут противиться, велел убивать. Кабардинцы, видя это насилие, стали защищаться и, отступая, соединять свои силы; таким образом они дошли до Казбуруна **, на правой стороне реки Баксана> Тут кабардинцы, соединив свои войска, сразились с войсками Идара. Кровопролитие было ужасное, жители, покрытые пеплом, и весь народ во время сражения производили страшный крик и вопль, проливая ручьями слезы. Некоторые из них для защиты надевали на голову пасхальные формы (?•). Предание говорит, что на этом месте погибло с обеих сторон неисчислимое множество людей. Из числа князей пали: *Тельстан, Айбак, Дударуко* и *Тохтамыш* с сыном *Калишем.* Наконец это ужасное побоище кончилось миром, на следующих условиях:

* Это каким образом: совещаться с Тохтамышем, когда к нему идет Идар, а не Тохтамыш?!

** Одна из гор близ Нальчика, между бывшими укреплениями Чегемским и Баксанским.

«чтобы князь Идар поселился в Кабарде, где ему угодно. Кабардинцы же обязывались почитать его за старшего князя и во всем ему повиноваться; противящихся же его воле решено было казнить».

По окончании переговоров и единогласного утверждения мирного трактата, войска разошлись по домам. Князь Идар вскоре после того прибыл в Кабарду и, приняв бразды правления, владел ею беспрекословно. Собственная его часть называлась *Идарией.*

Князь Идар, прожив после того несколько лет, умер и оставил по себе двух сыновей: *Питу* и *Маремихо.* Князь Коноко Берсланович, невзирая на трактат, уговорил отца Берслайа и, избрав удобные обстоятельства, успел увести из Кабарды до 200 семейств. Он поселился с ними на речке Орпе *; их потомки, живущие там, называются *Бесленеевцами* ** и нынешние их князья происходят от князя Коноко. от чего их называют ныне по имени предка — *Коноковыми.*

На Казбурунское сражение сложена следующая песня [XXXII]:

> «В нашем Казбуруне все готовятся к жестокой битве. Наши храбрые и знаменитые витязи побуждают друг друга выйти из Казбуруна и ринуться на неприятеля.
>
> Вот выступают доблестный Эльжер Хамишев» Айдар храбрый и князь Эльжеруко, доблестный герой, на добром коне своем.
>
> Тлаходуова серая лошадь падает у ворот досчатых укреплений Казбурунских, построенных в виде четырехугольника.
>
> Смешались люди и кони в безобразной толпе одежд и лиц.
>
> Падает храбрый витязь Альтай Богарсоков, с , пробитым стрелой черепом.
>
> Несмотря на ужасную сечу, Эльжер Хамишев и воспитанник его, князь Идар, одинаково упрямы.
>
> Смотря на успех или неудачу своих, витязь

* Вероятно, р. Уруп. Она вытекает из Главного хребта и впадает с левой стороны в Кубань, близ упраздненного укрепления Прочный Окоп.

** *Бесленеевцы* жили на правом берегу Большой Лабы и по рр. Большому и Малому Тегеням, впадающим в Уруп

Эльжеруко то прыгает чер'ез ограду, то снова должен отступать назад.

Семигда Касибиев, погладивши бороду, ударом бердыша сбивает ворота крепости.

Кургоков, добрый Женгери, неотразимый, один лричиняет ужасное кровопролитие.

Доблестный Хамишев Эльжер, князь и храбрый, стойкий воин Идар и победоносный князь Эльжеруко отважно сражаются при переправе.

Два гордые брата Пишцуковы, блвшиеся с ожесточением, кровавыми руками утирали свои бороды.

Несмотря на застывшую кровь на рукоятках сабель двух витязей Богарсоковых, в ограде мужественно сражавшихся, они вложили сабли свои в ножны, полагая, что неприятельское, войско сдается.

Мужественный Эльжер Хамишев, князь Идар и храбрый князь Эльжеруко, витязь неустрашимый, который прикован к седлу стрелами, не покидают битвы.

Здесь пылает Богарсоков аул; там между войсками громко воют вышедшие из Хашанских аулов жители; на головах их, вместо шлемов, видны пасхальные формы (?).

Мужественный Эльжер Хамишев, доблестный князь Идар и князь Эльжеруко были неумолимы, как пожар; теперь будут милостивее.

Нашипасева тегелия напитана кровью; удары его меча, как будто вынули сердца из семи передовых лолков неприятельских.

Храбрость малочисленной дружины бжедухских всадников, подобно невидимой чуме, нагоняет ужас на души противников.

А косой Коноко, не желая войны, удалился с многими кабардинцами.

Храбрые бжедухские всадники желали бы опять идти в дело, но изнеможение сил заставляет их оставаться на месте.

Абазинские пешие толпы таскают на спине копченую говядину и не думают о славе.

Амифокова белая лошадь издыхает от усталости, и золотой его рыцарский щит пробит и утыкан стрелами.

Князь Идар и храбр и мужественен-, но не сравниться ему с Самагуом Шипшовым; этот есть из: князей князь.

Война принудила и красавиц наших сносить бедствия и жить под навесом бурки, вместо палаток.

Мужественный Хамишев Эльжер, князь доблестный Идар — герой и князь Эльжеруко доблестный блистают в сече, как молния в темную ночь.

Один Дохшуков без пользы истер сваю тегелию в бурьяне.

Коноково поколение должно помнить благодеяние Кургока и не забывать да последнего потомства»!

ГЛАВА VI

Повесть о нашествии, калмыков, по тогдашнему названию тургутов на Кабарду. Князья Бшиапшоко и Кидиршоко разбиты на р. Малке. Вторичное поражение кабардинцев на р. Псигон-псу. Тургуты в свою очередь разбиты кабардинцами. Поговорка. Песня. Междоусобия князей и война с татарами и калмыками. Князь Шалох Толостанов. Желание его разделиться с двоюродными братьями. Малая Кабарда. Оставление древних нравов и обычаев. Большая Кабарда. Набег калмыков и татар на Кабарду. Поражение их князем Шалохом близ урочища Маджары. Калмыки и татары разбивают кабардинцев. Смерть князя Шалоха. Новые распри между князьями Большой Кабарды. Неудовольствия против потомков Тохтамыша. Бегство князя Кайтуко Тохтамышева и убиение его братьев. Возвращение князя Кайтуко. Он отказывается от управления. Вторжение аварского хана в Малую Кабарду. Несогласия между князьями. Князь Кошкао разоряет Кабарду. Население Малой Кабарды. Опасность угрожает христианству. Кабардинцы собирают войско на р. Чегеме. Князь Кошкао вооружает дагестанцев против своей родины и просит помощи у аварского хана. Движение последнего к пределам Кабарды. Князь Эльжеруко вступает в бой с дагестанцами Лазутчик Ортано. Новое оружие. Поражение неприятеля кабардинцами и истребление их войска. Пословица. Песня. Война Эльжеруко с тургутами и другими народами. Эльжеруко исчезает. Новое его появление. Он лишается рассудка. Грек Дохшукин. Качества князя Эльжеруко. Песня.

Много лет прошло после междоусобной войны в мире и спокойствии. Кабардинский народ забыл свои бедствия и поправился от разорения. Вдруг появились неожиданно около кабардинских границ тургуты (праот-

цы или однородцы нынешних калмыков), с многочисленным войском и с тарковскими татарами. Князья Бшиапшоко Берсланович [XXXIII], Кидиршоко Татлостанов, узнав наверное о приближении тургутов, собрали значительное войско в ожидании нападения; но не зная, с которой стороны неприятель перейдет границу, послали молодых князей: Кидиршоко, Тепсоруко и Шлахестана с 1000 отборными всадниками для наблюдения за неприятелем. Им поручено было высмотреть число и направление неприятелей и немедленно известить о том кабардинцев. Отправив наблюдательный отряд, кабардинцы занялись обеспечением своего имущества и народа. На другой же день получено было сведение о числе тургутов и об их направлении. Кабардинцы тотчас же отправили весь скот, конские табуны и семейства для безопасности в горы, а на третий день выступили и сошлись с тургутами при соединении реки Малки с Тереком, на переправе, где ныне горского казачьего полка Екатериноградская станица. Через реку завя„залась перестрелка, во время которой многочисленные толпы тургутов и татар, переправившись через реку в разных местах, окружили и опрокинули кабардинцев, которые на этом месте не могли устоять и принуждены были отступать к горам. Дошедши до реки *Псигон-псу* *, они стали на позиции, отделив половину своего войска на р. Баксан для лучшего охранения края.

Тургуты, перейдя через Малку, начали жечь опустелые аулы и, разъезжая малыми толпами для отыскания оставшегося скота, вещей и прочего, стали ловить птицу, бить собак и кошек на пищу. Кровь убитого животного была для них самым приятным напитком. Кабардинцы, заметив их оплошность, начали нападать и истреблять их малыми частями. Видя это, тургуты соединились и выступили к реке Псигон-псу, где на укрепленной позиции стояли наши войска. Подпустив неприятеля на близкое расстояние, кабардинцы броси-

* Не следует ли здесь разуметь р. *Лескен?* Предположение это несколько подтверждается множеством уцелевших на этой реке памятников, воздвигнутых адыхейцами в честь князей и героев, сходных по именам с теми, о которых упоминает автор. Р. Лескен есть западный рукав р. Уруха, вытекающий из Главного хребта. Обе эти реки впадают в Терек с левой стороны, у ст. Александровской.

лись на него с яростью. Загорелась жестокая битва, и кровь полилась ручьями. Но и на этот раз кабардинцы не могли одолеть неприятеля и принуждены были отступить к самым'вершинам гор. На другой день тургуты пошли за ними и нашли их на позиции в весьма крепком ущелье, где снова завязалось упорное дело, продолжавшееся несколько дней и лишившее обе стороны множества людей. Из кабардинских князей убиты: Бщиапшоко, Кидиршоко, Ковдшжо, Пушт и Каломет. Один из молодых князей, выскочив из-за скалы к мосту, который кабардинцы уничтожили, погиб в пропасти; князья Шалох и Галахстан были ранены. Кабардинцы были в опасном и ужасном положении, имея мало надежды на спасение, но через день неожиданно подоспела к ним помощь, состоявшая с лишком из 2000 людей, собранных из разных горских племен. Подкрепленные свежими войсками, кабардинцы начали действовать наступательно; они бросились с таким остервенением на врагов, что заставили их отступить и преследовали до переправы через Малку, беспрестанно сражаясь с отступающим неприятелем. Скоро тургуты удалились от пределов нашей земли, оставив в ней множество пленных, потомки которых и доныне находятся у нас в холопском состоянии. Кабардинцы прозвали их *нашку*, т. е. «узкий глаз» [XXXIV].

Место последнего сражения сохранило название *Каш-Катау,* т. е. «беги в горы». С того времени существует поговорка: когда бранятся, то говорят в виде злого обета: *ипорипих уыхо,* т. е. «чтоб ты попал туда, где нас режут».

После этой победы кабардинцы поселились опять на прежних местах. Это сказание подтверждается следующей песней [XXXV]:

«Льется кровь ручьями в нашем Каш-Катау и нет места развернуться нашим доблестным наездникам и храбрым витязям в узком ущелье;

Из всех князей доблестнейший герой князь Кидиршоко погиб в Каш-Катау.

А молодой Тебсоруко при разрушении моста свалился в пропасть. Богатым налокотникам, валявшимся на земле, завидовал и сам шамхал.

Уцелевшие от поражения воины наши пришли к Казы Бшиапшоковичу с печальными вестями

Князь поскакал на помощь к своим войскам на пегом коне своем, столь быстро, что лопнули новые путлица на его седле.

Отличный конь этот пасется на горах с дикими тиграми и львами.

Могучему князю срубить голову с богатырских плеч — легкая забава; левой ли или правой рукой удар его нанесен, он равно силен, лишь бы было надежно древко копья; никогда он не выезжал из битвы с целым копьем.

Кидиримурзовский конь борется с быстрой волной, а седок его, храбрый Богдидар Коголукин, уже много поломал копий.

Ейдаровы двое сыновей на рыжих конях сражаются с неприятелем и, защищая друг друга, в жестоком бою пали эти храбрые, витязи в Каш-Катау.

Тахтабиев сын Баташа, оборотясь, пустил стрелу, которой пробил двух знаменщиков. Золотые их латы в кустах валяются.

Лук у сына Шоганова Маршанкуло два человека не могли натянуть, а пущенная им стрела пробивает разом трех человек.

Так знаменит был Ханцов сын Берд, что когда он на сером коне своем настигал неприятелей, то они впадали в робость, а сподвижники получали бодрость от его присутствия.

Ночью Ардашао, сын Шипшева, не заботится о покое; все его попечения обращены на войско. Стрела его, поражая врага, издавала звук, подобный звуку молота».

Адыхейские князья, к общему вреду своего народа, управляли каждый своим участком независимо. Они вели войны то между собой, то с соседними народами: с татарами и калмыками, причем, однако же, они всегда руководствовались беспристрастием и справедливостью.

Один из князей, Шалох Таусултанов, пожелал разделиться с своими двоюродными братьями, но условия его не были ими приняты. После этого он несколько лет скитался у разных народов; наконец, в.досаде за не-

исполнение своего намерения, начал делать набеги на соседние племена, угоняя табуны и отбивая скот, а нередко даже уводил людей в плен и раздавал их уоркам, участвовавшим в его предприятиях. Сверх того гордый и беспокойный князь Шалох несколько раз сеял семена раздора и заводил возмущения в народе. Приверженные ему уорки подговаривали некоторых старшин и советовали им разделить Кабарду. Несколько старшин на то согласились, и, не ведя о том переговоров, без согласия владельцев, со своими аулами внезапно отделились в пользу Таусултанова поколения, и князь Шалох увел их за реку Терек и поселил на правом ее берегу. Обстоятельство это совершилось без всякого сопротивления со стороны прочих князей. Земля этих переселенцев и доныне носит название *Малой Кабарды* или *Таусултании.*

Мы уже говорили о том, каким образом разделился адыхейский народ на разные племена, получившие наименование по месту жительства или по имени князя, вначале властвовавшего над ними. Причиной тому всегда была взаимная зависть, доведшая до ужасных бедст вий и породившая глубокое ослепление. Ненавидя друг друга, каждый искал ограбить ближайшего соседа, отчего весь адыхейский народ начал забывать и наконец совсем изменил древние обычаи и нравы, основанные на братской любви. Потомки египетских князей утвердились между кабардинцами, бесленеевцами и кемиргойцами, а прочие племена, у коих они не могли укорениться, сохранили древние обычаи в полной чистоте. У них управляют старшины, и если кто-нибудь совершит преступление, то по всенародному суду наказывается смертью: с накладенными за рубашку и в исподнее платье камнями его бросают в воду. Для маловажных преступлений и измены есть другие, определенные обычаем наказания.

Между шапсугами существует в полном смысле взаимная любовь и братское согласие. Один другому зла не делает, а готов оказать всевозможную помощь. Главная их выгода состоит в том, что они никогда не разделялись на малые владения или княжества, а потому и живут всегда в общем союзе.

Но возвратимся к князю Шалоху Толостанову (из' поколения князя Таусултана). Он начал властвовать в Малой Кабарде, а потомки князя Кайтуки Жанхотова

и князя Тохтамыша и сыновья князя Идара остались в Большой Кабарде [XXXVI].

В XIII веке, внезапно и совершенно неожиданно, калмыки и татары, в числе около 3000 человек, сделали набег на Кабарду: сожгли хутора, отбили табуны и забрали много людей в плен. На другой день кабардинцы, узнав об этом происшествии, тотчас собрали до 1000 человек отборных наездников из Большой Кабарды и до 500 человек Малой Кабарды, начальство над которыми поручили гордому князю Шалоху. Князь этот, отправившись в погоню за неприятельской партией, через два дня настиг ее на привале близ урочища, называемого *Маджарами* *. Князь Шалох бросился на хищников с ужасным криком. Испуганные калмыки в беспорядке пустились бежать, покидая добычу и все свое имущество. Князь Шалох отрядил 500 человек с добычей обратно в Кабарду, а сам с 1000 человек продолжал преследовать хищников, которых вторично нагнал в обширных степях, где завязал с ними жестокую битву и побил у них множество людей. Через несколько дней после того калмыки, подкрепленные новыми толпами, окружили кабардинцев и большую часть из них положили на месте, в том числе и князя Шалоха. Спасшиеся от побоища возвратились в Кабарду. Некоторые говорят; что князь Шалох взят в плен в этом сражении и после выкуплен, другие же утверждают, что он пал на месте битвы.

Через несколько лет после описанного нами происшествия возобновились ссоры и смуты между, князьями Большой Кабарды. Наконец потомки Тохтамыша начали поступать гордо с народом, грабить и притеснять соседей и обнаружили злонамеренность и корыстолюбие в отношении к прочим князьям.

Дурное поведение их возбудило двоюродных братьев составить заговор для истребления этого беспокойного и хищного дома; но князь Кайтуко Тохтамышев, сведав как-то о тайном умысле братьев, немедленно бежал к реке Малке, где и скрылся в прибрежном лесе. Братья же его пали жертвами заговора. Скрываясь в глуши лесов, он питался звериной охотой. Несчастная княги-

* Урочище *Маджары* (Бургон Маджары) лежит на левом берегу р. Кумы, на восток от сел. Покойного, в расстоянии около 12 верст.

:ня приготовляла сама пищу, жила в бедном шалаше и претерпевала все лишения в продолжение нескольких месяцев, отчаиваясь даже когда-либо увидеться с народом. Через охотников, ездивших в тот же лес, народ узнал, что князь Кайтуко находится на реке Малке, -скрываясь в густоте леса, и обитает в шалаше. Кабардинцы послали к нему 500 человек с предложением возвратиться и быть по-прежнему в своей земле князем, но •с тем, чтобы ему быть с князьями и народом обходительным, благосклонным, учтивым и никого не обижать. Посланным было приказано, если он на эти предложения не согласится и окажет сопротивление, то его лишить жизни, а княгиню привезти домой. Посланные отыскали его в лесу, где ему немедленно было объявлено предложение народа. Князь Кайтуко принял его и заключил условие, которое подтвердил клятвой: что если он впредь будет поступать дерзко и беззаконно, то пусть его лишат княжества. И так его взяли из лесу и с честью проводили на родину. Место, где он скрывался, и доныне называется Кайтуко. Через несколько лет он добровольно отказался от княжества, почему ныне дом Кайтуков считается между первостепенными узденями. С того времени этот род потерял право жениться на княжнах и может брать в супружество только узденских дочерей.

* * *

Предания наши сохранили память о беспрестанных войнах и набегах, претерпенных нашим народом с конца XIII века. Нашими соседями в то время были татары, калмыки и дагестанские племена. Аварский или хаданский хан-уцмий * был самым опасным врагом кабардинцев. Он много раз вторгался в Малую Кабарду и производил ужасные опустошения. Упадок народа и междоусобия князей много способствовали успехам врагов внешних. Сами князья были причиной бедствий своей родины; спор за право владения никогда не прекращался. Не находя достаточно сил в земле своей, они призывали чуждые племена и под предлогом, что оты-

* *Уцмиями* (по-арабски «именитый») назывались исключительно только владетели Кайтага. Достоинство это считалось в Дагестане после шамхала вторым по старшинству.

скивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноплеменникам. По смерти князя Шалоха кабардинские князья предались распрям. Потомки князей Маремшао и Бату Идаровых перешли в Малую Кабарду. Князь Кошкао Калахстанович не согласился владеть по соседству с ними. Это послужило поводом к раздорам и смутам, которые кончились тем, что двоюродный брат вышеупомянутых князей из поколения Идара князь Кошкао отрекся от повиновения старшим братьям и, опасаясь справедливой мести, удалился из отечества к чуждым племенам и долгое время разорял с ними Кабарду, под благовидным предлогом отобрать следуемую ему отцовскую часть имения.

В эту эпоху Кабарда представляла вид рассеянного) воинского стана, где каждый, ополчаясь, охранял свое имущество вооруженной рукой. Народонаселение Малой Кабарды состояло из людей беспокойных, воинственных, отважных пришельцев, бродяг и преступников из разных стран и всех вероисповеданий. Это скопище мало» повиновалось своим князьям; живя в своеволии и предаваясь всем буйствам, они разоряли восточные границы Кабарды и вносили в ее пределы все ужасы войны и опустошения. Несчастная Малая Кабарда готова была потерять благодать христианской веры, державшейся в продолжение столь многих веков. Магометанское духовенство спешило воспользоваться тягостным положением кабардинцев, дабы обратить их к исламизму, не щадя при этом ни обещаний, ни подарков. Уже близка была минута решительного перелома, с наступлением коего, вероятно, исчезла бы и политическая самобытность Кабарды.

В этом положении кабардинский народ решился прибегнуть под защиту абазинцев и других горских племен. Заключив союзы с единоверцами, кабардинцы начали стягивать войска и через несколько месяцев собрали их на реке Чегеме. На избранной позиции они поделали завалы и даже в опасных местах каменные стены. Эти укрепленные позиции простирались от Бештау до реки Терека, куда и подвинулись кабардинцы[40].

Князь Кошкао, предвидя, что с восстановлением порядка и спокойствия в Кабарде исчезнет возможность к насильственному перевороту, и опасаясь притом спра-

В лен. рук.: «кабардинские войска». — ***Ред.***

ведливого возмездия от своих братьев, всеми средствами старался вооружить дагестанцев против своей родины. Он уговорил хана-уцмия аварского помочь ему в получении своего достояния от кабардинских князей. Собрав почти всех кумык и дагестанских владетелей, хан-уцмий, ведомый князем Кошкао, двинулся к пределам Кабарды.

Кабардинцы, получив известие о приближении дагестанского войска, отправили больных, стариков, жен и все имущество в горы. Приверженцы князя Кошкао нарочно распускали самые преувеличенные слухи и старались ложными известиями увеличить число своих •единомышленников. Но, к счастью, кабардинцы твердо ожидали неприятеля, надеясь на свою храбрость и мужество. Несколько благоразумных уорков убедили князей принять решительные меры к отвращению междоусобия и прекращению волнения в народе.

Начальник бесленеевского и абазинского войска, князь Эльжеруко, с несколькими тысячами конницы и несколькими сотнями абазинской пехоты, под начальством владельца Лоова, с конными и пешими, кабардинцами, под предводительством сыновей князя Идара, Кемиргоко и Темируко, выступил из Большой Кабарды и через день приблизился к Нижнему Жулату (ныне Минарет) [XXXVII]. Хан-уцмий за несколько часов до того переправился через Терек и стал лагерем при урочище Каратереке, близ нынешнего Екатеринограда.

Желая избегнуть кровопролития, князь Эльжеруко Коноков вступил в переговоры с уцмием-ханом, увещевая его оставить неприязненные действия и представляя, ему о великом числе союзников как из прочих адыхей-.ских племен, так и из абазинцев, соединивщих свое оружие с кабардинцами. Переговоры не принесли никакой пользы. Дагестанский владелец, надеясь на многочисленность своего войска и увлеченный льстивыми обещаниями князя Кошкао, не хотел слушать предложений кабардинцев, но горел нетерпением сразиться и получить богатую добычу.

Видя непреклонность уцмия, князь Эльжеруко отступил назад с войском и расположил его на укрепленных высотах между реками Чегемом и Баксаном. На другой день пришли туда дагестанцы и остановились недалеко от наших укреплений, а на третий день начали приготовляться к нападению. Князь Эльжеруко, заметив дви-

жение неприятеля, немедленно построил войска в боевой порядок и тронулся навстречу к неприятелю. Начался бой столь упорный, что он продолжался несколько дней. Во время сражения наши услышали с противной стороны Чегема грохот, подобный удару грома; за ним поднялся дым. Это явление крайне встревожило кабардинцев, а потому при наступлении ночи они отыскали охотника именем *Ортано* и послали его в то место, где наиболее дымилось, разведать, в чем дело. Посланный лазутчик, достигнув того места, залег в кустарнике, где и оставался целый день, наблюдая за действием огнестрельного снаряда. При наступлении ночи он выбрал удобный случай подкрасться еще ближе к передовому неприятельскому пикету, удавил часового и взял у него большое огнестрельное оружие без замка, состоявшее из ствола и ложа. Он с успехом доставил его в кабардинский- стан, куда стекалось все войско и с удивлением рассматривало новое оружие, с которым оно познакомилось в первый раз в этом деле. За этот подвиг Ортано был награжден повышением в знатное достоинство.- На третий день снова закипела жестокая битва, во время которой неприятель был принужден отступить. Кабардинцы бросились в шашки и довершили поражение неприятеля. Предводитель дагестанского войска и виновник бедствий, князь Кошкао, с множеством знатнейших аварских и кумыкских воинов остались на месте битвы. Опрокинутый на всех пунктах, неприятель оставил на месте две трети своего войска, и лишь одна треть успела спастись бегством. Путь их был усеян трупами, и только наступившая ночь помогла им укрыться в кустарниках, лесах, камышах и тернах, растущих на скатах глубоких оврагов. Невозможно было удержать кабардинцев, которые с ожесточением преследовали врагов, хищников и изменников своего отечества, и без всякой пощады предавали их в жертву справедливой ненависти. Достигши до переправы, многие искавшие спасения погибли в Тереке. Так было истреблено войско уцмия! Кабардинцы же, возвратившись домой со славой блистательной победы и с богатой добычей, торжествовали ее пиршествами и увеселениями в продолжение нескольких дней, после чего союзники их отправились восвояси.

После этого события замолкло для нас имя аварского хана и влияние хаданского народа прекратилось.

Испытав силы кабардинцев, они говорили: *кишжи-бек,* что на татарском языке значит: «твердость не в каменной ограде, а в мужестве людей». С тех пор место между Чегемом и Баксаном называется *Кишжи-бек.* Кабардинский народ, охраняя свою независимость, издревле старался об укреплении своей земли на удобных позициях построением крепостей и устройством завалов. Это происшествие прославлено в следующей песне [XXXVIII]:

«Косцы- наши отложили работу до будущего лета.

А созревшее просо наше потравлено кабанами. Просяные зерна снимаются с колосьев бесленеевскими ведьмами *.

Люди, пасшие наши табуны, бежали от врагов и прискакали домой на голых седлах.,

Наши молодые женщины, сидя в креслах (?), горько зарыдали.

Добрый князь Копшао ежегодно три раза приводил врагов в свою землю.

Люди наши сносили вакй (?) от беспрестанной ходьбы по Кшантиевской дороге в ущелья.

Даже железные котлы в тесной дороге поломались.

Мы надеялись на Чегемские укрепления, как будто на Мухустову крепость **.

Два войска стояли, готовые к битве, а князья наши отлучились для осмотра положения на Кишжи-беке.

Мы были тогда, как пчелы без матки, а проведавший о том уцмий рвался на битву.

Началась битва кровопролитная, и два отряда наших войск соединились в одно укрепление.

Трупы убитых неприятелей улеглись на поле, подобно досчатому мосту.

Кровь врагов лилась, подобно широкому потоку и проч.».

* У кабардинцев был неурожай, а у бесленеевцев хорошо родился хлеб; народ думал по своей простоте, что бесленеевские ведьмы похитили у него в это лето хлеб. (Прим. автора).

** Применение к известной греческой крепости. (Прим. автора).

Около того же времени вышеупомянутый бесленеевский князь Эльжеруко Коноков беспрестанно вел войну с тургутами и другими народами. Вдруг он исчез и не показывался в течение семи лет. Народ по своему легковерию полагал, что он похищен нечистым духом. Когда же он снова явился на родину, то старшины и народ были очень обрадованы; но он так переменился, что трудно было его узнать. Вскоре заметили, что он лишился рассудка, и о годах, проведенных им в отсутствии, ничего не могли узнать: все полагали, что он в продолжение этих 7 лет находился в плену. Говорят, что его вылечил Дохшукин, родом грек, бывший прежде шогеном, т. е. священником. За это князь Эльжеруко произвел его в уорки первой степени и подарил ему много дорогих вещей. Фамилия Дохшукиных существует и ныне за Кубанью и пользуется большим уважением в бесленеевском народе.

Князь Эльжеруко Коноков был самым храбрейшим и благороднейшим князем своего времени. Он был человеколюбив, ласков, рассудителен и обходителен с народом. Несколько раз он защитил свое отечество от врагов внешних. Он победил татар на реке Ахупсе *. В другой раз он победил соединенные силы калмыков и татар. Доброта, нравственность и славные подвиги приобрели ему всеобщее народное уважение и любовь. Следующая песня передала подвиги его потомству [XXXIX]:

> **«С тугого лука надежного предводителя пущенная стрела прямо и быстро полетела, неся ханскому войску смерть и опустошение.**
>
> **Ревнивый конь его Эмишь могучим копытом поражает головы калмыцкие, и тысячи трупов падают на пути его.**
>
> **Татарские передовые наездники, занявшие уже берега реки Ходзу, с ужасом бегут назад.**
>
> **Оставлена богатырская подруга — острая сабля, ибо не над кем ею потешиться. Нет врагов, которых бы она могла сокрушить.**
>
> **Доблестный Эльжеруко, исполин храбрости, с гордостью и самоуверенностью смотрит на великого хана.**

* Вероятно, река ***Афипс.*** Она берет начало из Главного хребта и впадает в Кубань с левой стороны, близ Екатеринодара.

Камня на камне не осталось от городов Саркала, та же участь постигла кемиргойцев, восставших против князя.

По примеру дел отцов своих, с благородной твердостью Эльжеруко с небольшими силами укрепился на Чегеме.

Золотая перевязь и его атласная тегелия забрызганы кровью дерзких врагов.

Враги с натянутыми тетивами не устрашили витязя; послушный конь в последний раз ринулся в толпу врагов. Гордое животное сослужило последнюю службу.

Таким же образом доблестный витязь возвратил спокойствие и достояние тем, которые страшились навсегда потерять их».

ГЛАВА VII

Повесть о князе Темрюке. Его качества и образ жизни. Темрюк покоряет калмыков и татар. Он направляет путь к Крыму. Темрюк вступает в подданство России и помогает Иоанну Грозному в войнах его против султана и Тавриды. Пословица. Возвращение Темрюка и Кемиргоко. Смерть последнего и его могила. Темрюк отправляет своих детей на воспитание в Россию. Дети Темрюка и принятие ими святого крещения. Движение Девлет-Гирея: сначала против Кабарды, а потом к пределам России. Песня. Кончина Темрюка. Брак его дочери с Иоанном Грозным. Князь Берслан Джанкутов. Его движение к Дербенту. Он разделяет народ на разные классы и учреждает третейский и главный суды. Установление штрафов. Изобретение тавро. Занские князья Антиноко и Канбулат. Сатенуй. Раздор между братьями. Бегство Канбулата в Турцию. Возвращение его и бегство Антиноко в Крым. Антиноко при помощи крымцев разбивает Канбулата; смерть последнего. Песня.

Кабардинский князь Темрюк Маремшаович Идаров, выйдя из юношеского возраста, помышлял единственно о подвигах великодушной храбрости. Душа его пылала желанием прославить себя воинскими подвигами и возобновить древнюю славу адыхейского народа, жившего спокойно под управлением своих старшин и старшего брата его, князя Кемиргоко. Желая напасть на татар, он собрал многочисленное войско, и юное его сердце рвалось с нетерпением на поле брани. Он давно уже приготовился к перенесению воинских трудов. Он презирал удовольствия роскоши, никогда не имел палатки и спал под открытым небом на войлоке, а под голову клал седло. Он питался конским мясом и сам жарил

его на углях. Каков был предводитель, таково было и войско. Гекуоки сохранили для потомства еще одну прекрасную черту, его характера: *князь Темрюко Идаров не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну своим неприятелям. Он посылал сказать им: иду на вас»**

' В эти времена варварства, гордый Темрюк наблюдал справедливость и законы рыцарской чести своего народа. .

Берега Волги и Дона были первым поприщем его подвигов. Он покорил калмыков и татар, которые продолжали беспокоить Кабарду своими набегами. Одна кровопролитная битва решила судьбу обоих народов. Князь Темрюк Идаров, победив калмыков и татар (как говорят предания), распространил далеко свои завоевания [ХЦ. От реки Дона он направил путь к Крыму и при этом вступил в сообщение с Россией, что крайне тревожило крымского хана. В это время князь Темрюк с некоторыми кабардинскими князьями дал присягу в верности русскому царю Иоанну Васильевичу и обязался помогать ему в войнах с султаном и Тавридой. Вероятно, что христианская вера, распространенная в древности греками между Черным и Каспийским морями, была еще в большой силе у нашего народа. Эта причина побудила его искать союза с русскими, как с единоверцами, и прибегнуть под покровительство царя Иоанна Васильевича. Память союза и дружества с русскими сохранилась по настоящее время в нашем народе; и теперь еще пословица говорит: *тхаго Цар-Йван хоттуа,* т. е. «присяга-, -которая пред царем Иваном»[41].

По возвращении князей Темиргоко и Темрюка, они были приветствованы кабардинскими уорками, которые поздравляли их с благополучным прибытием в отечество, с победой и с обеспечением народа от притязания и хищничества иноплеменников. Но более всего народ был обрадован союзом и покровительством России. (ХП].

* Эта характеристика Темрюка совершенно сходна- с характеристикой Святослава (см. Историю государства Российского, т. 1» гл. VII. стр. 104).

[41] ***€Тхьэ 1уэ пащтыхь Иван хэту».*** Принятие адыгов в русское подданство в 1557 г. и женитьба Ивана IV на дочери каб. кн. Темрюко—Марии в 1561 г. сделали имя русского царя популярным среди народов Северного Кавказа.

Со времени своего возвращения, князья Идаровы жили в Кабарде. Кемиргоко в непродолжительном времени умер и по завещанию зарыт в землю на коне и в полном вооружении. Место, где погребено его тело, находится между реками Чегемом и Баксаном; над ним вместо памятника насыпан высокий курган.

Князь Темрюк Идаров, видя избалованность* и худые нравы кабардинцев, беспрестанно помышлявших о набегах и грабежах, решился отправить своих детей, сына и дочь, на воспитание в Россию. Выбравши из кабардинцев достойного и верного человека, он поручил ему детей доставить в Москву и отдать их для воспитания царю Иоанну Васильевичу.

Сын его назывался Салтан, а дочь Мариан. Вскоре по прибытии в Россию они приняли святое крещение, в котором названы — сын *Михаилом,* а дочь *Марией.* Кабардинцы прозвали Михаила *Уруськан,* т. е. «воспитанник русского». Посланный же с ними Иван, возвратившись на родину, рассказывал столь много неслыханного и чудесного, что его стали почитать за колдуна. О нем до сих пор сохранилась память между кабардинцами.

Крымский хан Девлет-Гирей, узнав обо всем происходившем в Кабарде, немедленно собрал войско с намерением совершенно истребить пятигорских кабардинцев [Х1Л1]. Князь Темрюк Маремшаович Идаров, собрав многочисленное войско из кабардинцев и других адыхейских племен, двинулся к реке Ахупсу и при впадении ее в Кубань, близ Тамани (?), построил крепость и там ожидал неприятеля. Девлет-Гирей сначала вторгся в землю чапсогов, разграбил и опустошил ее, а потом уже двинулся к тому месту, где ожидал его Темрюк. В первом сражении князь наш был ранен, но войско стояло крепко и битва завязалась жестокая [ХЫИ]. Кабардинцы, хотя не разбили неприятеля, но своим упорным мужеством лишили его надежды победить их *. Оттуда Девлет-Гирей пошел к пределам России, в

* Событие это относится к царствованию султана Селима II (1566—1574) и именно к 1570 году. «Темрюк с детьми Баязытцким и Черкасом приходил помогати, и был Темрюку со царевичем (Крымским) бой, и Темрюк с бою съехал ранен, а дву сынов Темрюковых, Мамструка да Беберюка, царевич Алли Гирей на бою взял и привел с собою в Крым (в 1570 г.)». (См. Историю государства Российского, т. IX, гл. III, примеч. 350)'. ,

надежде хоть там поживиться богатой добычей *. Приводимая здесь песня сочинена на это происшествие [Х1ЛУ].

«Протекло семь дней, в ожидании неприятеля, и не видно, и не слышно ничего в степи. Войско наше стоит праздно на водах Ахупса.

Спасибо доброму царю; он известил нас о приближении неприятеля, и доблестный князь Темрюк готов разить общего врага.

Возгорелась сеча жестокая, и стрелы крымские летят в Темрюка, подобно зимнему инею, убеляющему поля и деревья.

Но одна роковая стрела отыскала путь для пронзения храброго князя, и так глубока была рана, что трудно было ее (стрелу) вынуть.

Пришел к нам из дальней стороны, из-за моря, через перешеек, воитель грозный с несметными силами и взял крепость нашу.

Пытались крепко крымцы перейти Ахупс и совершенно сбить наших: плохо было без Темрюка храброго, но наши отстояли.

И отличился мужеством Кайдак Етлухов с золотыми усами (гегуоко хотел выразить — русые усы); герой из героев Темрюк только вздохнул [42] от жестокой раны.

Идар Тамбиев, заметив робость наших, бросился в средину неприятеля; устыженные братья Седиевы повернули за ним коней.

От тугости луков их исходит гул, подобный пушечному, а от пущенной стрелы тетива издавала - звук».

По выздоровлении своем князь Темрюк немедленно собрал кабардинцев и спешил идти на помощь к царю русскому, с которым и соединились близ Азовского моря. Царь весьма благодарил князя Темрюка за его верность и щедро наградил кабардинцев.

Таким-то образом князь Темрюк много раз помогал России; по возвращении своем на родину этот добрый,

* Это нашествие Девлет-Гирея памятно России совершенным опустошением Москвы в 1571 году.

[42] В лен. рук.: «охнул». — *Ред.*

храбрый и лучший из всех князей наших умер от разболевшейся старой раны. Народ сказал про него: *какого ды пшишко патла задитльма длуку шегашего диажиким*[43], т. е. «нет более доблестного героя храброго витязя нашего, князя Темрюка». Старики наши упоминают,, что дочь Темрюка, воспитывавшаяся в России, пленила красотой царя русского и вышла за него замуж, а брат ее остался там, получив богатые подарки [ХЬУ].

* * *

Князь Берслан Кайтукович Джанкутов одарен был удивительной дородностью и толстотой. Щедрая природа, излившая на него с избытком свои дары, наградила его вместе с тем умом и отличными способностями; превосходные его распоряжения всегда оканчивались с успехом; но, к сожалению, он, по дородству своему^ всегда ездил на арбе. Однажды, собрав многочисленное войско с намерением проложить свободный путь между Кабардой и Астраханью, а также для заключения союза с шамхалом Тарковским, он дошел до Дербента. На возвратном пути он ограбил персидских купцов и, заключив союз с дагестанцами, возвратился с несметным богатством, очистив для беспрепятственного проезда купцов вышеупомянутый путь. Здесь можно присовокупить, что князь Берслан был одарен умом решительным, характер имел строгий и благородный. Он ввел между. кабардинцами разные обряды и разделил народ по степеням узденей[44] на пять классов[45]: 1) *тлокотлешь,* 2) *дижинуго,* 3) *кодзь,* 4) *пшиш-орк* или *берсланорк* и 5) *уорк сшаотлук-гусса.* Общее же' всем название было *уорк.* Крестьяне были разделены на четыре класса: 1) *пишкеу,* т. е. «княжеский», 2) *окго* или *тлаоксыиао,* т. е. «крепостной», 3) *длагунпить* или *дськокотль,* т. е. «крестьянин», и 4) *унаут,* т.-е. «дворовый человек».

Тлокотлешь, вместо *тлабкусшь,* слово трехсложное, имеющее два значения: 1-е, «от трех знатнейших поко-

[43] *«Хахуэуэ ди пщышхуэ палъэр, зэдилъмэ л1ыхъуу щэджащэр ди1эжкъым».*

[44] *«Л1экъуэл1эш, дыжьыныгъуэ, къуэдз, пщыжь-уэркъ е беслъэн-уэркъ, уэркъ-щауэгъусэ» «Пщык1эу», «1уэгу е лъхукъуэщауэ», слэгъгъунэпыт е лъхукъуэл1», *унэ1ут».*

[45] В лен. рук.: «степеней». Ш. Б. Ногмов неправильно подразделяет крестьянство на «четыре класса». — *Ред.*

лений»; вероятно, они названы так потому, что были многочисленнее и богаче; и 2-е, двухсложное — *тлабкусшь:* «от мужественных трех родов человек» (?). *Ди-^ жинуго* — слово сложное из *дижин* и *го,* т. е. «желтое серебро»; они были происхождения княжеского из низшего класса. *Кодзь* вместо *кодзе,* т. е. «добавка»; должно полагать, что это были переселившиеся иностранные дворяне. *Пшши-орк* или *берслан-орк,* слово двухсложное, означающее «княжеский дворянин», т. е. начавший свой род от князя Берслана: они находились при князьях, приобрели дворянство и получали в подарок разные вещи.. *Орк сыиаотлух-гусса* — слово трехсложное: «товарищ мужественного и благородного дворянина». Быть может, они названы так потому, что вели себя мужественно и сознавали свое достоинство. Должно полагать, что Берслан знал происхождение и мужество каждого из подданных. Ныне первые три класса[46] полагаются в первой степени, а *орк-сышаотлух-гусса* в третьей; все же они издревле называются *орк.* Несмотря на сложные слова и значение их, они разделены по степеням.

Сверх этого Берслан, в продолжение управления своего кабардинским народом, желая улучшить и упрочить его благосостояние и для оказания всякому правосудия, первый учредил во всех аулах, в каждом по одному *хеезжа,* т. е. «третейский суд», в котором разбирались все дела, кроме уголовных, и жалобы местных жителей. Суд этот составляли несколько человек, из благонадежных узденей и депутатов со стороны народа[47], ежегодно им избираемых с утверждения самого князя, который в руководство им и народу издал разные законы и обряды, о которых будет говорено ниже. Жалобы же на судей, также уголовные и относившиеся до всего народа дела разбирались и решались под Председательством князя в *хе,* т. е. «главном суде», учреждавшемся в постоянном месте жительства князя. Кроме того, князь Берслан Кайтуков установил разные [4] штрафы за неисполнение данных им узаконений и обрядов, ныне не соблюдаемых народом,, и старался всеми силами искоренить зловредных людей, и весьма многих князей за

[46] В лен. рук. нет выражения «три класса». Видимо, это добавлено А. Берже. — *Ред.*

[47] В лен. рук.: «со стороны черни». — *Ред.*

неблагонамеренные их поступки лишал княжеского достоинства, а некоторых и вовсе изгонял. Равным образом он изобрел для собственных своих и узденских лошадей особое тавро, называемое и ныне *берслановским.* Украденная и найденная впоследствии лошадь с этим тавром подвергала виновных тяжкому наказанию.

* * *

Занские князья, два брата — *Антиноко* и *Канбула?* жили вместе. Старший из них, Антиноко, был женат и„ кроме того, имел у себя девушку удивительной красо-. ты, по имени *Сатенуй.* Народ начал говорить о связях князя Канбулата с Сатенуй, и Антиноко, узнавший об* этом, возымел на брата своего подозрение и выгнал его из дома. Канбулат пошел к своему аталыку. Антиноко^ узнав, что Сатенуй посылает к нему туда подарки, решился умертвить его. Канбулат бежал в Турцию с намерением просить у султана войско для примирения с братом, но, получив отказ, возвратился на родину, где успел привлечь на свою сторону большую часть народа, а вместе с тем и власть над Заном. Старший брат его Антиноко бежал в Крым под покровительство хана и просил у него войска для возвращения неправильно» забранных братом его владений, с тем условием, ' что если он убьет брата и истребит участников его, то войско хана возвратится с богатой добычей. Хан обещал было, но вскоре о том забыл и только через семь лет, вспомнив об Антиноко, дал ему сколько нужно было» войска, с которым тот и возвратился в отечество. Между тем Канбулат успел привязать к себе весь народ, и, узнав, что брат его с крымцами приближается к пределам его земли, он собрал народ, ожидая их.прибытия. Крымцы пришли, и между ними завязалась жестокая битва, в которой много людей истреблено с обеих сторон; но* Канбулат спасся бегством, оставшееся имущество участников отдано было крымскому войску, и весь народ присягнул Антиноко в верности. На обратном пути крымцами был отыскан Канбулат при заливе моря и убит. Тем и кончилось это сражение. Жена Антиноко, Сатенуй, как говорят некоторые, была отдана крым-

цам, иные же утверждают, что выгнана *. Аталык Канбулата собрал гекуоко и составил следующую песню 1ХЬУ1].

«Именитые ездоки и единодушные два спутника Жендеровы доведены до жалкого состояния с бедным Канбулатом.

Доблестный князь Мокмоко в кольчуге с короткими рукавами бодрствовал для этого героя, мое же сердце сильно разрывалось с несчастным Канбулатом.

Где ограды и ворота, там сыплются многочисленные стрелы. Мужественный витязь Коноко Карабов, стоя сбгнувшись, ни одного всадника не пропустил. Ах, Канбулат несчастный!

Каждую ночь хожу я к заливу морскому и все аулы обойдены; но никто не входит в мое горестное положение! Жаль бедного Канбулата!

Можно ли было надеяться на помощь боязливых всадников, на трусов-пешеходцев, на турков; с головами, повязанными чалмами, они не в состоянии что-либо сделать. Жаль бедного Канбулата!

Князь Джанкилиш, быв гоним, не знает и не умеет бежать, а отстреливается от врагов. Жаль несчастного Канбулата!

Доблестный князь Мокмоко при жизни своей никакого добра не сделал, а по следам Канбулата погиб.

Высокий витязь Хумаров от раны согнулся у ворот ограды, и через тело его понуждали меня перепрыгнуть, в досаду бедному Канбулату.

Золото нарядное, Пшизединоко Коноков был в отменном одеянии достойнейшей фамилии, а сделать ничего не мог; жаль тебя, несчастный. Канбулат!»

* Об упоминаемых здесь неудовольствиях между Антиноко и Канбулатом, жившими во время султана Ибрагима (1640—1648), писал барон Гаммер (см. его ОезсЫсЫе йез ОзташзсЬеп КекЬез. Тез1п, 1840, т. III, стр. 245). Князья эти названы у него Наказсптак Ьед и АпктакЪед.

ГЛАВА VIII

Казы и Шогеноко, внуки Темрюка. Султан Солиман намеревается утвердить за собою адыхейские племена. Движение Касима-паши к Астрахани. Он разбит кабардинцами. Две пословицы. Построение крепости на Тереке. Движение Девлет-Гирея к пределам закубанским. Битва близ Константиногорска Плен князей Шахмурзы и Камбота. Вторжение Шамхала во владения кабардинцев. Битва на р. Куркужине. Плен князя Шалоха. Поражение крымцев. Песня. Шагунов курган. Возвращение князя Шалоха. Последующие войны кабардинцев. Мурза Алкайс и вторжение его в пределы кабардинцев. Смерть князя Казы. Князь Шогеноко защищает Малую Кабарду. Мир с ногайцами. Брак дочери Казы и его сыновья. Несогласия между кабардинскими князьями. Спор за сито и ситовая могила. Князь Хатожуко и старания его к прекращению раздоров между кабардинскими князьями. Истребление поколения князей Женцоха, Берслана и др. Убиение братьев Батырша и Батарбия и братьев Жанборимаса и Жанборисхана. Убиение Созирахо. Песня. Убиение князя Шужия. Песня. Князь Хатожуко возвращает Кабарде прежнюю тишину и спокойствие. Разделение Кабарды. Фамилии Хатожуко, Жанбота и Мисоста. Кончина князей Хатожуко, Жанбота и Мисоста и их дети. Брак дочери князя Хатожуко с ханом калмыков Домбукуньбом. Несогласия между князьями Малой Кабарды Алегико Шогоноковичем и Имудар-Гафом Жанмурзовичем Татлостановым и князьями Большой Кабарды Бекмурзиным с братом Кайтуко. Князь Карошай Шалохович прекращает раздоры. Вторжение потомка Чингисхана в пределы кабардинцев. Побоище близ Нижнего Жулата. Начало разбоя кабардинской молодежи. Кабардинцы изгоняют татар. Песня.

После смерти Темрюка, внуки его: Казы, владетель Большой Кабарды, и Шогеноко — Малой, хотя жили не в согласии, но отношения их к России оставались все те же. В это время пронеслась молва, что турецкий султан Солиман намеревается утвердить за собой адыхейские племена и всех их обратить в мусульманство и что он посылает многочисленное войско для завладения Астраханью *, жители которой были на стороне турок. *Казы, Шогеноко* и *Шужие* немедленно собрали отборное войско и, узнав, что *Касим-паша* оставил пушки в Азове и с одними легкими войсками и крымцами идет на Астрахань, где ожидали их русские, отправились осенью к Волге и у Белого озера встретили в беспорядке бегущих турок и крымцев. Наши без труда разбили утомленных неприятелей, взяли богатую добычу и много пленных, оставив уцелевших спокойно бежать (есть пословица: *ту штогахерь кодира умух*[48]*,* т. е. «от страха бегущих всадников уже не догоняй») и с большой славой и богатством возвратились на родину. С того времени ведется пословица: *Сотей захудипатлесыи*[49]*,* т. е. «пойдем на Сотей» (ХЬУЩ потому что турки хотели распространить границу свою до Сотея. Так называли мы степи, лежащие от Волги до Терека. К тому же времени относят и построение русскими для защиты кабардинцев крепости на Тереке [ХЬУШ].

Хан крымский не мог простить кабардинцам своего поражения, почему через три года собрал еще сильнейшее войско и нечаянно вступил в пределы закубан-

* Селим II хотел восстановить царство мусульманское на берегах Ахтубы и с этой целью весной 1569 г. приказал Касиму, паше Кафы, идти к Переволоке, соединить Дон с Волгою, море Каспийское с Азовским и взять Астрахань или, по крайней мере, основать там крепость в ознаменование султанской державы. Поход этот, однако же, был неудачен. Касим-паша достиг Астрахани и стал ниже ее, на Городище; но, узнав о движении против него князя Петра Серебряного, бежал, причем войско его сильно пострадало, отчасти потому, что Девлет-Гирей вел турок местами безводными, голодною пустыней, где кони и люди умирали от изнурения; отчасти же от черкес, которые их стерегли в засадах и множество забирали в плен.

Несчастный поход этот описан Карамзиным по сказанию очевидца, царского сановника, Семена Мальцова. (См. Историю государства Российского, т. IX, гл. II, стр. 74—78).

[48] *«Шу щтагъэхэр куэдрэ умыху».*

[49] *«Сотей зэхудип1алъэщ».*

ских земель * и расположился там отдыхать на две недели. Место стоянки крымского войска доныне сохранило название *Хан-тоба,* т. е. «Ханский курган». Сюда-то стеклись к Девлет-Гирею изменники и беглецы адыхейские, изгнанные из отечества узденя и т. п. люди. К ним присоединились и закубанские князья, уверяя их, что покорить кабардинцев ничего не стоит, что они изнурены недавними войнами, голодом и болезнями, что путь в Кабарду никем не будет защищен, ибо князья Шогеноко и брат его Казы не в состоянии набрать и тысячу всадников, и что с появлением ханского войска они скроются в горы. К несчастью, изменники сказали правду. Кабардинцы потеряли многих из своих храбрых предводителей. Князья Шогеноко, Казы и Шужие собрали войско и спешили занять берега Кубани; но хан обманул их и другим путем вторгся в Кабарду. Оставшиеся в ней князья, вместо сопротивления, малодушно оставили свои места и бежали из ущелья в ущелье, оставив народ без войска, без начальника. Когда хан уже стоял на Куме, главные силы наши, не отдыхая, настигли ханское войско на правом берегу Подкумка (близ нынешнего Константиногорска **). Хан приказал немедленно зажечь аулы и начать битву, которая превзошла жестокостью все бывшие до этого времени; одни и многочисленнейшие сражались за добычу и желали отомстить свою прежнюю неудачу, другие сражались за свою родину, за славу имени, за жен и детей. Много пало с обеих сторон, и только одно изнеможение заставило войска оставить сражение. Видя готовность кабардинцев биться за свою свободу до последней капли крови, хан решился возвратиться в Тавриду, пленив двух князей, *Шахмурзу* и *Камбота,* из поколения Идарова. Через несколько лет кабардинские князья ходили к берегам Каспийского моря и к дагестанским татарам, много раз побеждали их и наконец возвратились со славою, многими пленными и несметной добычей. •

Шамхал Тарковский намеревался отомстить кабардинцам за разорение подвластных ему земель и, присое-

* Вероятно, в 1572 году, при вторичном движении Девлет-Гирея на Москву, в 50 верстах от которой князь М. Воротынский одержал над ним знаменитую победу.

** Крепость эта упразднена с возведением Пятигорска на степень города.

динив к войску своему обитающих по Волге и Каспийскому морю калмыков, ногайцев и других, поручил его кумыкским князьям. Войско это неожиданно вторглось в наши владения, истребляя все мечом и огнем. Едва разнесся слух об этом, как собралось в течение одного же дня до 2000 всадников; они встретили неприятеля на речке Кулькуджине *, где и завязалась жестокая битва, не уступавшая бывшей с крымцами на Малке. Рассказывают, что она возобновлялась в течение 15 дней и что только ночь разделяла сражающихся. Князь Шалох с несколькими узденями захвачены в плен, войско наше отступило, и неприятель стал лагерем на реке Малке. В это время мужественный князь К&зы был в отсутствии. Едва т/олько достигла до него весть об опасности, угрожавшей отечеству, как он немедленно собрал сколько мог войска и поспешил на помощь. К счастью, добрый князь пришел вовремя. Оба войска немедленно соединились, окружили неприятеля и начали битву насмерть. Много крымских, ногайских и калмыкских князей пало на месте битвы. Оставшиеся едва успели спастись бегством, оставив победителям богатую добычу. Это подтверждается следующей песней:

«Мы ежедневно копаем рвы и не знаем усталости; насыпаем валы и не чувствуем скуки.

Для чего вы избрали жилищем устья реки Кайтуки?

И в Кулькуджине нашем было жестокое кровопролитие,

Если бы князь Казы успел прибыть к нам, то беда не могла бы с нами случиться и не видели бы мы в Кулькуджине поставленных врагами золотых шатров.

Князь Шалохо всечасно грозил врагам булатною саблей; князь Казы тоже грозился на них. Нам это было неприятно; они обманывают нас ежедневно, и князь Казы всегда нарушает крестный обет.

* *Куркужин*—незначительная речка, вытекающая из горыЗейка, находящейся с правой стороны Малки, и впадающая в последнюю ниже ст. Солдатской.

Юный витязь, князь Казы, грозит короткой саблей и в начале битвы он опрокинул разом трижды десять (т. е. 30). человек.

Доблестный витязь, высокий Мурзабек, достойный сын Кара Куденета, трехгранным копьем своим выдергивал кольца из кольчуг противников; сломанное копье его осталось в теле ногайского мурзы Кашелая.

Увжуко Куденетов — неустрашимый витязь и достойный сын Кара Куденета».

В таком-то унизительном виде достигли они Шагумова кургана, где, получив свободу, князь Шалох возвратился на родину с 27 человеками.

В последующее владычество Казы над Большой Кабардой мы должны были попеременно воевать то с ногайцами, то с калмыками, то с турками и крымцами. Благодаря мужеству и благоразумию князя, войны эти вообще были очень удачны для кабардинцев; наконец ногайский мурза *Алкайс* с родственниками своими *Ештерском* и *Бештерском* вторглись с многочисленными полчйшдми в пределы кабардинские и дошли до Баксана. Обманом они успели умертвить славного князя Казы и, взяв его голову, скрылись ночью от преследования, кабардинцев. Старший брат Казы князь *Шогеноко* в то время мужественно защищал Малую Кабарду. Вскоре кабардинцы отправили послов для заключения мира с беспокойными ордами ногайскими, имея в виду больше всего возвратить голову Казы, с условием, что в случае согласия ногайцам будет дозволено селиться до Сотея. Между прочим, мурзы "Ештерск и Бештерск просили, для утверждения приязни между двумя народами, выдать дочь Казы за кого-либо из них в супружество, и тогда только обязывались возвратить голову ее отца. Послы приняли это предложение и отправились обратно на родину с многими ногайскими старшинами. Похоронив торжественно прах знаменитого Казы, они послали дочь его; но мурзы Бештерск и Ештерск, совестясь ли, что были виновниками убийства, или по другой какой причине, не захотели взять в супружество дочь Казы, а выдали ее за другого своего брата и брак совершен был по магометанскому закону.

Знаменитый Казы оставил трех сыновей: *Хатожуко, Жанбота* и *Мисоста.* Малолетство этих трех братьев

и неспособность других, двоюродных, послужили для кабардинцев источником многих несчастий и беспокойств.

По сметри Казы, кабардинцы лишились многих храбрых предводителей; князья Шогеноко и Шужий были уже в преклонных летах, а оставшимися от разных князей детьми овладело корыстолюбие и зависть до такой •степени, что между ними возникла непримиримая вражда и они стали ненавидеть друг друга; каждый желал владеть самоуправно. Народ ими был доведен до такого положения, что за малейшие оскорбления или неудовольствия происходили убийства. Так, например, один бедняк выпросил у соседа своего на короткое время для сеяния муки сито и, забыв возвратить его хозяину, затерял его. Хозяин сита был в претензии, поссорился, и следствием происшедшей по этому случаю драки было умерщвление до 500 душ обоего пола. Все они погребены в одном месте, и могилу их называют *кузанака,* т. е. «ситовая могила»; она находится между реками Баксаном и Гунделеном *.

Между тем князь Хатожуко Казыевич, невзирая ни на какие препятствия, с твердостью и всеми силами старался, об отыскании средств к уничтожению беспрерывных споров, распрей и буйств, возникших между кабардинскими князьями, узденями и чернью, собственно по интригам деда первых, старика князя *Шужия.* Благоразумием и усердием к общему благу он привлек к себе весь кабардинский народ, желавший быть под управлением одного старшего князя. Затем по просьбе народа вступив в. полное управление им, князь Хатожуко для искоренения зла употребил самые строгие и жестокие меры. Первым распоряжением его было истребление злонамеренных й корыстолюбивых князей, особенно поколения Женцоха, Берслана и других. Собрав несколько сотен всадников, он начал убивать непокорных. Прежде других были убиты два брата — *Батырша* и *Батарбий;* потом удавлены другие два брата, *Жанборимас и Жанборисхан,* скрывавшиеся с аталыком, своим воспитателем, в пещерах и в ущельях. Все эти князья были племянники князя Шужия, который сам остался в живых, вероятно, по уважению к его преклонной старости, а

* *Гунделен* — приток Баксана с левой стороны, между аулами князей Мисоста Наурузова и Атажукина.

по словам других, потому, что был, несмотря на лета, сильнейшим из всех князей.

Старик этот воспылал местью за убийство его племянников и, не будучи в состоянии отомстить, он через несколько времени, в отсутствии князя Хатожуко, отправившегося с братьями родными, Жанботом и Мисостом, к осетинам, собрал приближенных и приказал под видом увеселения устроить особое место и созвать борцов для состязания с сильнейшим и любимым княжеским борцом *Созирахо,* с обещанием победителю награды. Когда по. приглашению на поприще явился Созирахо и побеждал всех без исключения борцов, князь Шужий, подойдя к нему, заколол его длинным острым ножом и потом велел тайно зарыть его в землю. Жена Созирахо по этому случаю оставила потомству следующую составленную ею песню [X1ЛХ]: —:

> «Ах, мой Созирахо! Ах, мой высокий СозирахоГ Концы копья твоего уподоблялись утренней звезде,, но ты не избег изменнической кончины.
>
> Ты головы сильнейших борцов сносил большим своим пальцем.
>
> За кровь высокого Созирахо отомстит великий бог».

Вскоре после этого князь Хатожуко по возвращении на родину, не видя своего борца Созирахо, спросил о-нем, и, узнав, от узденей о его смерти, сильно опечалился. Печаль эта заставила приближенных скрыть обстоятельства смерти борца, и князь, думая по словам их„ что она последовала от болезни, только по истечении года узнал из дошедшей до него вышеприведенной песни о сделанном Шужием «убийстве. В намерении отомстить ему таким же коварным убийством, князь Хатожуко прибегнул к хитрости. Он отправился со свитою своею к Шужию, будто бы для посещения и примирения, после ласкового разговора с ним о разных предметах и политических отношениях, он стал уверять его в постоянном своем к нему расположений и братской любви. В ответ на это, обрадованный лаской князя, старик Шужий сам предложил для утверждения братского союза и верности обета отправиться в Жулат и там, по древнему обычаю, после клятвы в дружбе, переломить надвое стрелу. По изъявлении на это согласия

назначен был день отъезда. Между тем хитрый князь Хатожуко, без ведома других, отправился один и, доехав до указанного места, слез с лошади и, помолившись перед Татартупом, произнес обет о непременном убийстве князя Шужия и в подтверждение своего обязательства, переломив надвое стрелу, положил ее в Татартуп. Затем на другой день он прибыл к этому месту с князем Шужием; по ложном уверении в дружбе, они обоюдно переломили стрелы и отправились обратно с двумя слугами. По прибытии к левой стороне реки Чегема, Хатожуко, обратясь к Шужию, предложил ему отдохнуть, а прислугу его отправить к аталыку Куденетову для принесения какой-либо закуски и кумыса, а между тем соснуть. Несчастный старик, не подозревая в этих словах никакого умысла, согласился. Как только по отбытии прислуги оба князя легли и из них Шужий заснул, Хатожуко встал с своим слугой, убил Шужия саблей и, прикрыв его буркой, отправился в дом Куденетова и объявил ему о смерти его *капа,* т. е. воспитанника, присовокупив, что, оставшись преемником Шужия, обязывается ему на будущее время заменить его. Затем тело Шужия было предано ими земле на месте убийства и над могилой сделан курган. Оставшаяся жена Шужия, собрав несколько своих воспитанниц, сложила следующую песню [Ц:

«Ах, Жанборимас! Ах, Жанборисхан! Куда вас дену для защиты от страшного смертоубийства?

Если вас послать в Россию — там не примут, по многочисленности людей.

Вас взяли в пещеру ущелья Урди *, кормили как лошадей или быков; но, откормив, зарезали острыми ножами.

После смерти князя из князей ни одного не осталось у меня наследника.

Для меня не • осталось иного утешения, как только видеть их могилы.

Маленьких детей моих не допустили дожить до совершеннолетнего возраста.

Едва лишь кто-либо из них достигал его, как

* Есть ущелье *Урда;* оно находится к востоку от горы Кинжал, между этой последней и горою Инал.

был удавливаем. Это разрывает и терзает мое сердце.

Вот и дом мой разрушился, подобно старинному Ванедскому дому».

Таким образом, под твердым и благоразумным правлением князя Хатожуко, кончились все смуты и беспорядки между кабардинцами. С помощью братьев своих Жамбота и Мисоста он умел примирить . враждующие стороны и соединить разделившихся. Ненавидя вкоренившиеся своевольство и бесчинства, он вынужден был истреблять их строгими мерами. В наказание злых и поощрение добрых, он оставил собой хороший пример для кабардинцев: обиженные и угнетенные находили в нем' защиту и правосудие, притеснители же справедливое по заслугам наказание. Он восстановил и утвердил в народе навсегда благоразумные постановления и обряды дяди своего Берслана относительно князей, узденей и холопов. Благосостояние и тишина были Повсеместны во владениях князя Хатожуко и названных братьев его. Для сохранения между ними на будущее время спокойствия он с общего согласия народа еще при жизни разделил Большую Кабарду на три части и вверил каждому брату непосредственную власть и управление над одной частью, состоявшею, по словам некоторых, из 50 аулов, из коих каждый заключал в себе до 1000 дворов, но с условием — в общих и важных делах быть всем под управлением одного старшего князя. Впрочем, часть Жанбота простиралась от Чегема или Шолухи * до Терека, а Хатожука и Мисоста от реки Шолухи до устья реки Кубани. Таким образом произошли фамилии *Хатожукина, Жанбота* и *Мисоста.*

Спустя три года или более князь Хатожуко скончался. Дядя его, князь Шогеноко, также умер. Несколько лет спустя умерли князья Жанбот и Мисост. По смерти их остались сыновья: от князя Шогеноко *Алегико,* от князя Хатожуко четыре сына: *Кургоко, Адилгерий, Мухамет* и *Смаил;* от второго брата Жанбота тоже четыре: *Бекмурза, Кайтуко, Али-мурза* и *Султан-Али;* от Мисоста три: *Хатожуко, Али* и *Ислам.* От этих кабар-

* ***Шолуха*** (большая и малая) вытекает из горы Шолухашха, находящейся к западу от Нальчика. Они соединяются у аула Доутокова и впадают в Терек с левой стороны.

динских князей тоже следовали потомки; но, наблюдая завещание отцов своих, они состояли под управлением старшего из них и несколько времени жили мирно. Старики говорят, что в продолжение этого времени калмыки находились в неприязненных отношениях с кабардинцами, делали нападения и препятствовали провозить соль из озер через их степи; это продолжалось до тех пор, пока калмыцкий хан Домбокуньб не испросил себе в супружество дочь князя Хатожуко, -после чего калмыки заключили мир и кабардинцы беспрепятственно ездили за солью.

Но спокойствие это продолжалось недолго. Малокабардинский князь *Алегико* жил не в ладу с молодым князем *Имудар-Хафом Жанмурзовичем Татлостановым.* Князь *Большой Кабарды* Бекмурза завел спор с братом своим *Кайтуко* за наследственное их владение. С нарушением обета братской любви и дружбы возникло между ними неуважение к старшему их брату и пренебрежение к его власти, завещанной их отцами. С другой стороны, корыстолюбивые *бифако-орки,* т. е. «воспитатели и уздени», старались усиливать их вражду, уговаривая: *за гуо зиусхан абье нахири унах мого*[50], т. е. «удар и я унесу (?); разве вы беднее, чем он?» Таким образом, не помышляя об общем благе и забыв минувшие годы, они возобновили везде споры и тем добровольно навлекли на себя и на народ бедствия и подпали под иго иноплеменников, как мы это увидим ниже.

Наконец князь Корошай Шалохович Тотлостанов положил конец гибельным мятежам и стал один владеть Кабардой. При нем один из потомков Чингис-хана занял своими ордами все пространство от Волги до самого Терека и с отборными всадниками вторгнулся к кабардинцам с намерением обратить жителей в магометанство. Кабардинцы встретили его войско и долго оспаривали ему дорогу, но, наконец, принуждены были отступить до *Зыепаке* (нынешняя Екатериноградская станица). Татары, намереваясь окружить кабардинцев, переправились через Терек в двух местах и подошли к Жулатам; кабардинцы разделились также на две части: Малая Кабарда обязалась защитить Нижний Жулат, по правую сторону реки Терека, а Большая Кабарда — Верхний Жулат, по левую его сторону. Татарские отря-

[50] *«Зэ гуо, зиусхьэн, уэри абы нэхърэ унэхъ мыгъуэ?»*

ды соединились вновь, начали жаркое побоище близ Нижнего Жулата, и, несмотря на помощь приспевшего отряда Большой Кабарды, взяли Жулат. Это и положило конец войне; но веры магометанской никто принять не согласился. Хан со многими улусами поселился недалеко от Жулата, на месте которого выстроены татарами из кирпича мечети и минареты * сохранившиеся и доныне.

* * *

Много уже лет обитали в нашем соседстве ногайцы Шанбековы и, не изменяя своего образа жизни, кочевали в кибитках и промышляли воровством. Пример соседей подействовал и на наших молодых людей, воспитайных в праздности и любивших всякого рода военные занятия; они, в свою очередь,, стали охотно выезжать на грабеж и разбой.

Хотя прошло уже довольно лет по водворении хана Жанбека в новой резиденции, но кабардинцы и горские народы не могли равнодушно смотреть на чужеземных пришельцев, насильственно поселившихся на земле, которую издавна привыкли считать неотъемлемой собственностью и потому весьма часто малыми партиями начали тревожить ногайские кочевья. Наконец, собравшись в большом числе, кабардинцы ночью напали на них, причем одних побили, других взяли в плен, а остальных принудили бежать к Дону. С того времени и ведется татарская пословица: *«съели от горца тревогу и разорение».* Таким образом, исчезли большие татарские орды. Предание это подтверждается следующей песнью [Ы]:

> «Между Жанхотовыми детьми возникло ужасное соревнование, ко вреду общему; мы строим дома, а вражда их изгоняет нас из жилищ наших.
>
> Если б не отсутствовал наш князь Кази, не претерпели бы мы сего ужасного кровопролития и не увидели бы богатых шатров, сооруженных из добычи, у нас похищенной.

* Быть может, что Жулат сохранился и в первобытном своем виде, но только исполнение магометанских обрядов в древнем капище заставило думать, что он перестроен; вообще же его называют ***Татартуп.*** (Прим. автора.)

Много было работы арбам нашим, поставленным для хоронения мертвых, они неутомимо переходили поля, как будто в день богатой жатвы.

. Шалох в постыдном плену, как худой конь, опутан недоуздком; косого Жанбека посадили на кривую шею (т. е. на верблюда).

С первых ударов Свиткул жестоко ранен в локоть, а Ляхуюр лишился руки и тем кончился поединок; в то же время Казибеков отбил себе дивного коня, рыжей масти, со звездочкой на-лбу.

Татарин Ахкаш, узнав о начатой битве, прилетел к своим с быстротой птицы и ободрил в бою войско, готовое отступить, и подобно орлу бросилсу вперед.

Из султанбекского лука он много поразил противников, и приятен ему звук оружия, и не хочет он покинуть поле битвы, хотя и крепко его ранил Битак Шарманоков.

Лишился Битак отличного своего гнедого коня; но он и Саралп даже пешие не уступают конным и вместе вторглись в укрепления неприятельские

Сел Саралп на осетинского.коня и в крови врагов обмыл саблю свою, а Химам Етлухов возвращается с битвы лишь с обломками копья.

Озармосу Ячаноко покровительствует Ауси-Герге (Иисус Христос). Левая рука силою равняется удару молнии и от размаха шашки не устоит ни один богатырь. Усталый конь его уже лежа щиплет траву.

А брат его Темаркан на белом коне останавли" вает бегущих, угрожая им постыдным колпаком: сам же в битве из толпы врагов выхватывает лучших всадников и перебрасывает к своим.

Двинулось многочисленное кинтово (Чингисхана) войско на Тотластоковы аулы, оставив вправо Татартуп (Жулат на Тереке). Да защитит нас Ауси-Герге в день жестокой битвы.

Доблестные герой наши стояли твердо с кистенями, а стрельцы наши, спешившись, врезались в середину полчищ неприятельских.

Лишились мы прежнего могущества и богатства; при князе Корошае Тотлостанове свободно

кочевали с стадами нашими в степях Сотея, а теперь нас теснят все ближе и ближе к чужим.

Весело было смотреть на Тотлостанова, разгуливающего на коне боевом в степях безграничных; а теперь степями нашими ногаец Киламат ведет на нас войско татарское.

И въехал к нам запросто князь Корошай и оставил он в сражении серого коня своего; он натянул лук свой наподобие колеса, из которого пущенные стрелы пронзали до самых перьев.

А раны крепкие ему нипочем, стрела пробила спину, а он не покидает битвы и убил еще таматараканского князя.

Выехал наш Алхусар Сатчасоков и спрашивает: «Где богатырь Санткул?» — и явился к нему желанный противник и оба готовы сразиться».

ГЛАВА IX

Движение крымского хана с турецким войском в Кабарду. Альбек Тамбиев. Сражение на Подкумке и Баксане. Подать с кабардинцев. Хан. оставляет на Баксане пашу. Холоп Машуко н взятие его сестры. Убиение Машуко. Заурбек. Он убивает пашу и спасается бегством за Кубань. Участь Заурбека. Князь Кургоко Хатожуков и поступок с ним паши. Истребление кабардинцами крымцев. Султанское войско, движение его с крымским ханом к пределам закубанским и завладение тамошними землями. Хаджикале.

Крымский хан, известись, что между умножившимися кабардинскими князьями, живущими в беспрестанных раздорах, нет ни одного князя, достойного управлять кабардинцами, послал донесение о том турецкому султану, и султан прислал ему войско. Хан, присоединив к нему и свое собственное, отправился для покорения Кабарды. Войска эти неожиданно прибыли к границам кабардинцев. Последние, услышав *о* нечаянном нападении неприятеля, собрали несколько тысяч воинов и ожидали приближения его на левом берегу реки Баксана, послав передовой отряд под начальством Альбек Тамбиева для разузнания положения и числа неприятеля. Альбек прибыл к р. Подкумку, остановился и дал знать пятигорским и живущим на Куме кабардинцам о наступлении неприятеля, посоветовав им при этом скрыться в густоте лесов.

•После того Альбек ожидал неприятеля на правой стороне Подкумка и часто выезжал на курган проведать, скоро ли прибудет ханское войско. Между тем крымцы расположились для отдыха в пустых жилищах на Куме, истребляя все огнем, и, пробыв там три дня»

двинулись вперед: Альбек, узнав обо всем подробно, возвратился к кабардинцам, которые, получив от него нужные сведения, немедленно вышли к ним навстречу. Между тем крымцы уже подошли к Подкумку, где и встретились с ними. В происшедшей битве кабардинцы были сбиты превосходством неприятеля и отступили к Баксану; там вновь завязался жестокий бой, в котором много кабардинцев пало, а остальные покорились. Хан принуждал их принять магометанскую веру, умертвил древних шогенов, палки их разбросал, а книги истребил огнем; некоторые из шогенов скрылись в горах с книгами, где докончили жизнь в пещерах. Оставшиеся после них книги найдены полуистлевшими. Войско свое хан расположил по квартирам, в каждый дом по четыре человека, велел кормить и поить их и лошадей, в каждом ауле поставил по одному мулле для обучения народа исламу и взял несколько княжеских детей к себе в аманаты. Сверх того для утверждения своей власти он наложил подать по одной душе с каждого аула, что в год составляло 120 человек. Старики говорят, что крымский хан жил в Кабарде до тех пор, пока собрал подать и затем, оставив на Баксане пашу с войском *, сам уехал [1Л1],

На возвратном пути он остановился для наложения дани на пятигорских народов и обращения их в магометанство. Но холоп Машуко уговорил других холопов не давать крымскому хану дани, за что их и начали притеснять. Между тем Машуко, собравши несколько приверженцев, бежал от притеснителей и скрылся в горы; их отыскали, и "когда никакими мерами не могли привесть в повиновение, то разгневанный хан приказал забрать их жен и детей; но потом, по совету узденей, взял с каждого аула по одной душе и в том числе родную сестру зачинщика Машука, которая при этом произнесла: ***мигазешидльме тлечауше жемуко камамиши жуе скрагатемь,*** **т. е. «и семь-братьев гор проливали кровь, а мне с Машуком не удалось проститься», и затем продолжала:** ***амадлешибль бир-алик изагомь пулс-***

* Против пятигорских кабардинцев воевал в 1703 г. при султане Ахмете III (1702—1730) Каплан-Гирей, который понес совершенное поражение от кабардинцев. (См. ОезсЫсМе ёез Озташзсheп КекЬез, е!с, т. IV, стр. 93 и 94). К этому же времени приблизительно, должно полагать, относятся как вышеприведенные, так и ниже сего рассказанные события.

тоно зегазе Машукозаго згабсаун Крымсоком[51] т. е. «от тех мест, где братья семь-гор и Кума протоком бежит и один бир-алек * одному Машуко дай бог здоровья, я уже отправилась в Крым»**.

Бежавшие холопы, скрывавшиеся несколько месяцев в горах, помирились с своими хозяевами, но Машуко ни за что не соглашался на это. Он знал, что сестру его отдали крымскому хану, не хотел им простить этого, жег ночью дома, воровал пищу и одежду, нанося им всевозможный вред. Он ездил за грабежом всегда по одной и той же тропинке и раз, выехавши из лесу, был убит скрытыми для этого в засаде людьми. С тех пор и доныне гора, на которой он скрывался, называется *Машуко****, а тропинка —*Абрек Чекео*[52], т. е. «тропинка беглецов».

Уже несколько лет крымское войско находилось в Кабарде, собирая ежегодно вышеозначенную подать; некоторые приняли ислам, тогда как другие, боясь притеснения турок, тайно исповедовали свою веру, что и продолжалось несколько лет. Старики говорят, что Крымское войско стояло в Кабарде семь лет, некоторые утверждают, что вдвое. Наконец возмужали кабардинские князья; старшинство между ними принадлежало князю Кургоко Хатожукову, распоряжавшемуся всеми делами народа. Между тем пронесся слух, что крымский паша, стоявший с войском в бесленеевских владениях, по подозрению в связях с женой князя Заурбека этим последним был убит и что Заурбек, боясь преследования, бежал за Кубань. Слух об этом дошел до крымского хана, и он прислал войско, с повелением принудить бесленеевцев выдать Заурбека, в случае же сопротивления — всех их истребить. Необходимость застави-

[51] *«1уащхьибл — зэшиблми лъы нэпе щЫгъэжу, Мэшыкъуэр сымылъагъужу сыдаш». «1уащхьибл-зэшиблу Гум щежэх щ1ып1эщ Биралъкъ 1уащхьэм щизакъуэщ Мэшыкъуэ закъуэр зыгъэпсэу, сэ Къърымым сок1уэ».*

* ***Бир-алек*** (на татарском языке «одна область»), вероятно, так называли гору, которая до сих пор называется у черкес ***Биролк,*** а у русских «Лысая гора». (Прим. автора.)

** Само собою разумеется, что нельзя отвечать за бессвязность и нередко даже за бессмыслицу, встречающуюся в ***буквальном*** переводе песен, пословиц и изречений, приводимых в этой статье; тем более, что перевод сделан самим автором — природным кабаре динцем.

*** Машук, правильнее Машука, известная гора близ Пятигорска.

[52] ***«Абрэдж лъагъуэ».***

ла бесленеевцев отыскать Заурбека. Они послали к нему аталыка его, и тот посредством ложных обещаний прощения и примирения с ханом уговорил Заурбека возвратиться. Одни говорят, что Заурбек был повешен; другие же, что он был взят к хану. С этого времени кабардинцы начали переносить самые жестокие притеснения от крымцев[53].

Года два или три спустя случилось, что живший в Большой Кабарде с войском крымский паша, сидя на траве и куря трубку, беседовал с своими приближенными, в числе коих был и князь Кургоко Хатожуков. Обращение его с последним было до того дерзко, что, выкуривши трубку, он стал ее выбивать об голову князя Кургоко. Поступок этот сильно огорчил князя, однако же он не подал паше ни малейшего вида неудовольствия; но, простившись с ним, он в тот же день собрал многих князей и почетных узденей и, рассказав им о случившемся, объявил им свое намерение: в следующую ночь умертвить всех турок и крымцев, где бы они ни находились. Не исполнившим сего повеления назначен был значительный штраф и сверх того в знак трусости черный шерстяной колпак. Все единодушно согласичись на предложение Кургоко и в следующую же ночь привели его в исполнение, причем ни одного неприятеля не осталось в живых.

На следующий год посланные крымским ханом для собрания податей, узнав на половине пути об этом происшествии, поспешили возвращением для донесения о том хану. Разгневанный хан, в свою очередь, уведомил султана, который спустя два или три года прислал хану многочисленное войско под начальством Ллегот-паши (?), к которому присоединивши свое войско со многими муллами, эфендиями, хаджи и с припасами, отправился на поражение- кабардинцев, строя при этом в некоторых местах мечети и крепости.

Достигнув Черным морем земли закубанцев, он успел многих обратить к исламу и основать в их земле крепость и мечеть, назвав ее *Хаджи-кале.* Развалины этой крепости сохранились и до настоящего времени; место это называется *Хаджи-тагой,* или «длина хаджи».

[53] В лен. рук. после слов «от крымцев» следует предложение: «Крымцы обращались с ними самым неучтивым и дерзким образом, брали все самоуправно, словом сказать, дошли до такой степени, что не было возможности переносить оскорбление». — ***Ред.***

ГЛАВА X

Нашествие крымского хана на Кабарду. Бугор «Кинжал*. Лазутчик Халелий. Поражение крымцев, Алеготова скала. Новое нашествие хана и вторичное поражение его на р. Гунделене. Эпидемия. Бегство князя Алегико Шогенова в Дагестан и вражда его с князьями Большой Кабарды. Панцирь Адешема Маната. Алегико просит у крымского хана войско. Он разоряет Малую Кабарду. Смерть Алегико. Песня. Сыновья Алегико. Князь Мудораф Толостанов. Истребление князей Шогеноковых и узденей Кодзь. Сыновья Кургоко, Бекмурза и Кайтуко. Несогласия за право владения продолжаются. Смерть Кайтуко и Бекмурзы и их сыновья. Князья Асламбек и Хатожуко. Осетины, ингуши и др. обложены податью. Путешествие Темрюка в Мекку. Адиль-Гирей. Поездка Девлет-Гирея Бекмурзина в Астрахань. Князь Хайдемирхан. Трактат России с Портою. Разбитие кабардинцев русскими на Куме и на Малке. Посольство Жанхота Мисостова и Кургоко Татарханова в Петербург. Адиль-Гирей Хатожукин вводит между кабардинцами шариат. . Кабардинцы отправляют к императору Александру I депутацию с просьбой о подтверждении прав, дарованных им Екатериной II. Грамота 12 января 1812 года.

По прошествии некоторого времени крымский хан с войском подступил к границам кабардинским. Предупрежденные еще во время прибытия хана за Кубань, кабардинцы все свое имущество, жен и детей отправили в горы и сами ожидали приближения неприятеля в ущелье *Урда.* Хан, узнав об этом, изменил путь и расположился лагерем на бугре *Кинжала* *.

* Есть гора ***Кинжал:*** она находится в верховьях Малки, с .правой ее стороны, неподалеку от бывшего укрепления ***Хасаут.***

В тот же день пришел в кабардинский стан *Халелий*, лазутчик из татар, живший прежде у князя Кургоко. Он уведомил князя подробно о намерении хана, упомяну* при этом, что если кабардинцы в следующую же ночь не нападут на крымцев, то в другую или третью ночь на них самих непременно будет сделано нападение. Кургоко тотчас же велел собрать около 300 ослов и к каждому привязать по две вязанки сена. Наступила ночь,, он отправился на неприятеля и, приблизившись к нему,, велел у всех ослов зажечь сено и гнать их на неприятельский лагерь, с несколькими выстрелами. Ослы ужасным криком своим до того перепугали неприятеля^ что он в беспамятстве и смятении стал рубить друг друга; с рассветом же стремительно бросились на них кабардинцы и совершенно их разбидк," взяв много пленных и большую добычу. Толстый пап^а *Алегот* в бегстве упал со скалы, на половине которой, зацепившись за, дерево, повис и кончил жизнь в таком- положении. Места это называется теперь *Алегот гум и Шухупа*[54], т. е„ «Алеготова скала». В этом сражении убито было несколько крымских ханов. Прогнавщи остальных крым;-цев к Куме, кабардинцы возвратились в свои преде--лы [П И].

Остальное неприятельское войско отступило к *Хад^жи~кале.* Уведомленный обо всем этом, султан снова прислал войско, к которому присоединились много татар и некоторые закубанские изменники, и все это полчище вторично пошло на кабардинцев, ожидавших, неприятеля на реке Гунделене. В происшедшем кровопролитии крымцы были опрокинуты,, и кабардинцы цеперeставали их преследовать до Кубанц, а оттуда возвратились восвояси. Между тем изнуренный неприятель расположился лагерем в долине *Лгаджимагай,* не имея с кабардинцами более никакого дела. Распространившаяся через несколько лет заразительная болезнь многих из них истребила и только незначительная часть возвратилась в отечество. С тех пор прекратились и все делавшиеся кабардинцам, притеснения.

[54] *«Алэгъуэт гъум и щыхуп1э».* Кабардино-крымское сражение,, о котором пишет Ногмов, произошло в. 1707 г. Хан Каплан-Гирей едва спасся. -~ *Ред..*

* * *

Через несколько лет князь *Алегико Шогеноков,* продолжавший жить с князьями Тотлостановыми и народом в беспрестанном несогласии, наконец бежал в Дагестан, а оттуда к калмыкам; скитаясь и между другими племенами, он часто приводил в Малую Кабарду войско, собранное из разных племен, не переставая разорять жителей, но вынужденный, наконец, помириться, обходился с кабардинцами весьма дерзко и ненавидел своих братьев. Привязавши к себе народ, он сделался врагом князей Большой Кабарды. Это произошло следующим образом: один табунщик, по имени *Адешем,* стоя на кургане, хотел убить змею, вползшую в ямочку; от скуки он начал рыть землю, но, не докопавшись до змеи, вырыл блестящий и богатейший панцирь с золотыми гвоздиками. Надевши его на себя, он пошел к хозяину своему Тузарову. По дороге он зашел к жившему на половине пути узденю Коготлуко, у которого был пир. Коготлуко, увидав на нем панцирь, напоил его и подменил панцирь, надевши на Адешема другой, простой. Адешем, возвратившись домой, хотел отдать хозяину своему панцирь, но, к сожалению, увидел, что на нем надет совсем не тот, который он выкопал. Между тем хозяин, узнав обо всем этом, решился возвратить себе дорогой панцирь, а через два или три года всем стало известно, что найденный Адешемом панцирь был подменен узденем Коготлуком. Корыстолюбивые князья, каждый про себя, старились достать себе этот панцирь, более же всех желал* владеть им князь Шогеноков. Между тем Коготлуко, видя все эти беспокойства и несогласия, возвратил панцирь его настоящему хозяину, но Алегико во что бы то ни стало решился приобрести его себе.

Рассерженный несогласием Тузарова, он вознамерился отнять дорогую вещь силой. Три раза он нападал и, истребив всю фамилию Тузаровых, исключая жен и детей, не успел, однако же, овладеть панцирем. Одна из жен, по имени Маната, надела его на себя и явилась к родственникам своим в Большую Кабарду. Алегико же отправился в Крым просить у хана войско для разорения кабардинцев; хан отказал в этом, но подарил ему богатый панцирь, велев, впрочем, ногайцам оказать ему, в случае надобности, помощь. На обратном пути Але-

гико собрал несколько татар и разорил часть Малой Кабарды. Кабардинцы за это вступили с ним в бой, и Алегико, получив две раны, наконец помирился и вскоре умер. После него сложена следующая песня:

> **«Между двумя кабардинскими князьями произошло несогласие и от княжеских споров узденя беспокоют»,— и проч.**

Алегико оставил четырех сыновей: ***Генко, Тембота, Темстлостана*** **и** ***Карекане,*** **а власть осталась за князем Мударафа Тотлостановым. Возмужавшие сыновья Алегико наследовали характер отца; они беспрестанно враждовали между собой и с прочими князьями, следствием чего были братоубийства. Наконец, князь Мударафа, желая прекратить все несогласия, уговорил князей Большой Кабарды истребить фамилию князей Шогеноковых, т. е. сыновей князя Алегико, с условием разделить между собой их имущество. Князья согласились, и Шогеноковы были истреблены, некоторые тайно, а другие явно, так что поколение Шогеноковых прекратилось и ныне уже не существует. Два года позже того истреблены были все уздени Кодз, и. могила их названа** ***Кодзыкха.*** **Нынешние кабардинские князья ведут свой род от поколения** ***Кодзы,*** **а малокабардинские от** ***Тотлостана.***

Кургоко оставил двух сыновей: ***Мугамета*** **и** ***Тша;*** **старшинство же перешло к Бекмурзе иКайтуку. Однако же несогласия за право владеть между ними не прекращалось, и народ, во избежание новых кровопролитий, разделил оставшееся после отца их наследство на две равные части, а князья выделили им несколько из своих владений; к тому прибавили имение Шогеноковых, и с того времени они начали владеть порознь,, каждый своей частью. Бекмурза, ненавидя Кайтука без всякой причины, через несколько лет отправился к крымскому хану с намерением испросить войско для покорения Кайтуки, будто бы в отмщение за обиду. Он пробыл там более трех лет; хан обещал свою помощь, но Кайтуко тем временем умер, оставив трех сыновей:** ***Асламбека, Аламета*** **и** ***Жамболата.*** **Бекмурза, возвратившись с подарками на родину, владел несколько времени и наконец тоже скончался, оставив шесть сыновей:** ***Татархана, Темболата, Кайсыра, Патаго, Ельмурза*** **и** ***Безруко*** **[1ЛУ].**

После Бекмурзы владели князья *Асламбек* и *Хатожуко.* Оба князя жили в согласии и всегда старались о благосостоянии народа, который в свою очередь любил их. Асламбек всегда руководствовался советами узденя *Жебока*[55] [ЬУ] *Казанокова,* человека благоразумного, Обрйды и отцовские постановления были утверждены, и кабардинцы приобрели уважение всех соседей. Асламбек принудил к подати осетин, ингушей и проч., находившихся в повиновении. После Асламбека управлял народом один Хатажуко Мисостов; он покорил абазинцев и карачаевцев *. Часть народа была магометанской веры, которую приняла Хатожукина фамилия. Один из членов этого дома, Темрюко, путешествовал в Мекку для поклонения; брат же его Адиль-Гирей, обучавшийся арабскому и татарскому[56] языкам, стал обращать народ к исламу, поставил мулл и построил мечети.

Старики рассказывают, что во время похода императора Петра I в Дагестан князь Девлет-Гирей Бекмурзин[57] с некоторыми кабардинцами ездил в Астрахань и способствовал государю в его предприятиях, вскоре был назначен послом в Бухарию и там неизвестно по какому случаю убит [ЬУТ]. Говорят, бухарцы содрали с него кожу. Узденей же государь отпустил со многими дарами.

* * *

От князя Мударафа и второй жены его из низшего класса народа (говорят, что ногайского племени) родился князь Хайдемирхан. Достигнув совершеннолетия, он участвовал в похождениях Берслана, но потом, возвратившись, склонил на свою сторону много людей, с коими опустошал соседние племена и даже грабил своих кабардинцев. Такими поступками он вскоре стал всем известен, находился постоянно в бегах у иноплеменников, и. кабардинцы, опасаясь от него еще большего вреда, обманом успели вызвать его в Кабарду.

[55] Правильно — Жабаги. Мыслитель, поборник русско-кабардинской дружбы. Умер в 1750 г. — ***Ред.***

* Они занимают верховья р. Кубани, к западу от Эльбруса.

[56] В лен. рук.: «турецкому». — ***Ред.***

[57] Речь идет о сподвижнике Петра I Александре Бековиче-Черкасском. — ***Ред.***

Старшие кабардинские князья и уздени, др всег-. дашней преданности предков их к российскому престолу, ни за что не желали препятствовать намерениям России ирк заселении Линии, но даже хотели способствовать всем ее предприятиям. Между тем большинство князей, по заключении последнего между Россией и Портой в 1739 году трактата, по которому условлено было оставить кабардинцев свободными *, молодые князья, узнав, что всякое предприятие противу них зависит от взаимного примирения обеих держав, предположили, что русские при заселении Линии стеснят их вольность и свободу, и начали оказывать сопротивление посланным императрицей Екатериной II войскам; но после двух потерянных сражений на Куме и на Малке они убедились, что всякое сопротивление будет тщетно, а потому покорились и признали над собой власть России.

Вскоре после того кабардинцы, для выражения подданнических чувств, отправили в Петербург к императрице князей Жанхота Мисостова и Кургоко Татарханова, с просьбой об уничтожении Моздока и возвращении бежавших туда от кабардинских владельцев холопов, а также о свободном владении своими землями. На этот конец Екатерина II пожалованной грамотой 17 августа 1771 года даровала кабардинскому народу многие преимущества.

* * *

Вышеупомянутый Адиль-Гирей Хатожукин с эфендием Исхаком Абуковым ввел между кабардинским народом шариат, по которому преступники, все без изъятия, по степени важности преступления, подвергались смертной казни и телесному наказанию. Наказания эти определялись: за воровство не более рубля серебром — лишение левой руки; свыше рубля до 100 руб. ассигнациями — отрубление правой руки и левой ноги; за развратное поведение — с/мертная казнь. Убийцы предавались также смертной казни. Все претензии, касающиеся до имущества и личных прав каждого, разбирались шариатом, а дела между князьями и узденей с холопами решались по обычаям. Установление это^о положения принесло большую пользу народу; каждый боялся совершить что-либо противозаконное.

* См. приложение № 2.

ПРИЛОЖЕНИЯ*

№ 1.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ О СОСЛОВИЯХ В КАБАРДЕ

Кабардинские князья, уздени и холопы издревле имели свой народный обычай, служивший для них законом.

Кабардинские князья произошли от Инала и сыновей его, между коими в последствии совершен был фамильный раздел.

Народ кабардинский разделен на следующие касты, по званиям своим:

1) Узденья: ***Тамбиевы, Куденетовы, Анзоровы, Коголковы*** и ***Нардоковы*** сыновья: по-кабардински именуются ***тлохотлеш*** или высокостепенные.

2) Степенные узденья, т. е. личные княжеские уздени, называемые ***пшекау.***

3) Узденские узденья орх ***шалтухуса,*** старшие по званию княжеских узденей.

4) ***Чагары,*** состоящие под покровительством князей, то есть вроде холопов.

5) ***Чагары узденей,*** коим положено иметь их.

6) Всякого рода холопы, или- ***холопы-рабы, невольники*** как княжеские, так и узденские, живущие у своих господ.

7) ***Отпущенники*** княжеские и узденские по выкупу или в награду.

Народ кабардинский разделен от Иналовых детей на четыре фамилии:

1-й) Бек-Мурзина
2-й) Кайтукина
3-й) Мисостова
4-й) Атажукина.

•Приложения № 1—3 Ш. Б. Ногмова. ***Ред.***

1.

Степенные узденья, где бы ни находились, по первому извещению князя должны явиться к нему и находиться при нем, сколько заблагорассудится князю.

2.

Когда князь отъезжает в Персию, Россию, Турцию и пр., при нем находиться должен один первостепенный уздень, занимающий почетное место, хотя бы были тут люди старше его летами; он кушает с князем и получает более прочих подарки. Другие же узденья при князе равны в правах своих и получают награды по заслугам.

3.

Узденья пшекау, то есть княжеские, исполняют все приказания князя (они не вроде холопов, но и не равняются узденям); они находятся безотлучно при князе и исправляют его домашнюю работу, смотрят за порядком в его доме и охраняют его, а князь защищает их от всяческих несправедливых обид, по обычаю вступаясь за них, наказывает виновных, народ же терпеливо сносит присуждаемые от князя наказания и не может ничему противиться, ибо не разбирает, право или не право поступает князь,— на то есть его воля.

4.

Если с кем-либо уздень пшекау будет ссориться и в ссоре убьет противника, то князь вступается за это, и в случае, если убийца не удовлетворит родственников убитого по обычаям, князь ищет мщения кровь за кровь убийством, сверх этого взыскивает с виновного за одного убитого три семьи, в каждой по девяти душ, из коих отдает два семейства ближним родственникам убитого, а третье берет себе. В случае же, если у убийцы нет девяти душ, все семейство и имущество его подвергается ограблению и продается по разным местам.

5.

Чагары княжеские должны из каждого дома всякий день являться верхом на собственной лошади и с оружием к князю для услуг и исполнять все приказания его; если кто из чагаров будет

убит в ссорах, за него взыскивается тоже девять душ в пользу родственников убитого; но князь из того ничем не пользуется.

в.

Все узденя добровольно, непринужденно служат князьям и получают за' это достаточную награду: из оружия, лошадей, скота, холопов, смотря по усердию каждого.

7.

При переселении князей на другое место, узденя, им принадлежащие, следуют за ними и живут не в дальнем расстоянии от аулов; если, впрочем, переселение будет внутри Кабарды; а когда князья пойдут в другие места, за Кубань и далее, то узденя даже против воли своей остаются в Кабарде; ибо народ удерживает их от переселения; один только князь имеет полную свободу выходить беспрепятственно из Кабарды, куда пожелает. Равномерно, если уздень будет обижен князем или не получит назначенных подарков, то вправе от князя переселиться на другое место.

С узденя, чагара и холопа, если окажут неуважение к своему князю или что-либо у него украдут, взыскиваются штрафы.

Если кто-либо украдет у князя из дома лошадь и в этом изобличен будет, то виновный с возвращением украденного платит князю особо в штраф восемь лошадей своих, одну холопку или холопа из лучших. Таким же порядком с того, кто учинит кражу лошадей из княжеского табуна, взыскивается за каждую лошадь по 8-ми, а 9-я украденная, и по холопу на лошадь или по лучшей холопке; сколько бы ни было лошадей украдено, за все платится в этом же размере.

8.

Если кто в проезд к какому-либо князю из других мест, недоезжая до него, будет ограблен в дороге и.воры' будут узнаны, то взыскивается с них за бесчестие за каждую лошадь по 8 лошадей и холоп за ограбление едущего к князю.

9.

Хорошую охотничью собаку князь вправе взять у всякого из подвластных, а при неотдаче ее по требованию его, взыскивается с противящегося в штраф пара быков. Впрочем, и сам князь по получении собаки вознаграждает за нее хозяина, смотря по достоинству ее и своей воле.

10.

Таким же порядком поступают, если князь пожелает взять у кого барсучьи чехлы.

11.

Если князь по каким-либо- причинам захочет у узденей и чагаров взять баранту, а уздень или чагар' в этом воспротивится или баранту по дороге отнимет у князя назад, за это платит в штраф князю одну хорошую холопку и пару волов, а в баранте делается народное разбирательство, и если окажется, что князь неправильно оную взял, то отбирается и отдается по принадлежности хозяину; но последний и при правоте его от платежа сказанного штрафа за неповиновение князю не избавляется.

12.

Для собственного и двора своего продовольствия князь имеет право брать у своих подданных и узденей баранов у кого только есть, не разбирая, им или посторонним принадлежит скот, с каждого дома в год по одному барану и ягненку, с тех кошей, которые принадлежат узденям князя и подвластным их.

13.

Узденя, чагары и прочие вольные люди, если терпят от своего князя какую обиду, то жалобщик имеет право тайно уйти от своего узденя к князю, к какому хочет, и просить разбирательства, которое князь делает и по окончании приказывает господину, если жалоба на него справедлива, чтобы он обходился лучше, между' тем просителя обращает по-прежнему к его господину. Это иногда повторяет несколько раз, в случае продолжения притеснения.

14.

Когда князю нужны лошади для своих товарищей, не имеющих таковых, он может из табуна узденей, чьих бы ни было, взять лошадей и ездить на них, а потом обращать их по-прежнему в табун. В случае из них какая от изнурения падет, князь за нее платит хозяину такую же лошадь.

15

Если кабардинцы, при разъездах. партиями для розысков и наказания за какие-либо шалости или грабежи других племеи горских, разобьют их и возьмут у них добычу людьми, скотом и прочим, то старшему князю, хотя бы он не был в партии, дают из лучших пленных одного человека, а когда людей в добычу не достанется, то выдают князю скотом и прочим, по стоимости человека; остальную добычу делят по частям участвовавшие в партии между собой.

16.

Если два человека, какие бы ни были, подерутся при лице князя на улице, на дворе или в доме, то зачинщик драки платит в штраф князю одну холопку за несоблюдение благопристойности к князю.

17.

Если кто со служанкой князя будет иметь прелюбодеяние и в этом изобличится, платит князю в штраф холопку хорошую.

18.

Полученные во время бытности князя в чужих краях за Кубанью или в другом месте подарки узденя его делят постепенно, кому что следует.

19.

Из полученного князем за дочь, при выдаче ее в замужество, калыма дается часть его узденям и разделяется постепенно, кому что следует.

20.

Когда князь женится, то в калыме за невесту помогают ему платить его узденя, смотря по состоянию каждого

21.

В калым за дочь свою князь берет: 1) лучший панцирь, стоящий двух крестьянок; 2) другой панцирь попроще, стоящий одной холопки; 3 налокотники, стоящие одной крестьянки; 4) еще налокотники и шишак, стоящие одной крестьянки; 5) саблю, стоящую

служанки; 5) саблю попроще; 7) пять лошадей, из коих первая стоила бы непременно одной служанки, а прочие похуже и без цены, но только на выбор; но если прописанных вещей и лошадей не сыщет, то платят служанками.

ч

22.

Когда князь умрет и останутся долги на нем кому бы то ни было и он их при жизни не заплатил, долги те остаются без платежа и наследники за них не ответствуют.

23.

Когда князь находится у карабулаков, назранов, ингуш или у тагаурцев и он кого-либо пошлет по какому делу, а посланного ранят и не послушают, за это виновные платят князю Г5 штук лошадей, саблями, ружьями, шашками, пистолетами, так, чтобы каждая штука стоила непременно одной крестьянки.

Князья не имеют права, по обычаю народа, обижать узденей без причины.

24. -

Князья женятся на княжеских дочерях, а узденя на узденских дочерях, вольные на вольных, холопы на холопках, чагары у чагаров берут; по желанию же родителей и холоп может брать у вольного, а чагары у холопов.

25.

Холопы исполняют в полной мере все приказания господ и работают безоговорочно, что ни прикажут.

26.

Чагары платят годовую подать господину своему и работают по нижеследующему положению в народе:

1) когда чагар будет иметь в пашне две пары волов, тогда обязан в год своему господину отдать три арбы обмолоченного проса, а при неурожае и недостатке ничего не давать; а кто будет пахать одной парой, то на том же основании дать господину одну арбу тоже при урожае и достатке, а когда три пары будет в пашне — дать четыре арбы проса

2) Каждый дом крестьянский ежегодно засевает землю йа* один тулук (т. е. вешок в 5 мер) просяными зернами господину

и потом отдает ему все готовое; при работе продовольственные припасы в достаточном количестве выдаются от господина, а при неимении таковых в прочее время у господина, крестьяне обязаны сами себя продовольствовать.

3) В сенокосное время чагары обязаны работать для господина так: три дня косить и два дня убирать скошенное и в стога класть с помощью крестьян, которые и сено возят совместно с первыми в кутаны или дома, в том самом количестве, какое каждым из них накошено. Из этого исключаются чагары, которые в **Первый** раз косят, по их малолетству, баранщики, табунщики, муллы и крестьяне, имеющие своих холопов. В случае же, когда •господин не захочет косить по каким-либо причинам или не даст & прокормлению рабочим провизиии, тогда крестьяне, за свободное **От** покоса время, обязаны дать ему с каждого двора по 7 ароб готового сена.

4) В отношении дров крестьяне должны давать господам в год **по** осьми ароб **с** двора, если, впрочем, представляется возможность возить их по местоположению из гор; если же в том **будет** препятствие, то взамен дров каждый дом обязан доставить 15 толстых брусьев, годных к строению и возить их зимой волоком волами.

5) Как прежде было позволение кабардинцам ездить на Линию **за** солью, то всякий, кто поедет из крестьян на собственных **своих быках** или конных арбах, обязан был выдать господом по сапетке **соли с** быка или конной арбы; а кто таковых не имеет и поедет **на** выпрошенных у кого-либо быках или лошадях, те ничего **не** дают.

6) Кто будет делать железо, то из сделанного отдает господину в год с двора по одной полосе.

7) В случае понадобится князю дом большой с кухней, а •снохе — малый, обязаны безоговорочно строить крестьяне, мазать женщины их, глину же возить и делать — дворовые люди.

8) Огородные плетни делают крестьяне обще с дворовыми людьми; чистка сада от травы производится женщинами крестьянскими, по одной из дома, в лето один раз.

9) Плетни около всего дома, где нужно, должны делать крестьяне без дворовых холопов; также колья и хворост возить на крестьянской скотине.

10) Кто из крестьян имеет девок-дочерей, при выдаче **Их** замуж, отдает из получаемого за нее калыма господам с каждой девки по три скотины посредственных, без выбора лучших, господа же обязаны при выдаче девки замуж сделать **для** нее шелковый кафтан, а когда **оного** не даст, то и **им** не давать ни одной скотины, поступающей собственно за кафтан.

11) В бывающие в году два праздника — рамазан и курбан — делать для господ бузу из крестьянского проса; посуда господская.

12) Кто из крестьян будет иметь пчел, тот сначала три года господам ничего не дает, а по прошествии трех лет, если от одного улья составится только три, все они отдаются господам, а если в хороший год будет более трех сапеток, то все остаются в пользу водившего. Когда же нехороший год для пчел и мало роев, то отдать господам только одну матку или два улья, как случится.

13) Если несколько братьев-крестьян, живших совместно, пожелают разделиться, обязаны давать господам по 40 баранов с ягнятами. Это установлено для того, чтобы не делить врознь,, но жили вместе, а кто баранов не имеет, тот и делиться не вправе.

14) Если, прибудет к господам в дом из женского пола гостья,, состоящую при ней прислугу и волов кормят крестьяне.

15) Когда кого из крестьян чагары или другие люди убьют по мщению или другому чему, по азиатскому обычаю, платить за убитого двух человек, из которых один берется семьей убитого, а другой господином последнего.

16) По взятии кого из крестьян где-либо в плен, выручает выкупом из оного семейства пленного, пополам с господами.

17) Крестьяне должны давать для господ в их поездку лошадей, кто имеет, в то только время, когда они праздны, а когда нужны куда в поездке или по другим надобностям самому хозяину, то оных могут не дать и господа не вправе насильно брать оных у крестьян; когда же из взятых лошадей будет украдена, загнана или от другого падет, в таком случае господа за то производят крестьянину плату.

18) Кто из крестьян зарежет рогатую скотину собственную, а не подаренную, тот обязан, сваривши, переднюю лопатку принесть господам.

19) Во время рамазана, то есть поста, всякий крестьянин с двора должен в одну ночь кушанье и питье принесть господину приличное состоянию его, но не свыше достатка крестьянина.

20) Кто из крестьян имеет баранов, обязан дать господину однажды в год, когда бывает заготовление, копченой баранины, в декабре месяце, с двора по лопатке оной.

21) После уборки хлеба крестьянами и возвращения с работы, каждый крестьянин должен дать господину с двора по кубышке бузы и по одному большому просяному чуреку.

22) При всяком делании бузы, много или мало, крестьянин обязан отнесть один кувшин своему господину.

23) Если господин пожелает строить вновь дом или поправить, • крестьяне строят, а старое, бывшее у него строение от дома, годное и негодное, берут себе на надобности.

24) Когда господин поедет на поминки к родственнику, тогда арбы с волами должны давать крестьяне по очереди.

25) Если пожелает господин выбрать из крестьян табунщика, взять может, только дает по выбору лучшего жеребенка табунщику в год, из числа пасомых лошадей; одежда у табунщика своя, но исключается из подати с него одна арба проса, а когда зимою господин станет резать кобылу для пищи, то внутренность и шея вся табунщику отдается, только малое количество из внутренности берет себе господин.

26) По всем- прописанным статьям, кто окажется нарушителем, обязан заплатить за всякое невыполнение своему господину быка.

27) Кабардинские князья имеют в подданстве разных сословий горцев, а именно: карабулаков, назрановцев, ингуш, осетин и абазинцев, кои платят дань по нижеследующему порядку.

Ингуши, назраны и **карабулаки** ежегодно платят по очереди кабардинским князьям по рублю серебром с дома, и тот князь, который получит те деньги, должен весь год от обид их защищать и дает для того человека, который состоит на всем довольствии от них с • лошадью; притом ему дают несколько платья за охранение.

Тагаурские осетины на том же основании платят, как ингуши и назраны, до самой Дигории.

Дигорский народ, живущий на плоскости и в горах, платит с двора по барану, и также дается им для защиты от обид человек от князя, на всем мирском продовольствии.

С балкарцев никакой дани не получают, но только в случае кражи у кабардинцев лошадей платят штраф и наказываются за все проступки, наравне по правилам кабардинцев.

Дигорцы за воровство у кабардинских князей платят штрафы такие же, как и кабардинцы.

Чеченцы и **уруспиевские осетины** с давнего времени принадлежат Атажукинской фамилии, и никто в них не -вмешивается, а князь Атажукиной фамилии требует с них дань, сколько назначит, отчего они отнюдь отказаться не могут.

Хуламцы, безенги-осетипы, по очереди **в** год, **дают князьям** по барану **с** дома.

Карачаевцы-осетины между князьями не раздельные, в подданстве **с** самых давних **времен;** у кабардинцев они платят князю, •старшему **летами** в **Кабарде, ежегодно** 300 баранов от **всех,** а от

каждого дома особенно по сапетке пшеницы и по большому кувшину коровьего масла. Когда малолетний сын какого-либо князя 1 первый раз приедет к карачаевцам, как только начнет ездить на лошади, в то время всякий житель карачаевский из черного народа обязан ему дать, у кого есть табуны лошадей,— лошадь, если же оных не имеет,— корову, быка или барана, а старшины дарят ему хорошие ружья, шашки, пистолеты и прочие приборы, к убранству военному нужные. Всякий князь может посылать в Карачай и берет, что потребуется, лошадьми или коровами и прочим, что только нужно; если кто будет противиться, то посланный от князя заарестовывает у неповинующегося дом, так что если положит камень в дверях, то не только его снять никто не может, даже и перейти не смеет до тех пор, пока камня не прикажет сам князь снять; при этом люди, оставшиеся внутри покоя, не выходят во двор, находившиеся же на дворе не могут войти через камень в покой. Таким же порядком князь может положить камень и на пашни; в это время производящие пахоту не могут его переехать и если переедут, платят в штраф князю хорошей холопкой.

6 частей абазинцев принадлежат с давнего времени кабардинцам и разделены между их князямн следующим образом: племена Клычева, Кашава, Дударукова, фамилии Атажукиной; беселбаевцы, бибирдоевцы и половина Лоовых — Жанбулатовой . фамилии, а последняя половина Лоовых'— принадлежат Мисостовой фамилии и платят дань князьям тех фамилий наравне с ингушами, назрановцами и карабулаками и также поступается с ними в наказаниях и штрафах.

Народное, условие, сделанное 1807 года июля 10, после прекращения в ^абарде заразы, в отмену прежних обычаев:

1. Убавлен калым: при взятии в замужество княжеских дочерей платить за девицу 500 руб. серебром, на скот по Оценке или оружием, а если вдова—• калыму 300 рублей.

2. Узденям первостепенным платить калыму за девицу 350 руб., за вдову 200 руЬ., по оценке на скот, лошадей и вещами

3. Меньшие узденя за девицу —220 руб., за вдову—-150 руб. серебром.

4. Вольные, за девку—150 руб., за^ вдову—100 руб сереб

5. Княжеских, узденьских и вольных дочерей насильно «е брать, как прежде было, кто какую хорошую девку заметит, мог самовольно брать самым разбоем, за что происходили, кроме ссор,

убийства, и кто насильно взял чевку, тот только платил калым родственникам. Это отменено с тем, что без согласия родственников и без венчания муллы своего аула никто ни у кого девки взять не вправе, а кто в противность этому возьмет девку буйством, тот подвергнется штрафу 400 руб. серебром, а если посторонний мулла вмешается, штрафуется 30 руб. серебром.

6. Никто ни о каком деле не должен просить кадия скрытно: истец и ответчик обязаны просьбы своп и жалобы приносить оба, в чем только в состоянии разрешить их кадий; если же кто один будет у кадия просить объявления преждевременно, че.м может дело кончиться, то при дознании об этом проситель подвергается штрафу 20 руб. серебром; равно и каднй тому же штрафу подлежит, при допущении просителя вопреки этого правила; эти штрафы берет в пользу свою валий, т. е. главный князь.

7. По явке к кадию просителя и ответчика в каком-либо деле кадий приказывает в доказательство выставить свидетелей, которые должны представиться в течение 15 дней; по неявке их в этот срок отказывается просителю в просьбе; представление свидетелей по истечении 15 дней в уважение не принимается.

8. Когда прежде какое дело было решено шариатом, или третейским судом, или по согласию, в таких делах просьб не возобновлять и разбирательства не делать.

9. Если какие-либо дела' решены эфендием, недовольная сторона не вправе просить другого эфендия о перерешении, к чему он и приступить не смеет, равно не вмешиваются в дела кабардинцев посторонние эфендии из кумык и прочих, под опасением платежа в штраф 100 руб. серебром.

. 10. Прежде было в Кабарде две мехкемэ, то есть «суда»: один в Мисостовой и Атажукиной фамилиях, другой Бекмурзиной и Кайтукиной, и один другому не препятствовал в разбирательствах, а всякий судил свой народ, исключая просьб, по которым решалось дело по просьбе одного просителя, при неимении ответчика; это оставлено в своей силе, с добавлением, в случае принадлежности истца к одной мехкемэ, а ответчика к другой, дело разбирать по местонахождению ответчика.

•11. По решению шариата виновный обязан платой претендателю в назначенный срок, в противном случае долг этот взыскивается через продажу имущества и сверх этого берется с виновного 20 руб. серебром штрафа.

• 12. Кто имеет пчел, сеет просо, водит баранов и рогатый скот, тот обязан отделять ежегодно из меду и проса 10-ю часть, из баранов 40-ю, из рогатого, скота 30-ю, из товаров и из денег 40-е же части; которые по получении эфендии делят по частям: одну

себе, другую мулате, третью бедным, все по равной чисти, и, если нужно, то и сим валий требует народного пособия.

13. Запрещается кабардинцам брить бороды, курить трубку и разводить табак.

14. Если кто умер до учреждения этих правил и сделал по имению какое-либо завещание или распоряжение, а дети или род-, ствснники еще не выполнили, то обязаны выполнить.

15. Эфендиев и мулл, живущих в аулах, в случае обид, обязан во всем защищать главный эфендий,* в мехкемэ присутствующий.

16. Если мулла решит дело в ауле, то решение это считается равным решению в мехкемэ, и никто оному противиться и перерешать не может.

17. С бедных людей, живущих в аулах,, если о них будет свидетельствовать владелец и эфендий, положенных народом податей не требовать.

18. За свободных простых или вольноотпущенных девок платить калыму 160 руб. сер. и венчать по религии, с согласия родственников, самовольно же и тайно выходить замуж по-прежнему воспрещается. Самовольно вышедших в замужество девок народ предположил отобрать и с прижитыми детьми обратить к прежним их владельцам; но оставил это без исполнения, во избежание могшего воспоследовать через это разорения и самого буита.

19. Дела, решенные до учреждения мехкемэ, ни в каком случае не возобновлять.

20. Дела, оказавшиеся нерешенными с учреждения мехкемэ, разобрать для оказания обиженным удовлетворения, исключая дел черни, которые обязан решить без замедления один валий и депутат, а на будущее время всякое дело в народе решать по шариату, за исключением претензий князя с узденями, узденей с их крепостными, так как они, по желанию их, предоставлены разбирательству по древним обрядам.

21! Князь не имеет права требовать обратно подарки, ему данные с давних времен узденем, но последнему не воспрещается' добровольно возвратить.

22, Уздень не имеет права переселяться в друюе владение князя, и всякий уздень должен жить близ своего киязя* аулом, хотя бы и не вместе. •

23, Отпущенные князьями и узденями люди на волю не вправе отходить из их аулов в другие, а должны жить в оных **как** сами, так и происшедшие от них дети и проч.

24, Узденскнн уздень, после смерти своего узденя, по собственному желанию может остаться у родственников умершего узден**

или его князя, но в другое место и фамилию отойти не может.

2& Имение, оставшееся после умерших нераздельным, за 40 лет до мехкемэ, позволяется разделить, смотря по наследству, . кому что следует.

26. Прежнее самовластие князей в больших поборах с народа, штрафах, убийствах, бывших до учреждения мехкемэ, этим постановлением уничтожено, исключая сбора порции с народа скотом, который поступает в мехкемэ.

27. Мехкемэ есть суд, в кото'ром старший судья — вални, членами два или три князя, прочие ж члены из узденей очередующихся каждый на три месяца, всех вообще 12 членов, в том числе секретарь и кадий.

28. Если уздень по ссоре с князем ранит его лошадь по нечаянности, то обязан князя удовлетворить пятью душами крестьян, пятью лошадьми и пятью ружьями.

29. Когда уздень поссорится с своим чагаром и его убьет, обязан семейству убитого дать человека, или брата убитого отпустить на волю.

30. Когда уздень обидит в чем-либо чагара своего и он будет просить на него разбирательства в обиде, в то время обиженный чагар остается свободным от услуг, покуда кончится разбирательство, прочие же чагары ни малейшего ослушания господину не делают, а служат по обыкновенному порядку

31. Если холоп или чагар иметь будет подаренный от родственников скот, то князь или уздень из этого скота не вправе от него ничего брать; для открытия же подлога, в случае сомнения господина в действительности подаренной скотины, холоп или чагар к оправданию своего обязан указать пЬдарившего ему ту скотину родственника, который по вызове обязан в справедливости присягнуть; при невыполнении присяги скотина признается не за подаренную, а за собственную холопью, и господии вправе оную у чагара или холопа ртобрать.

32. Если чагар женится и калым заплатит собственно сам, бе* помощи его узденя, то он вправе при потере расположения к жене, согнать или отпустить ее; в этом ему препятствия не делать, исключая холопов, которые женятся с платежом калыма на счет господ; тогда холоп, хотя бы ему жена и не понравилась, то согнать -ее воли не имеет; холоп дочь свою выдает за другого холопа, но брать калыма за нее не может, а получает его господин.

33. Если чагар украдет что у узденя своего из скота, вора отдать для наказания в непосредственное распоряжение его господину, с отобранием скотины; если же у вора будут **братьи или**

другие родственники и пожелают выкупить его от господ, то платить за то 150 руб. серебром или по оценке из скотины.

34. Если холоп или чагар, не заносивший никакой жалобы на господина своего, князю, бежит за Кубань или в Чечню, а впоследствии пойман будет господином, то последний может его продать, кому х^чет, и родственники не имеют права вступаться за беглеца; но имуществом его пользуется господин тогда только, если у беглеца нет родственников, а когда таковые есть и жили с ними, то. имение остается у них.

35. Если чагар до того обеднеет, что не в состоянии господину своему уплатить положенной подати, то должен служить у господина во дворе наравне с холопами, скот же господин не вправе забирать, и когда он от своего скота получит прибыток и на оный купит себе жену, в то время господин не вправе иметь его дома, а отпускает с женою по-прежнему жить особо, и чагар платит господину годовую дань.

36. Когда господин поможет чагару в платеже калыма за жену, в то время чагар не вправе жену сослать или отпустить.

37. Если чагар в доме у господина исправится и в состоянии будет жить своим домом, то может к этому приступить и забрать свой скот, который привел к господину.

38. Уздень волен холопа обратить в чагара, дав ему на первый •раз к домашнему обзаведению пару волов, пару коров, котел и восемь тулупов.

39. Если уздень имеет в доме холопов и из них есть чагар, а прочие издревле холопы, но состоянием исправнее чагара, то по желанию их уздень не вправе сделать их чагарами, преимущественно настоящего, хотя бы он и беднее был холопов.

40. Чагар или холоп при женитьбе на какой-либо из служанок своего господина может ходить к ней только для ночлега, по жительству ее в доме, но к себе брать не вправе; ибо этого рода жена не считается законной; посему и происходящие от них дети принадлежат господину и как мать, так и чагар не вправе называть их сыном или дочерью, а сии именовать их законными родителями.

41. Когда у холопа жена окажется распутного поведения, как то: прелюбодейцей, воровкой и не повинующейся мужу — и от этого происходить будут между ими ссоры, холоп бросает ту жену, а господин, если не в состоянии исправить, продает холопку по своей воле; но если при этом возьмет за нее более заплаченного в калым, то половину барыша берет себе, а другую отдает тому,

от кого холопка взята, мужу же ее приискивает другую жену В случае невыручки сполна заплаченного за распутную холопку при продаже, ее, господин требует вдобавок вырученной суммы 50 руб. серебром с того, кому принадлежала прежде холопка.

В дополнение кабардинских обрядов установлено преимущество, до узденей Куденетовых относящееся.

Если князь выдает свою дочь в замужество, и у него есть уздень из Куденетовых, тогда дает ему лучшую лошадь.

При ссоре двух князей между собою и убийстве из них одного, если будет в доме виновника находиться кто-либо из узденей Куденетовых, при нем родственники убитого не вправе мстить за кровь последнего, до отбытия из дому узденя Куденетова, который, впрочем, не должен жить в доме долее недели, пока убийца приготовится ехать в Чечню или другое место для приискания себе прибежища.

Если кто из князей или узденей кого-либо из Куденетовых ударит, хотя бы и не ранил, платит за то обиженному холопку лучшую, лошадь хорошую, саблю, шишак вызолоченный, налокотники, панцирь лучшей доброты, и сверх этого виновный собирает людей, варит бузу и, угощая оной народ и Куденетова, просит у последнего прощения, а вместе с тем отдает все выше прописанные вещи и холопку.

Узденя Куденстовы имели право вступаться в обиде за черный народ и ходатайствовать за них в мехкемэ безотступно.

Где бывают Куденетовы, при бытности их не может никакой князь барантовать за вины в кошах и аулах.

Если кто из Куденетовых даст кому-нибудь слово в обещаниях или безопасности в жизни, этого никто из князей и узденей не вправе нарушать, под опасением за противное строгого оштрафования.

Кто из Куденетовых поедет с князем и, встретясь с другим князем, будут друг в друга на дороге стрелять и Куденетов за своего князя вступится, то хотя бы убил другого князя, мщения Куденетову не будет, а падет на князя, с которым Куденетов был.

Кто у Куденетовых украдет лошадь со двора или из табуна и будет обличен, платит Куденетову три лошади за каждую.

Если приобретена будет добыча в других местах за какие-либо непокорности народов, кабардинцам принадлежащих, из оных давать Куденетову без всякого счета лошадь лучшую, а свою часть он получает особо; впрочем, это исполняется в том случае, когда кто-либо из Куденетовых будет находиться в партии.

Когда князь женится, то к узденям Куденетовым без согласия их не вправе отвесть жену.

3-й же степени узденям, за обиды от князей и узденей производить удовлетворение саблею и лошадью.

После умерших чагаров имение детей следует отдавать под .опекунское управление братьям и другим ближним родственникам, а узденям в имение, скотоводство и в семью не вмешиваться; таким же порядком поступать и с дворовыми холопами, при разделе чагар в отдаче господину состоят разные постановления: некоторые дают господину пару быков, другие холопку, а некоторые сто баранов или пять лошадей, а по неимению оных и рогатого скота полагаются особо разные с господами условия.

Всякий уздень волен свою холопку отдать мужчине, какому хочет, с тем что прижитые ими дети принадлежат узденю, который притом всегда вправе отобрать холопку от того, кому дал, исключая, если за нее калым будет взят; тогда узденю до холопки и детей дела нет, ибо она будет холопу законная жена.

Владелец земли за покос получает в год барана с каждого дома, кто на его земле будет косить, равно и за поселение на его земле тоже с двора берет по барану; но это не относится до князей, а только узденей вольных и чагар.

Когда князь отдает на воспитание своему узденю или другому кому из простонародных сына своего, в то время бывает гулянье, и музыканту, при оном бывшему, аталык, т. е. воспитатель, дает лошадь и кусок дараи, т. е. какой-либо шелковой материи.

Уздень, женившись, отправляется с женою на время в дом какого-либо чагара, где производится гулянье, и чагар, у которого в доме будет уздень с женою, платит музыканту быка и штуку товара, какой случится.

Кто имеет из князей и узденей баранов, по снятии с них шерсти, белую всю оставляет у себя, а из черной сколько нужно на бурки, полсти, для потников и прочие надобности; затем, что останется, разделяет дворовым людям, .по положению для одежды и проч.

Кто в праздник джумэ не явится в мечеть на богомолье, того хозяин аула штрафует пятью рублями серебром.

Когда князь за кем гонится с намерением убить, а тот, заметив это и обороняясь в крепком месте, убьет у князя лошадь, за это взыскания и мщения нет, но обязан заплатить князю за убитую лошадь.

Когда с женою чагара поступит какой скот, подаренный ее родственниками, оным господин пользоваться не вправе и при продаже чагара не отнимается рт жены его скотина, сколько бы ни было в течение времени приплода. Так же поступать и с холопами.

При женитьбе чагар и дворовых, на первую ночь дает чагар из собственности жене их корову и сколько бы от нее ни произошло приплода в течение времени, ни муж, ни господин не вправе в оный мешаться, а остается всегда в пользу жены, даже и при продаже чагара другому господину; то же исполняется и в отношении скотины, данной дворовым, по неимению у них собственной.

Если чагар заплатит калым, из собственности за жену, то при расстройстве с нею может сделать ее свободною, и господин препятствовать этому не вправе. Если же дворовый' человек, женясь на девке такого же состояния, с платой за нее калыма из господского имения и поступив потом по каким-либо сделкам в чагары, по несогласию с женою, пожелает дать .ей свободу,—сделать это без воли господина не может.

Каждый чагар вправе иметь у себя холопов, но по правам народным не вправе без воли своего господина их ни продать, ни подарить, ни на других такого же состояния променять.

Когда чагар, имея холопов, с позволения своего господина захочет продать их, тогда избирает трех покупщиков, в числе которых должен находиться сам господин, и предоставляет более самому холопу назначить себя в продажу кому-либо.

Если чагар упустит время, назначенное к подати или работам господским, за это господин вправе штрафовать, по положению, парой или двумя парами быков, смотря по упущению.

А когда чагар окажется ослушным посланному от господина для взыскания штрафа, тогда налагается двойной.

Когда бывает собрание народное по делам, тогда аул становится кошами врознь, и если в это время у кого родится сын, отец его дает на пищу своему аулу корову, а за сопротивление платит, штраф; в случае, если коров наберется так много, что съесть их аулом не могут, излишние остаются для другого собрания.

Если украдут у баранщика княжеского другие таковые же барана и виновный откроется, то платит баранщику, у которого учинил воровство, двадцать баранов за одного, которые и поступают в пользу баранщика, а хозяину до них дела нет. Это правило применяется в равной силе и к узденским и прочим баранщикам.

Если пристанут к какому баранщику чужие бараны, он должен об них объявить по всей окрестности, и в случае неотыскания хозяина, пригульные бараны остаются в пользу баранщика, а хозяин коша в них не вмешивается; но при неотыскании хозяина к приставшим лошадям, оные предоставляются в пользу одного княжеского табунщика.

Табунщику платят за пастьбу лошадей по расчету, с четырех кобыл по стригуну; княжеский табунщик выбирает в помощь себе другого табунщика, который и Обязан за этот выбор дать быка; табуны составляют дворов из 30, 40 или более и менее, как случится.

Кто получает по стригуну с дома, тот платит прочим табунщикам, с ним находящимся, в год двадцать пять баранов и корову; два раза варит бузу, в каждый из пяти пудов меду и прочих припасов.

За пастьбу рогатого скота из аула дают пастухам по равной части с .двора, по общему согласию и смотря по количеству скота.

Старший при пчельнике князя или узденя выбирает себе помощника, обязанного дать за выбор быка; пчелинцам за караул платится по фунту с пуда, кто сколько будет иметь меду.

Когда уздень пшекау поссорится в доме князя, с него за это» штрафа никакого не полагается.

Из всего аула выбирается обществом один человек для повестки народу обо всем, что потребуется к исполнению, и за это ок исключается из народной подати; но если выбран будет чагар, то» платит господину наравне с прочими его чагарами.

В пользу того узденя или чагара, у которого будет находиться княжеская жена в первый раз после женитьбы, остаются лошади„ которые ее привезут.

Когда чагар умрет и оставшийся его брат возьмет его жену себе в замужество, платит в пользу родственников жены одного» быка, сверх прежде уплаченного за нее калыма, и родственники не вправе воспретить брату на ней жениться.

Если после умершего князя или узденя останутся сын и две дочери его, из имения отца их получают: сын — две части, а дочери по одной.

Жене после смерти мужа предоставляется с детьми осьмая часть, без детей — четвертая.

В прочих разделах делается разбор, смотря по родству, кому что следовать будет, но в таком только случае, если после умершего не останется детей, которые считаются прежними наследниками всего родительского имения.

№ 2.

В трактате, заключенном между Россией и Турцией 18 сентября 1739 г., при Белграде, между прочим говорится:

Артикул 6. Об обеих Кабардах, то есть Большой и Малой, и кабардинском народе, с обеих сторон соглашенность, что быть тем Кабардам вольным, и не быть под владением ни одной, ни другой империй, но токмо за бариеру между обеими Империями служить имеют; и что и от другой стороны блистательной Порты туркам и татарам во оные не вступаться и оных не обеспокоивать, такожде и от Всероссийской Империи оные в покое оставлены будут. Но что, однако же, по древнему обыкновению браны будут во Всероссийскую Империю от тех кабардинцев, для спокойного "их пребывания, аманаты, и Оттоманской Порте також позволяется для такой же причины брать от них таких же аманатов; а ежели помянутые кабардинцы причину жалобы подадут одной или другой Державе, каждой позволяется наказать (см.: Поли. **Собр.** Зак. Росс. Имп. Т. 10. 899 и 901, № **7900).**

№ 3.

1812 года января 20. Грамота кабардинским владельцам и **«сему народу.— О подтверждении их прежних прав** и **преимуществ.**

Подданным Нашим, кабардинским владельцам, узденьям. казыям, еффендиям и всему народу Наша Императорская милость? Всеподданнейшее прошение ваше о подтверждении вам прежних прав и преимуществ и другие бумаги, присланные с прибывшими к Императорскому Двору Нашему от общества вашего владельцами: Хаджием, Бейзарука Хамурзиным, Кучук Беком Касаевым, Шалох Ахлавовым и с узденями Темрюком Казанчеевым, Гетаешь Куденетовым и Мисостом Анзоровым, Мы, Великий Государь, Наше Императорское Величество удостоили Всемилостивейшего внимания, и, приняв оное прошение с Монаршею благоугодностью, подтверждаем те права, как они Высочайшей Грамотой Ее Величества, любезной Бабки Нашей, в Бозе почивающей Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, от 17 августа 1771 г. кабардинскому народу дарованы, усмотри из оного прошения также, что вы в верности к Нам и Империи Нашей пребываете непоколебимыми, восхотели Мы по милосердию Нашему изъявить вам на деле Монаршее Наше об вас попечение, и для того, узнав, что народ кабардинский нуждается в первых жизненных припасах, позволили Мы отпускать вам хлеб с меновых торгов, учрежден-

ных по разным местам, что уже и в действие производится, и о снабдении вас всегда солью повелели сделать надлежащие распоряжения. О землях же, по сию сторону реки Малки лежащих, буде которые состоят пустопорожними и не принадлежат никому,, предписали Мы ныне Главному на Кавказской Линии Начальнику войти в надлежащее рассмотрение и Нам представить, имеется ли возможность вас в том удовлетворить без стеснения других Наших подданных; о чем и получите вы в свое время от оного Начальника разрешение.

Впрочем, позволяется вам невозбранно ездить для торга в Кизляр и Астрахань, продавать там избытки земли вашей и покупать потребные народу вашему материи, сукна и другие изделия,, с наблюдением правил, изданных для таможен и карантинов, учрежденных для общего блага и к безопасности всех Наших подданных. Напротиву сего надеемся Мы, что вы и весь кабардинский народ, восчувствовав толикия Наши Императорские милости, не только сделаетесь сами и впредь достойными оных, но что вы, ***яко*** верные Нам подданные, потщитесь отвращать и других соседственных вам народов от набегов на пределы Наши, не допускай никого из них проходить местами, вами занимаемыми, но уведомляя о том заблаговременно пограничных Наших начальников: чем вы на деле докажете верноподданническое ваше к. Нам; усердие !г повиновение.

В доказательство вящшего Всемилостивейшего благоволения; в каком Мы. Великий Государь, Наше Императорское Величество, всегда желаем содержать вас, любезноверных владельцев, узденей, казыев, еффендиев и всех подвластных вам людей, Наших верноподданных, соизволяем Мы отныне впредь иметь при Высочайшей особе Нашей, из почетнейших владельческих и узденских фамилий ваших, в виде особой Гвардии Нашей, по 100 человек конных, вооруженных по обыкновению вашему, для коих составлен-будет особый штат, с назначением достаточной суммы на содержание, позволяя вам при том сменять их, по воле вашей, чрез каждые 3 года или 5 лет другими такими ж, которые будут состоять под собственным Высочайшим Начальством Нашим, наравне с другими Лейб-Гвардии Нашей полками. Во исполнение сего имеете вы означенное число вооруженных, людей, избрав ныне же, к Нам отправить, снесясь предварительно о том с Нашим на Линии Главнокомандующим, которому от Нас надлежащее о сем повеление по Военному Министерству дано будет. Мы надеемся; что сии храбрые воины, одушевляемы будучи примерами предков своих и руководствуясь вашими наставлениями, потщатся оправдывать при лице Нашем то хорошее мнение, которое Мы о мужестве их, вер-

иости и преданности к особе Нашей имеем, и тем сделаются достойными Монаршего Нашего к ним благоволения и милости

Сия Наша Императорская Грамота, имеющая быть всегда основанием и залогом незыблемого благоденствия вашего и всего кабардинского народа, отправлена к вам с вышесказанными владельцами и узденями, которые все представлены Нам были и отпущены с награждением от щедрот Наших. Дана в Престольном Нашем Граде Св. Петра, с приложением большой Государственной печати Нашей (см.: Поли. Собр. Зак. Росс. Имп. Т. 32. С. 16. № 24959).

№ 4*.

Писатель С. Д. Нечаев о первых научных замыслах Ш. Б. Ногмова.

«Со введением магометанства черкесы пишут на своем языке арабскими буквами. Недостаток их для выражения всех звуков языка черкесского, обильного носовыми и гортанными складами, заставляет желать, чтобы для кабардинских племен изобретена была особая азбука. Один из их узденей, занимающийся разным торгом на Горячих Водах, известный всем приезжим Шора, намеревался представить правительству опыт таковой азбуки для напечатания. Одаренный счастливыми способностями, сей молодой "человек успел выучиться — сколько можно в здешнем краю — пяти языкам, кроме природного: арабскому, который по справедливости считается на Востоке не только священным, но и ученым; татарскому или турецкому, который от древнего монгольского владычества, не менее от позднейшего распространения сунитского вероисповедания, в таком же всеобщем употреблении между кавказскими племенами, в каком теперь французский язык в Европе; абазинскому, в котором, вопреки некоторым ученым, не находит кабардинский, филолог никакого сходства с черкесским; персидскому и русскому. Один из них стал ему известен в школе кумыцкой, заведенной в деревне Эндери, которую русские называют неправильно Андреевскою; другие от здешних миссионеров и сообщества. По издании азбуки, он хотел заняться правилами - грамматики и переводами с арабского разных нравственных книг для чтения. Будучи предан русской державе и доказав свою верность участием в наших экспедициях и проч., он сочиняет иногда

* Приложения № 4*—12 даются из личного архива Т. Х. Кумыкова. — ***Ред.***

небольшие поэмы во славу нашего оружия, которые не может распространить между соотечественниками иначе, как через изустнос предание и медленное изучение на память. По введении собственной грамоты, легче будет разеевать в Кабарде и даже за Кубанью благонамеренные писания, которые конечно могут послужить к смягчению нравов диких наших соседей... Может быть, предположение постепенного их образования покажется мечтательным, но с другой стороны, грустно думать, что одно истребление может положить конец их разбойнической жизни...»

(***Нечаев С. Д.*** Отрывки из «Путевых записок о Юго-Восточной России» // Московский телеграф. 1826. № 1, январь, ч. 7).

№ 5.

Военному министру господину генерал-адъютанту и кавалеру князю Чернышеву.

На подлинном резолюция:

...Государь император соизволяет на оказание пособия Кабардинскому узденю поручику Шора Беку для напечатания составленной им грамматики, но вместе с тем высочайше повелеть соизволил спросить г. А. Нейдгартда, какого именно рода пособие он полагает нужным оказать ему.

Петергоф, 8-го августа 1843 года.
Подписал князь А. Чернышов.

Командира Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанта Нейдгардта

РАПОРТ

Исправляющий должность начальника центра Кавказской линии полковник князь Голицын вошел с следующим представлением командующему войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанту Гурко.

Кабардинский уздень, поручик Шора бек Мурзин, привел к окончанию многосложный труд собрания народных преданий и составления Кабардинской грамматики. Этот полезный чиновник, соединяя трудолюбие с скромностию, желает, до напечатания своих творений, подвергнуть их суждению и разбору Императорской

Санкт-Петербургской Академии и просит, дабы ему доставлены были средства к отправлению на казенный счет в столицу с приличным содержанием во время пребывания в ней.

Издание "грамматики на кабардинском языке с переводом на русский быстрыми шагами подвинет здешний край к изменению теперешнего полудикого состояния его, все письмена в руках духовенства, толкующего в свою пользу статьи Алкорана и применяющего текст его собственным произвольным пояснением, ко всем случаям встречающимся в общественной жизни; приговор, состоявшийся по шариату, как бы он ни пристрастен был, не терпит ни малейшего противоречия, затем, что мнение одного муллы поддерживается всеми прочими, а духовная власть в Кабарде, как и во всех народах, начинающих гражданское существование свое, перевешивает всякую другую, не от глубоких сведений или строгой справедливости, отличающих класс священнический, .а от жалкого незнания и неимоверной беспечности всех прочих.

Самолюбие кабардинцев может положить конец этому положению дел. Всякий из них, имеющий хотя малейшее средство к образованию себя, захочет способствовать к распространению изучения собственного языка своего, подведенного под постоянные правила. Князья и узденья по сношениям с русскими с завистью «смотрят на завладение муллами всею властию и на постоянное умножение их влияния в народе. Стихом из Алкорана полагается конец всякому спору и разрушаются мнения, состарившиеся с .несколькими поколениями, через несколько времени одно и то же •обстоятельство, тем же Алкораном судится совершенно иначе, и значительнейшие лица, хотя убеждены, что один нз двух приговоров порочен, исполняют и тот и другой, относя к изречениям своим его пророка смысл не настоящий, а тот, который дает им мулла, всего чаще действующий из личных выгод.

Не то будет, если правительство поддержит полезное предприятие поручика Шора-бек Мурзина, приняв на свой счет издержки, необходимые для напечатания сначала грамматики, а в последствии и преданий кабардинского народа. По прошествии недальнего срока, можно надеяться, что главное орудие безусловной власти духовенства Алкоран, переведется на новый письменный язык и, сделавшись доступным настоящему и грядущему поколению, избавит Кабарду от нестерпимого ига мулл, основанного единственно на том, что, кроме них, никто читать не умеет и учиться не может по той причине, что арабский язык чрезвычайно труден и был доступным одним духовным, не сообщается ими никому, для сохранения в своих руках орудия власти.

В заключение князь Голицын просит исходатайствовать поручику Шоре разрешение отправиться в С. Петербург на казенный счет, с назначением ему суммы на прожиток до окончания рассмотрения труда его Императорскою Академиею и до напечатания грамматики Кабардинской, чего он также не в состоянии предпринять, по чрезвычайно ограниченному состоянию своему.

Командующий войсками на Кавказской линии, представляя таковой рапорт князя Голицына, признает полезным удовлетворить ходатайству его о поручике Шоре бек Мурзине.

Соглашаясь с своей стороны с таковым мнением генерал-лейтенанта Гурко, я имею честь все вышеизложенное представить на благоуважение вашего сиятельства.

Подписал генерал-адъютант Нейдгардт. Скрепил начальник штаба генерал-майор Траскин. № 1009.

20 июля 1843 года г. Тифлис.

Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде, ф. 1268, оп. /, д. 478, 1843 г.. л. /—&

№ в.

Собственной его императорского величества канцелярии Временное отделение по делам Закавказского края

8 С. Петербурге
9 сентября 1843 г.
№ 432

Его высокопр-ву А. И. **Нейд**гардту.

**Милостивый государь
Александр Иванович**

Г Военный министр сообщил мне. для сведения, рапорт вашего высокопревосходительства от 20 июля № 1009 о кабардинской грамматике и собрании кабардинских преданий, составленных кабардинским узденем поручиком Шора-бек-Мурзиным.

Имея в виду, что собрание кабардинских **поеданий** может служить полезным материалом при составлении известного **Вам,** милостивый государь, собрания местных обычаев закавказских мусульман, я обращаюсь к вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою, не изволите ли признать возможным сооб-

щить временному отделению хотя рукописный экземпляр труда Шора-бек-Мурзина.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь **быть,**

Милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою, подписал М. Позен.

Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде, ф. 1268, оп. 1, д. 478, 1843—1845 гг., л. 8 и об.

№ 7.

Министерство военное
Канцелярия Министерства
Отделение 1
В С. Петербурге
13 июня 1844 г.
№ 6475

Копия

Г. управляющему Министерством финансов

Государь император высочайше повелеть соизволил отпустить из Государственного казначейства:

1) употребленные на содержание умершего кабардинского узденя штабс-капитана Шора-бек-Мурзина во время прикомандирования его к Л. гв. Кавказско-горскому полуэскадрону с 14-го мая по 10 июня сего года. . . . .105 р. 51 к.

2) на уплату оставшегося после смерти этого офицера долга за •построенную им для себя новую обмундировку .... 157 р. 15 к.
- (л. 174 об.)

3) для отправления обратно на Кавказ прибывшего с Бек-Мурзиным служителя . . . 92 р. 85 к.

Всего триста пятьдесят рублей пятьдесят одну копейку серебром.

Высочайшую волю сию имея честь сообщить вашему высокопревосходительству для зависящего распоряжения, покорнейше прошу вас, милостивый государь, приказать ассигновать означенные деньги в ведение генерал-адъютанта графа Орлова, который мною об этом предварен.

Военный министр Г. А. князь ЧЕРНЫШЕВ.

Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде, ф. 1268, оп. 1, д. 478, 1843—1845 гг., л. 174 и об.

№ 8.

Командующий
императорскою главною
квартирою
В С. Петербурге
3 июля 1844 года
№ 594

Военному министру господину генерал-адъютанту и кавалеру князю Чернышеву.

Генерал-адъютанта
Графа Орлова

РАПОРТ

По высочайшему его' императорского величества повелению, объявленному вашим сиятельством генерал-адъютанту графу Бенкендорфу, в предписаниях от 19 и 31 января сего года за №№ 602 и 1033, кабардинский уздень штабс-капитан Шора-бек-Мурзин. составивший на кабардинском языке грамматику .и собрание народных преданий, был прикомандирован к Л. Гв. Кавказско-горскому полуэскадрону, впредь до рассмотрения его сочинений в Императорской Академии наук, с производством ему со дня прибытия его в С. Петербург до возвращения на Кавказ содержания наравне с штаб-ротмистром упомянутого полуэскадрона и с отнесением этой издержки на счет государственного казначейства. .

Означенный офицер, прибыв 14-го числа прошедшего майя в помянутый полуэскадрон в расстроенном уже от дороги здоровье, был поражен здесь жестокими припадками гемороя и ломотою в ногах, от которых 10-го числа сего июня волею божиею помер, не сделав на счет своих творений никакого распоряжения.

После кончины Бек Мурзина найдены в квартире его , два письменных сочинения под названиями а) грамматика Атихейского языка и б) Предания Черкесского народа, и сверх того разные черновые бумаги, относящиеся к этим двум предметам и заключающиеся в 16-ти тетрадях.

Творения сии, как подлежащие суждению и разбору императорской Академии наук, я приемлю честь представить сего вашему сиятельству, при особой описи, для учинения дальнейшего по благоусмотрению вашему по оным распоряжения.

При чем согласно представлению командующего Л. Гв. Кавказско-Горским полуэскадроном, имею честь донести вашему сиятельству: 1) что после смерти штабс-капитана Шоры-бек Мурзина осталась без всякого состояния на родине жена Салимата с двумя сыновьями: Эриваном 6 и Иришидом 5-ти лет, а сверх того третий сын их Урустан 18 лет находится на воспитании в Павловском

кадетном корпусе, 2) что при сопровождении покойного сюда с Кавказа, находился при нем служитель из черкесов, по имени Клычь КаКагажев, который по неимению состояния должен быть отправлен обратно на родину на казенный счет, для чего как **н** на содержание его здесь и дорогою, потребно 92 р. 85 коп. серебром, 3) что по приезде Бек Мурзина сюда, он принужден был построить себе новую обмундировку, за которую остался должен 157 р. 15 коп., 4) что за время состояния этого офицера прикомандированным к Л. Гв. Кавказско-Горскому полуэскадрону, т. е. с 14-го мая по 10-е июня следует ему, по окладу штаб-ротмистра оного полуэскадрона, содержания: жалованья 49 р. 92 коп., продовольственных и деныцичьих 43 р. 20 коп. и квартирных 12 р. 39 коп., всего 105 руб. 51 коп. серебром, которые ему еще при жизни **на** необходимое здесь содержание выданы взаимообразно из других сумм Полуэскадрона, сверх же того выдано ему за это время **на**турою фуража, вытребованного из С. Петербургского провиантского правления, именно: овса 4 четверти 7 четвериков, сена 52 пуда и соломы 6 пуд. 20 фунтов.

Принимая в уважение 12-летнюю усердную и полезную службу сего офицера, сначала **в** собственном его императорского величест**ва** конвое, с коим он находился **в** Польской кампании и **в** чине юнкера удостоился получить за храбрость знак отличия военного ордена св. Георгия, и впоследствии при Отдельном Кавказском корпусе, где он между прочим занимал место секретаря Кабардинского временного суда, приемлю я честь покорнейше просить ваше сиятельство, не благоугодно ли будет исходатайствовать всемилостливейшее государя императора соизволение о назначении вдове Бек Мурзина Салимате с малолетними детьми за примерно полезную службу мужа ее пенсиона, в количестве того жалованья, какое получал он на Кавказе, и об отпуске независимо, от сего из Главного казначейства единовременно 250 руб. серебром, необходимых на отправление прислуги его в Ставрополь и на уплату долгов на обмундирование, и вместе с тем приказать учинить распоряжение об истребовании из Министерства финансов 105 руб. 51 коп. серебром, следующих в возврат выданных покойному из казны упомянутого полуэскадрона, взамен причитающегося ему с 14-го мая по 10-е июня содержания.

Генерал-адъютант граф ОРЛОВ

Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде, ф. 1268, оп. 1, д. 478, 1843—1845 гг., л. 154—157 об.

№ 9.

Управление делами императорской главной квартиры и собственного его величества конвоя.
В С. Петербурге
6-го июля 1844 года
№ 596

Директору канцелярии военного министерства, свиты его величества, господину генерал-майору и кавалеру Анненкову.

За отсутствием состоящего в должности управляющего делами, старшего адъютанта капитана Самсонова

РАПОРТ

На предписание вашего превосходительства от 4 сего июля за № 6154 имею честь почтительнейше донести, что из имеющихся в управлении делами императорской главной квартиры сведений видно, что умерший кабардинский уздень штабс-капитан Шора-Бек-Мурзин, состоя по кавалерии при отдельном кавказском корпусе и не неся никакой службы, жалованье получал по чину и сверх того пенсион за знак отличия военного ордена 33 р. 69 6/7 к. серебром.

Старший адъютант САМСОНОВ.

Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде, ф. 1268, оп. 1. д. 478, 1843—1845 гг., л. 162 и об.

№ 10.

Начальника Центра Кавказской линии
№ 1435
Нальчик
Июля **22** дня **1844 года**

Милостивый государь Николай Николаевич.

На почтеннейшее отношение Вашего превосходительства от 4-го июля за № 6155, честь имею отвечать, что штабс-капитан Бек-Мурза Шора получал жалованья в треть по 64 р. 7 1/7 к. серебром и сверх того по должности секретаря Кабардинского временного суда **28** р. 57 1/7 к. в треть, отправляясь в Петербург, этот достойный офицер оставил хозяйство свое без надзора и вполне

заслуживает милостивого внимания начальства за .безусловную преданность Российскому правительству, за бескорыстие- примерное и за усилия подвинуть соотчичей своих на пути просвещения.

Сообщаю Вашему превосходительству эти подробности для доклада его сиятельству господину военному министру и прошу покорнейше Вас принять уверение совершенного почтения моего и преданности.

Князь. . . . . . .

Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде, ф. 1268, оп. 1, д. 478, 1843—1845 гг., л. 188.

№ 11.

. Отношение министра Народного просвещения военному министру от 23 мая 1845 г. за № 756 по поводу научного исследования Ш. Б. Ногмова.

При отношении от 23 июля 1844 года за № 6817 Ваше сиятельство по высочайшему повелению препроводили ко мне для рассмотрения в Императорской Академии наук: 1) Грамматику атихейского языка; 2) Предания Черкесского народа и сверх того разные черновые бумаги, к этим двум предметам относящиеся и найденные по смерти кабардинского узденя, штабс-капитана Шора-бек-Мурзина.

Во исполнение сего, означенные рукописи и бумаги были рассмотрены академиком Шёгреном, копию с отзыва которого имею честь препроводить при сем к Вашему сиятельству вместе с рукописями при сообщенном Вами, милостивый государь, реестре.

Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде, ф. 1268, оп. 1, д. 478, 1843—1845 гг., л. 130, 130 об.

№ 12.

Отзыв академика Императорской Академии наук статского советника Шёгрена о рукописях, найденных по смерти кабардинского узденя штабс-капитана Шора-бек-Мурзина

Покойный штабс-капитан Шора-бек-Мурзин, при жизни мне лично известный, был человек по своей преданности Правительству и по чистой своей любви к просвещению достойный высшего'ува-

жения, тем более, что он не только умел вполне оценить высокое преимущество просвещения перед грубым невежеством своих единоземцев, но и собственными неусыпными трудами старался таковое невежество от них устранять и в том именно отношении собою подал своим соотечественникам пример доныне первый и единственный. Наилучшим подтверждением сказанного служит» кроме оставшихся его многочисленных бумаг, собственное его предисловие к грамматике атихейского языка, живо отражающее пламенное стремление д\ши его к. просвещению и к споспешествованию распространения его между грубыми своими соотечественниками, многолетними неутомимыми трудами. По крайней мере» я не без сердечного умиления мог прочитать это, сверх того и примерною скромностию отличающееся предисловие, и сожалея о жестокости судьбы, преждевременно прекратившей его жизнь именно тогда, когда он лишь только успел прибыть сюда в Петербург, с тем намерением, чтобы здесь под ожидаемым и по мере его образованности необходимым для него руководством опытных в подобных делах людей довершить и издать свою грамматику и другие сочинения.

Вследствие неожиданной кончины автора упомянутая его грамматика, к сожалению, осталась в нынешнем виде, не достигши еще того совершенства, которое она могла бы получить, если бы судьба дозволила автору ее здесь в Петербурге обработать. Как природный черкес-кабардинец, он с самых малых лет практически знал свой язык отлично, но лишь поздно начал думать о грамматической его теории, когда уже в взрослых летах служа здесь в Петербурге в Горском полуэскадроне, стал учиться русскому языку грамматически и наг&следок с величайшим трудом достиг до того, что мог кое-как, хотя еще весьма несовершенно, письменно изложить свои мысли. Развивающиеся постепенно таким образом при удивительном его усердии общие грамматические понятия, он стал применять к природному своему языку, и от того родилась мало по малу кабардинская его грамматика, перед сим уже многократно им поправленная, дополненная и переписанная. Русские поправляли слог его, но такие, коим, не было дела и охоты до самого внутреннего достоинства содержания. Оно осталось по-прежнему односторонним, недостаточным и сбивчивым. Посему это сочинение полезно только тому, кто умеет им критически пользоваться как материалом к исследованию грамматического устройства чудного и трудного кабардинского языка, существенно еще гораздо более различествующего от русского, нежели можно предполагать по одностороннему изложению покойного автора. Весьма естественно, что самая большая часть читателей книги, напечатанной в таком виде, мало или вовсе не

будет в состоянии пользоваться ею. Вышеизложенным критическим образом особливо когда нет никаких других способов к справкам о достоинстве содержания, а потому я и сомневаюсь в пользе отпечатания этой грамматики.

Другое дело с пространнейшею еще историческою рукописью лод заглавием: Предания Черкесского народа. Есть, конечно, и в этой ощутительные недостатки, странные неосновательные соображения, естественные по степени образования покойного автора, но тут каждый предусмотрительный читатель сам легко увидит, в какой мере он может полагаться на сочинителя и, не опасаясь быть введенным в заблуждения, снисходительно извинит встречающиеся недостатки, щедро вознаграждаемые множеством любопытных и совершенно новых сведений. И вот на каком основании эта рукопись с пользою может быть напечатана в каком-либо хорошем периодическом журнале или, может быть, лучше даже отдельною книгою и, разумеется, под именем автора, коего многостороннему трудолюбию она делает честь.

Обращаюсь теперь к остальным так называемым черновым бумагам, состоящим из 16 разных тетрадей различного объема. Из них 1 составляет записки на турецком языке, заключающие в себе исторические предания, незаслужинающие особенного внимания.

2. Есть краткий кабардинский букварь, назначаемый покойным автором, кажется, для его соотечественников, чтобы учить их грамоте по выдуманному им для кабардинского языка новому алфавиту на основании арабско-турецко-персидского.

3. По большей части разные кабардинские записки, тем же алфавитом написанные.

4. Маленькая черновая записка, относящаяся к грамматике и именно к синтаксической части.

5. Есть первое продолжение словаря, начатого в грамматике и следственно непосредственное продолжение самой грамматики. На последнем листе есть еще кабардинская песня с русским переводом.

6. Черновые части исторической рукописи Предания Черкесского народа.

7. Второе продолжение словаря, а вместе с тем самой грамматики (см. выше 5).

8. Список с моих примечаний на прежнюю грамматику автора {*си.* 12), но без конца и вместо того с двумя черновыми листами, относящимися к грамматике.

9. Черновая маленькой части грамматики.

10 Русский перевод с арабского вместе с подлинником, объясняющий некоторые мусульманские религиозные понятия.

11. Черновая отдельная записка о разных прежних и нынешних кабардинских обрядах и постановлениях, весьма любопытная и заслуживающая быть напечатанною вместе с выше упомянутой главной историческою рукописью (предания черкесского народа в роде приложения или дополнения).

12. Самая пространнейшая черновая грамматика со словарем, как она была обработана автором и частным образом им препровождена ко мне в 1840 г. на рассмотрение, почему я для руководства почтенного сочинителя по силе ограниченных моих познаний о кабардинском языке, почерпнутых из самой его грамматики посредством критического ее разбора, написал уже выше под № 8 упомянутые примечания,. отправленные мною к нему при возвращении рукописи.

13. Также огромная черновая, содержащая 3 продолжение словаря и вместе с тем самой грамматики (см. выше 7) с прибавлением разговоров, которые покойный автор, по-видимому, хотел приложить к новой своей грамматике, но даже вчерне недокончил.

14. Пространная черновая значительной части грамматики в новейшем ее виде.

15. Собрание разных черновых бумаг, содержащих черновые переводы народных песен, помещенных в исторической: рукописи.

16. И последняя тетрадь заключает в себе черновые бумаги, относящиеся к упомянутой исторической рукописи.

И так по моему мнению из всех этих бумаг достойная напечатания только 1, главная историческая рукопись на 88 листах под заглавием: Предания черкесского народа и вместе с нею в роде особого приложения 2 из черновых бумаг тетрадь одиннадцатая на 23 листах. Вместе с ними относящиеся к преданиям Черкесского народа черновые тетради шестая и шестнадцатая; по- приписанным основательным замечаниям от тех лиц, которые до меня еще, как видно, рассмотрели эти бумаги, равно как для справок относительно правописания многих собственных имен; должны быть, переданы тому, на кого возложится издание исторической рукописи и дополнительной 11 тетради. Что же касается до другой рукописи под заглавием Грамматика атихейского языка со всеми прочими черновыми тетрадями, относящимися по большей части к той же грамматике, то я долгом считаю представить на благоусмотрение правительства неугодно ли будет пожертвовать все эти бумаги Академии наук, как самому приличному месту для их хранения. Может быть, со временем явится какой-либо другой черкес-кабардинец, столь же ревностный любитель просвещения, как покойный Шора-бек-Мурзии, и готовый следовать его примеру, чтобы под содействием и руководством Академии продолжить и довершить начатый им, но через преждевременную его кончину

прерванный ученый труд. Без сомнения, мудрое правительство споспешествует исполнению таковой надежды поощрительным признанием тех единственных и важных заслуг, которые во всяком случае оказал государству и отечеству покойный Шора-бек-Мурзин, умерший вдали от своего семейства.

ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 478, 1843—1845 гг., л. *131—134 об.*

№ 13.

АФАУНОВ АМУРБИЙ

О МЕСТОЖИТЕЛЬСТВЕ И ПОТОМКАХ Ш. Б. НОГМОВА[1]

Нее существует во времени и пространстве. Существование кабардинских аулов и селений без связи со временем и местами топографии тов. Турчанинова Г. привело к печальной путаниЦе и искажению известных фактов. Автору вполне достаточно было узнать, что селение Каменномостское в русских источниках называлось аулом Кармова. Аул Кармова всегда • был на том месте, где сейчас селение Каменномостское.

Я вынужден коснуться генезиса Ногмовых в сел. Каменномостское. Три брата Дагаза, Бышен и Камбулат по фамилии Шапсыг жили среди кахе (кахе — одно из адыгейских племен). Хапоз Эльмурза убил Камбулата, а Бышен отомстил за брата, убив Эльмурзу Хапова. Хапов княжеский род Адыгеи. Бышен и Дагаза бежали от смерти в Кабарду и попали, в конце концов, в интернациональный аул Хажи-Кабак (по-кабардински Хажихабле) угоры Бештау, Сыновья Клыша Дагазовича по порядку старшинства: 1) Батако, 2) Тыра, 3) Мирзабеч и 4) Кербеч. По освобождению от крепостной зависимости Клыш со своими родными и двоюродными братьями получил от настоящих Ногмовых фамилию Ногмов. Такой обычай был в Кабарде, что кабардинские дворяне при освобождении своих крепостных сами часто давали им фамилию. На этом основании существует в селении Псыгансу весьма неприягная кабардинская фамилия Хаваяшхов (по-кабардински значит «глава навоза>), данная дворянином при увольнении от крепостной зависимости этим людям по манифесту Александра II.

Очень много было в Кабарде однофамильных двух родов — дворянского рода и простого рода. Поэтому кабардинцы различа-

[1] Статья написана главным образом на основе воспоминаний старожилов и личных наблюдений автора. — *Ред.*

.ли, прямо пользуясь зачастую русскими порядковыми числительными в таких дуалистических фамилиях, два рода: «первые» и «вторые».

На стр. 6 книжки «Шора Ногмов. 1844—1944 гг.» тов. Турчанинов в предисловии пишет по случаю столетия безвременной смерти Шоры: «Юбилейная сессия проведена также в сел. Каменномостском, Нагорного района, где жил и работал Шора Ногмов». Шора Ногмов в сел. Каменномостском никогда вовсе не жил и не работал. Он умер на 9 лет раньше до переселения сюда аула Кармова, где сейчас сел. Каменномостское. До кончины Шоры здесь никакого иного аула или аула Кармова не существовало, тут было пусто. Шора умер в Петербурге 10(22) июня 1844 года, а аул Кармова тут основался только в 1852 г.

От Бышена происходит род Бишеновых и от Дагаза — отца денщика Шоры Клыша — происходит весь род Ногмовых в сел. Каменномостском. По нашим правильным кабардинским традициям, в целях предотвращения близкородственного размножения, пока не разрешается женитьба между людьми родов Бишеновых и Ногмовых. Представители Бишеновых и Ногмовых и другие старики хорошо знают о родстве этих двух родов. При свадьбах и тризнах они ведут себя как один род.

Тов. Турчанинов к объяснению аула Кармова подошел метафизически, без всякого движения, в полном статическом состоянии, т. е. аул Кармова якобы всегда был здесь, где сейчас селение Каменномостское, и больше ничего. Это, в конце концов, привело к заблуждению людей и продолжает путать умы наших товарищей.

В марте месяце 1960 г. произвели присвоение названий улицам сел. Каменномостского. Улица, на которой живут дети денщика Шоры Клыша — ныне Ногмовы, названа улицей Ногмовых, Так названа улица не вообще именем Шоры или в память его, а именно с констатированием, что Шора жил здесь и Ногмовы живут теперь тут.

На мое возражение председателю сельсовета тов. Кумыкову Хажисмелю Лдиловичу и секретарю парткома тов. Беканову Хабилю, что „здесь не жил и не был Шора, они мне ответили, что жительство Шоры в сел. Каменномостском установлено. Я, конечно, не возражаю, чтобы и в других селениях или городах нашей республики улицы или другие объекты были названы именем Шорц, но я возражаю против извращения исторического факта.

С 1944 г. историки и филологи учат нашу молодежь, что Шора жил в сел. Каменномостском. Однако старожилы самого сел. Каменномостского и сел. Хажихабла (восточная половина сел. Малки), правобережной половины сел. Псынадахи, поселка Этоко

и единицы в других местах Кабарды точно знают, что Шора никогда не жил и не был в сел. Каменномостском, он был хажхаблинец, он жил в Хажхабле.

Лингвистически слово ***карма*** по-абазински обозначает «калина». Мальчик, родившийся в калиновой роще, был назван Карма. В конце концов от этого мальчика Карма образовался кабардинский дворянский род Кармовых. Историю аула Кармово мы можем вести издалека, но нам вполне достаточно начинать ее со времени дислокации аула Кармово на территории г. Пятигорска, где сейчас ул. Кабардинка.

В «Кратком биографическом очерке Шора-Бекмурзина-Ногмова» ко второму изданию 1861 г. «Истории адыхейского народа» Берже писал: «Шора Бекмурзин Ногмов родился в бывшем ауле Ногмова, на р. Джуце, близ Пятигорска, и, как должно полагать, в 1801 г.» Это совершенно правильное положение Берже «уточняет» тов. Турчанинов в книжке «Шора Ногмов». Он пишет (стр. 21): «Шора Ногмов родился, как можно полагать, в 1801 г. Родного его аула Ногмова, на реке Джуце, недалеко от аула Каменномостского Кабардинской АССР, давно уже не существует».

От речки Джуцы на юге по порядку близости расположены были в 1944 году и в данное время здравствуют и развиваются на своих местах кабардинские населенные пункты: поселок Этоко в 7 км, селения Залукокоаже, Шардаково, Залукодес, Зольское, Псынадаха и Малка. Сел. Каменномостское по любой колесной дороге дальше от речки Джуцы, чем' сел. Малка, а по воздушной линии они отдалены от нее почти одинаково. Тов. Турчанинов не пишет, что бывший аул Ногмова на р. Джуце был поблизости из этих шести кабардинских селений, а повествует: «...недалеко от аула Каменномостского...» Если предположить, что бывший аул Ногмова был на левом берегу р. Джуцы, то до сел. Каменномостского нужно переехать 5 речек: Джуца, Этоко, Большая Золка, Малая Золка и Малка. Переехать 5 речек, кабардинец скажет — это далеко. Тов. Турчанинов легко и без особого размышления и труда решает вопросы: бывший аул Ногмова на р. Джуце пером подносит, пододвигает и приближает к теперешнему сел. Каменномостскому для превращения Шоры в жителя сел. Каменномостского.

На стр. 23 «Шора Ногмов» тов. Турчанинов пишет: «По запустении родных мест на Джуце, Шора переселился в аул Хаджи-Кабак у горы Бештау. Это очень сложный интернациональный аул по своему происхождению там живших людей и положивших начало многим кабардинским родам назывался на карачаево-балкарском языке Хаджи-Кабак; а на кабардинском — Хажихабла. Этот аул Хажихабла положил основу и развил ныне существующий* интереснейший хажихаблинский акцент кабардинского языка.

Хажнхаблинцы кабардинский язык неимоверно и несуразно путают, а посему они являются объектом смеха других кабардинцев». На той же странице он пишет: «Миссионер Гендерсон, посетивший 26 сентября 1821 г. аул Хаджи-Кабак, с целью повидаться с Шорой...»

Хажнхаблинцы сейчас составляют больше 1 % всех кабардинцев. Мы в состоянии написать родословную всех кабардинских хажихаблинских родов. От основателя аула Хажихабла на карачаево-балкарском языке Хаджи, а на кабардинском — хажи, который был по национальности кумык, происходит кабардинский дворянский род Аджиевых.

Второй огромный кабардинский хажихаблинский род — род Хажногоевых образовался от Хажи-Ногой, по национальности ногаец, который одним из первых переселился к Хажи у горы Бештау. Затем к аулу Хажихабле примкнул карачаевец Машуко, от которого также образовался большой кабардинский хажихаблинский род Машуковых. К этому интернациональному ядру Хажихабле у горы Бештау присоединился абазинец Хуран — родоначальник кабардинского хажихаблинского рода Хурановых. Затем к ним переселяется один из родоначальников рода настоящих Ногмовых по происхождению из абазехов Бекмурза или Шора или оба вместе.

Примерно в 1829 году аул Хажихабла из-под горы Бештау переселился на левый берег реки Малки, где сейчас хутор Прогресс. Годом позже аул Кармово, который был на территории города Пятигорска по ул. Кабардинка, переселяется и присоединяется к аулу Хажихабла. Затем здесь к ним — Хажихабле и Кармахабле — присоединяется Абзыванхабле (теперешнее сел. Куркужины). Эти три хабле были отдельными частями этого соединенного населенного пункта. Этот объединенный кабардинский аул на этом месте был с 1829 г. (приблизительно) по 1852 г., и он административно по-русски именовался аулом Кармовым.

В бытность Хажихабле, Кармхабле и Абзыванхабле на левом берегу реки Малки своих покойников хоронили только на правом берегу реки Малки, на старом кладбище Хажихабле (восточная половина сел. Малки), т. е. на горе возле чайной, стоящей у моста госдороги. На этом кладбище стоит необыкновенно большой каменный памятник, поставленный Абзыванову Исламу, умершему в 1831 г., или в 1250 г. хиджры. На этом кладбище рядом с этим памятником стоит такой же большой другой памятник Абзыванову Галабеку, умершему в 1841 г., или в 1260 г. хиджры.}

Весьма интересно, что это кладбище дает нам возможность установить, что в 1829—1831 гг. кабардинцы еще хоронили по старому способу своих покойников, т. е., в частности, поверхность

могилы вместо холмика вымащивали камнями (здесь малкинскимй булыжниками).

На стр. 34 «Шора Ногмов» тов. Турчанинов пишет: «Расставаясь с академиком Шёгреном после совместных двухнедельных занятий, Шора пригласил своего друга приехать в аул Кармово на Малке». 21 сентября того же 1837 г. Шёгрен осуществляет эту «давно задуманную поездку». На этой же странице написано из дневника Шёгрена: «...часа в два прибыл я к месту моего назначения в Кармов аул, где у меня верный Шора, верный дом». Академик Шёгрен к Шоре приехал в Хажихабле, расположенном на том месте хутора Прогресса, где со своей семьей и хозяйством жил Шора, а не на то место, где теперь* сел. Каменномостское, которое в прошлом называлось аулом Кармово. •

Как раз из города Пятигорска с базара на порожней бричке, запряженной хорошей парой лошадей, доезжали до Хажихабле за 2 часа езды. Из г. Пятигорска до сел. Каменномостского на очень хороших лошадях по ближайшей колесной дороге можно доехать только за 3 часа.

На стр. 62—63 «Шора Ногмов» тов. Турчанинов приводит: «Это же в других словах акад. Шёгрен повторяет в 1837 году в письме к акад. Френу из Владикавказа». «В Каррасе я узнал, что Шора Бекмурзин Ногмов, который несколько лет служил в Петербурге и там занимался под руководством нашего прежнего сочлена Шармуа черкесской грамматикой по кабардинскому диалекту, таковую вкратце на русском языке закончил и теперь живет **В** 35 верстах южнее Пятигорска». Три точки — город Пятигорск, селения Малка и Каменномостское — образуют треугольник. От г. Пятигорска до сел. Малки 35 км, от сел. Малки на запад по * правому берегу реки Малки до сел. .Каменномостского '24 **км И** от г. Пятигорска до сел. Каменномостского по ближайшей колесной дороге 50 км.

В указанном «Кратком биографическом очерке Шора-Бекмурзйна-Ногмова» Берже писал: «После Шоры Ногмова осталось семейство, состоящее из жены, трех сыновей и дочери; в настоящее время живет в ауле Кармово, на Малке, близ поста у Каменного моста. Старший сын, поручик Урустам Шора Бекмурзин Ногмов, воспитывался в Павловском кадетском корпусе, служил в гусарах, а теперь живет в своем ауле».

Предводитель аула Кармово офицер, старшина своего аула Кзыльбеч Маетафович Кармов занял первым усадьбу 100 метров от Каменного моста на правом берегу реки Малки. Теперь на этой усадьбе живет младший родной брат незабвенного Кашежева Талиба Псабидовича Цацу. Первые основатели аула Кармово расположились своими усадьбами с примыканием непосредственно

к Каменному мосту на правом берегу реки Малка. Пост был в нескольких десятках метров от Каменного моста на левом берегу. Рвы,- окружавшие пост, и сейчас хорошо заметны, его пороховица стоит целехонькая, являясь хлевом хозяина, на дворе которого она существует «...близ поста у Каменного моста». Пост у Каменного моста, а «в ауле Кармово, на Малке, близ поста у Каменного моста», т. е. недалеко был аул Кармово от поста. В- то время место аула Кармово у Каменного моста было пусто, а аул Кармово был на территории хутора Прогресса на левом берегу реки Малка в 24 км от поста.

Материалы, легшие в основу для составления Берже «Краткого биографического очерка Шора Бекмурзина Ногмова», были получены так или иначе от военных лиц — от г. капитана генерального штаба И. И. Стебницкого или от начальника Кабардинского округа, г генерал-майора кн. В. В. Орбелиани. Военщине, разумеется, был значим и известен пост, а посему тогдашний аул Кармово, находящийся на востоке от поста в 24 км, соотнесли по пространственной близости к посту.

Старший сын поручик Урустам, который осуществил третье издание труда своего отца Шоры «История адыхейского народа» в 1893 г. в г. Пятигорске, умер примерно в девятисотых годах прошлого века и похоронен в его родном ауле Хажихабла. Никогда Ерустам не жил в ауле Кармово у Каменного моста и у поста. Имеются люди, сбитые с толку и ищущие место усадьбы Шоры и Урустама Ногмовых в сел. Каменномостском. В Хажихабле, сел. Каменномостском, Батахе (выселенцы из Хажихабла в составе Псынадахи) и поселке Этоке старожили хорошо знают Ерустама, старшину аула Ашабово (сел. Малки), долгое время сельчанина только Хажихабле. Насчет людей, сгруппировавшихся вокруг Атажукина Казн в 1865 г. и готовых взяться за обучение кабардинских детей родному языку, тов. Турчанинов в «Шоре Ногмов» (стр. 70) пишет: «В числе этих лиц оказываются: сын Шоры Ногмова — Ерустам Ногмов (аул Малка)...» Никогда и нигде в Кабарде или на другом месте не было. аула Малка. Сел. Малка до Великой Октябрьской социалистической революции называлось административно по-русски аул Ашабово, по-кабардикски — Ашабей, на карачаево-балкарском языке — Ашабай-кабак. До Октябрьской революции в административно называвшемся ауле Ашабово длиной в 8 км по сути дела были два селения: Хажихабла и Ашабей. Земли Хажихабла и Ашабей совершенно были разграничены так, как и с соседними селениями.

Дети Шоры

Квадратный дом Ерустама под железной крышей, стоявший недалеко от теперешней баклабаратории в сел. Малка, снесен примерно в 1937 году. Сейчас в бывшей усадьбе Ерустама, а потом, наследника его Щамгуна Еришидовича Ногмова живет Алий Гиссович Татарканов. У Ерустама Шоровича с женой Наго Магометовной (девичья фамилия Аджиева) детей не было. Поэтому Ерустам выпросил у своего родного брата Еришида Шоровича сына Шамгуна Еришидовича и Ерустам Шамгуна усыновил. Шамгун парнем приехал из .Турции в сел. Малка к Ерустаму. -

У Шамгуна Еришидовича Ногмова с женой Кукой (из рода Кармовых сел. Куба) было два сына. Шора, 1910 года рождения, названный по доброй памяти его прадеда, первого ученого Кабарды. Шора ц1ык1у (малый Шора)—так звали его хажихаблинцы. Малый Шора Шамгунович был мой ровесник, товарищ детства, умер в 1923 г. Второй сын Шамгуна, от родов которого мать Кука умерла, был назван Хамидом. В роду Ногмовых никого не было тогда, кроме Шамгуна и малого Шоры. Бижев Хацихуна Огурлиевич взял и воспитал Хамида Шамгуновича за добрую память о Шоре и об Ерустаме, которые добро относились к Бижевым, и в частности к бабушке Хацихуны Шыхлык. Бижевы принадлежали к Ногмовым, и они таврили тавром без всяких изменений Ногмовых. Жена Хацихуны Огурлиевича Гашамаша кормила Хамида по одной груди со своим сыном Саидом. В силу этого Хамид Шамгунович стал носить фамилию Бижев.

Бижев Хацихуна Огурлиевич и его жена мать-кормилица Хамида Шамгуновича из сел. Малка переселились в поселок Этоко в 1934 г. Оцн умерли и похоронены там.

В августе 1918 г. Шамгун убит недалеко от озера Тамбукан горячеводскими казаками. Б роду Ногмовых никого не было, кроме малых двух детей малого Шоры и Хамида. Мой отец Дзу Алиевич Афаунов стал опекуном малых Ногмовых и все фамильные денности Ногмовых: золотые часы, именной с золочеными ножнами кинжал, снабженный монограммной надписью Шоры Бекмурзина Ногмова, и т. д.— хранились у нас. В самое сложное время 1918—1919 гг., когда во время гражданской войны сел. Малка - переходила то к красным, то к белым, наша семья наследство Шоры Бекмурзовича Ногмова сумела полностью сохранить. В опасные моменты в закапывании этих ценностей я лично принимал участие. Эти ценности мы должны были возвратить по достижении совершеннолетия малому Шоре Шамгуновичу и Хамиду Шамгуновичу Ногмовым.

После установления власти белых в Кабарде в 1919 году вторая жена Шамгуна Ногмова Аджиева (девичья фамилия) ШаризаТ Карабатыровна со своей матерью Умберек от нас забрали все ценности Ногмовых при свидетелях. Одного из свидетелей живых помню: Теуважуков Хулей, старик — ровесник моего отца — теперь живет в сел. Баксан. Вторая жена Шамгуна потом вышла замуж за Дзуганова Хажи Кайсыновича в сел. Старый Черек и сейчас там живет. Пока у нее найден один сосуд для воды — гогон, которым пользовался Шора Бекмурзович.

Бижев Хамид Шамгунович работал учителем в-сел. Сармаково. Он здесь женился на Жриковой Таужан Гилостановне. Затем Хамид учительствовать переехал с женой в сел. Камлюко. В 1940 г. Хамид из сел. Камлюко Зольского района ушел на действительную военную службу. В момент начала Отечественной войны 1941—1945 гг. Хамид был в г. Житомире. В самом начале войны Хамид написал одно письмо жене, что едет на фронт, и он погиб на фронте. Сайд тоже погиб в Отечественной войне. Оба молочных брата — Сайд Хацихунович Бижев и Хамид Шамгунович Бижев — отдали свою жизнь в борьбе против фашизма за наше отечество.

От Хамида Шамгуновича Бижева остались сын и дочь: Бижев Валентин Хамидович, 17 августа 1940 г. рождения, и Бижева Нина Хамидовна, 10 мая 1941 г. рождения, которые живут в сел. Сармаково, Зольского района. Валентин закончил 10 классов в 1957 г. в сел. Сармаково, сейчас он служит на действительной службе в г. Красноводске. Нина учится в средней школе сел. Сармаково в 8-м классе.

Я считаю нужным заменить паспорта праправнучатам Шоры Бекмурзовича, восстановить у них фамилию Ногмов, оказать им материальную помощь в постройке своего дома и поддержку в дальнейшем их обучении.

Для большей наглядности приведу в компакте родословную праправнучат Шоры Бекмурзовича: 1) Шора Бекмурзович Ногмов; 2) Еришид Шорович Ногмов; 3) Шамгун Еришидович Ногмов; 4) Хамид Шамгунович Бижев и 5) Валентин Хамидович и Нина Хамидовна Бижевы.

На основании изложенных мной фактов, по нашим кабардинским понятиям, обычаям и особенностям, Шора Бекмурзович Ногмов считался и считается сельчанином Хажихабла, а также весь род от Шоры Бекмурзовича хажихаблинским

В целях исправления допущенного неправильного истолкования, что Шора Бекмурзович жил в сел. Каменномостском, считаю необходимым внести изменения в постановление Президиума Верховного Совета нашей АССР («Кабардинская правда» № 125 (4860)

от 24 июня 1944 г.): среднюю школу в сел. Каменномостском переименовать именем Кашежева Талиба Псабидовича, средней школе в сел. Малка присвоить имя Ш. Б. Ногмова.

Найден кремневый пистолет Шоры Бекмурзовича, подаренный старшему чабану Шомахо Казиевичу Хажногоеву в бытность Хажихабла у горы Бештау. Этот пистолет мне передал хажихаблинец 80-летний старик Асланби Бахситович Хажногоев, деду которого пистолет подарил Шора Бекмурзович. Шомахо Казиевич Хажногоев был старший чабан, в его отаре были овцы и Шоры Бекмурзовича. Кош стоял на ручейке Жамукоко близ Хажихабла у горы Бештау. Ночью волки, порвали несколько овец и приезд Шоры Бекмурзовича случился к этому происшествию, и он подарил кремневый пистолет бригадиру (лэгъупэжь) Шомахо. Надежда еще окончательно не утеряна что-нибудь найти из собственных ценных вещей Шоры с надписями.

На стр. 56 «Истории адыгейского народа» 1958 г. издания (г. Нальчик) имеется по транскрипции Берже Урустам пометка: «Сына Ногмова звали не Урустам, а Ерустам». Никогда кабардинцы — современники Урустама не говорили Ерустам, и мы, теперешние пожилые кабардинцы, не говорим Ерустам, а непременно произносим Урыстам (кабардинское написание).

Второго сына Шоры звали по-кабардински Ерышыд (русское написание Ерешид). Это арабское слово Рашид, означает на арабском языке разумный, благоразумный.

2 июня 1960 года

Б. А. ГАРДАНОВ, Т. Х. КУМЫКОВ

ПРИМЕЧАНИЯ-КОММЕНТАРИИ

I (с. 49). Адольф . Петрович Берже (1828—1886) — известный кавказовед второй половины XIX в. В 1851 г., после окончания восточного факультета Петербургского университета, он поступил на службу в аппарат Главного управления наместника кавказского в Тифлисе, где и протекала в дальнейшем вся его административная и научная деятельность.

Имея по роду своей службы доступ к ценнейшим документальным материалам по истории и этнографии Кавказа, сосредоточивавшимся в архиве Главного управления кавказского наместника, Берже на основании этих материалов написал ряд очерков и статей, в числе которых следует назвать «Прикаспийский край» (1856), «Краткий обзор горских племен на Кавказе» (1858), «Материалы для описания нагорного Дагестана» (1858) и др. Но главной научной заслугой Берже является издание огромного документального материала, который лежал недоступным для исследователей в архиве Главного управления кавказского наместника в Тифлисе. В 1864 г. по инициативе А. П. Берже для издания этих документов была создана Кавказская археографическая комиссия, работой которой он руководил до самой своей смерти. Трудами Берже и других сотрудников Кавказской археографической комиссии были подготовлены и опубликованы десять томов «Актов Кавказской археографической комиссии» (последние, одиннадцатый и двенадцатый, тома «Актов Кавказской археографической комиссии» вышли из печати уже после смерти А. П. Берже).

В 1861 г. А. П. Берже издал «Историю адыхейского народа» Ш. Б. Ногмова, подлинную рукопись которой он, видимо, обнаружил (вместе с другими бумагами Ногмова, пересланными в 1845 г. из Петербурга в Тифлис), знакомясь с материалами архива Главного управления наместника кавказского.

II (с. 50). Биография Шоры Бекмурзовича Ногмова известна пока лишь в самых общих чертах. Причина этому—прежде всего скудность и отрывочность имеющихся о его жизни и деятельности фактических сведений. Уже А. П. Берже, собиравший сведения о Ш. Б. Ногмове в Конце 50-х годов прошлого столетия, встретился с большими трудностями при выяснении самых элементарных фактов биографии первого кабардинского ученого, хотя в то время еще были живы многие лица, близко знавшие Шору, в том числе его жена и старший сын Ерустам. Вследствие этого Берже вынужден был ограничиться составлением весьма краткого и одностороннего биографического очерка о Ш. Б. Ногмове. Берже сам указал на коренной недостаток этого очерка, заключающийся в том, что сообщаемые им «сведения о жизни автора предлагаемой книги касаются больше внешних сторон его жизни, что по необходимости обусловливается свойствами тех источников, какие мы имели под рукою. Для характеристики его внутреннего развития, к сожалению, у нас не было никаких данных» (выделено нами. — ***Ред.).*** Берже далее справедливо отметил, какое исключительно важное значение для характеристики замечательной личности Ногмова имеет выяснение его «внутреннего мира и нравственных качеств». Мы не можем особенно упрекать Берже в том, что юн не занялся выяснением подлинной «внутренней», духовной стороны жизни Ш. Б. Ногмова. Это было не под силу Берже не только вследствие отсутствия в его распоряжении соответствующих источников, но и потому, что Берже с его консервативным мировоззрением невозможно было проникнуть во внутренний мир людей такого склада, каким был Шора Ногмов. Несмотря на эти недостатки, биографический очерк А. П. Берже до сих пор еще имеет большое значение для всех, изучающих жизнь и деятельность первого кабардинского ученого, так как в этом очерке содержится ряд ценных фактических сведений.

III (с. 53). Сообщение А. П. Берже о знакомстве Ногмова с Пушкиным и о том, что «Ногмов содействовал поэту в собрании местных народных преданий и что поэт в свою очередь исправлял Ногмову перевод песен с адыхейского языка на русский»,— представляет исключительный интерес как для биографов Ногмова, так и для литературоведов, изучающих кавказскую тематику в творчестве великого русского поэта. К сожалению, до сих пор не удалось обнаружить какой-либо документальный материал, подтверждающий факт личного знакомства и творческого сотрудничества Пушкина с Ногмовым. Пока исследователи должны искать соответствующий материал лишь в анализе кавказских произведений Пушкина и ногмовских переводов исторических сказаний и песен с кабардинского языка на русский. В этой связи заслуживает осо-

бого внимания высказанное впервые В. Л. Комаровичем предположение, что прообразом для героя второй (незаконченной) кавказской поэмы Пушкина (первоначально печатавшейся под названием «Гасуб», позднее «Галуб» или «Тазит»; авторского названия не имеет) является Ш. Б. Ногмов (см.: ***В. Л. Комарович.*** Вторая Кавказская поэма Пушкина, «Пушкинский Временник Пушкинской комиссии». М.; Л., 1941. Т. 6). Действительно, многое **в** духовном облике пушкинского Тазита (так называется герой второй кавказской пушкинской поэмы) напоминает нам Ш. Б. Ногмова. Гипотеза В. Л. Комаровича требует, однако, дальнейшей разработки и уточнения (см. статьи: Б. А. Гарданова и И. В. Трескова в УЗ КНИИ. Т. 1 (1946) и УЗ КБНИИ. Т. 12 (1957); С. А. Андреева-Кривича в «Советской этнографии» (1948, № 3); И. В. Трескова «Творческое содружество». Нальчик, 1956; X. Теунова «Свет с севера». М., 1956; А. X. Хакуашева «Адыгские просветители». Нальчик, 1978).

IV (с. 54). В данном предисловии А. П. Берже соединил воедино «Предисловие» и «Введение» Ш. Б. Ногмова, мотивируя это тем, что «в одном повторяется многое, что есть в другом, а в последнем недостает того, о чем говорится **в** первом» (см. «Предисловие» Берже к «Истории адыхейского народа» Ногмова. Тифлис, 1861. С. 4). Текст Ногмова подвергся, таким образом, в данном случае наибольшей редакционной правке, причем, судя по ленинградской рукописи, Берже допустил серьезные отступления от авторского текста.

V (с. 54). В данном случае Берже перенес начало «Предисловия» Ногмова в середину текста, составленного им.

В ленинградской рукописи начальные строки авторского «Предисловия» читаются так:

«Издревле обитающий на Кавказе черкесский народ занимает пространство от реки Терека до восточного берега Черного моря. Кабардинское племя есть самое образованное и самое знаменитое изо всех многочисленных его подразделений. Язык кабардинцев считается самым чистым наречием из числа языков черкесского народа. На этом диалекте, как на господствующем, сочинены были песни в древности гекуоками или поэтами и существуют многочисленные и разнообразные исторические предания.

В этих песнях, так же как и в рассказах, оставшихся **в** Кабарде, находится очень много любопытного. В них можно найти изображение обычаев и нравов наших предков. В песнях прославляются герои нашего отечества и повествуются их подвиги. В наименованиях урочищ находятся названия, упоминающие важнейшие события жизни нашего народа.

Все эти драгоценные остатки старины никем еще не исследованы, что побудило меня собрать уцелевшие сведения от отживших веков и представить их в хронологическом порядке» (ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 478, л. 14—14 об.).

Отмечаемое Ш. Б. Ногмовым особое положение кабардинцев среди других адыго-черкесских племен явилось результатом развития у них более быстрыми темпами феодальных отношений.

VI (с. 55). Здесь А. П. Берже при редактировании «Предисловия» Ногмова выпустил важную мысль автора «Истории адыхейского народа», что, приступая к своему труду, он имел в виду привлечь внимание «просвещенной публики в России» к истории своего народа.

В ленинградской рукописи эти строки читаются так: «Принимаясь за это дело, я имел целью: во-первых — заслужить благосклонное внимание просвещенной публики в России (выделено нами.— ***Ред.),*** а во-вторых,— приохотить и своих соотечественников к умственным занятиям литературой, которые находятся до сих пор в пренебрежении, но кои могут со временем доставить им все выгоды просвещения и образованности» (ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 478, л. 15 об. — 16).

Таким образом, Ш. Б. Ногмов писал свой исторический труд не только для кабардинцев, но и для русских. Берже исказил текст ногмовского предисловия, когда вычеркнул подчеркнутые нами слова и вставил в него эти слова: «единственно из искреннего желания» («приохотить моих соотечественников»).

VII (с. 57). «Зихи» (в написании Ногмова — «зюги») античных авторов или «джихи» грузинских источников — одно из древнейших племенных названий автохтонных обитателей Черноморского побережья Западного Кавказа. По соседству с ними древнегреческие писатели обычно называли керкетов и синдов, которые, как и зихи, несомненно, являются предками адыго-кабардинцев.

Шора Ногмов был один из первых, кто указал на это обстоятельство и справедливо увидел в имени «черкес» видоизменившееся со временем древнегреческое наименование «керкет». Заслуживает внимания и высказанное Ногмовым предположение, что этнический термин «зихи» — «джихи» являлся одним из древних самоназваний адыго-кабардинцев. Позднее Л. Г. Лопатинский обосновал это в своей статье «Заметки о народе адыге вообще и кабардинцах в частности» (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Вып. XII).

VIII (с. 58). Ш. Б. Ногмов безусловно прав, указывая, что предки кабардинцев жили «по берегу Черного моря». Поскольку кабардинцы по своему происхождению являются одной из отраслей адыго-черкесских племен, пребывание их предков **в севере-**

восточной части Причерноморья и низовьях Кубани бесспорно и единогласно подтверждается свидетельствами античных авторов. Данные кабардинского фольклора также говорят о том, что предки кабардинцев первоначально жили у берегов Черного моря.

IX (с. 59). Сообщая о кабардинских преданиях, которые знали на Северном Кавказе «народ», обитавший «от р. Терека до рек Волги и Дона», Ногмов, видимо, имеет в виду северокавказскнх аланов, под именем которых у средневековых писателей нередко фигурировали не только предки современных осетин, но и все северокавказские племена, включая сюда и адыгов-кабардинцев. Сам Ногмов подчеркивает, что это тот же «народ», под которым автор «Дербент-Наме» подразумевает «все племена, обитающие от Терека до восточного берега Черного моря».

Что же касается того, что этот «народ», в котором Ногмов видит также и предков кабардинцев, распространял свои поселения и «по обе стороны Азовского моря», доходя до крымских степей, то это следует понимать в том смысле, что и в Крыму могли находиться поселения аланов-осетин и адыгов-кабардинцев. Как мы знаем, в Крыму, в период раннего средневековья действительно обитали и аланы («яссы», «ассы»), и черкесы. Черкесские поселения здесь сохранились, вероятно, дольше аланских, поскольку связи Крыма с адыгскими племенами Северного Кавказа не прервались н после монгольского нашествия, тогда как с аланами, оттесненными в глубь Кавказских гор, связи Крыма почти совершенно прекратились. О сравнительно позднем пребывании черкесов в Крыму свидетельствует, в частности, тот факт, что еще в первой половине XIX в. долина речек Кача и Бсльбск была известна у местных жителей под названием — «Черкесская долина», а верхняя часть этой долины называлась —«Кабардою» (ср. прим. А. П. Берже к «Истории адыхейского народа». Тифлис, 1861. С. 19).

X (с. 60). Анты, под именем которых в первые века н. э. были известны восточнославянские племена, ошибочно отождествляются Ногмовым с предками адыгов-кабардинцев. Сведения об антах Ногмов заимствует из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (Т. 1. Гл. 1 и 3), в которой довольно подробно излагаются известия основных источников об антах, в том числе готского историка VI в. Иордана (в написании, принятом у Карамзина, Иорнанда), византийского писателя VI в. Прокопия Кесарийского и др. В главах II, III и IV «Истории адыхейского народа» Ногмов неоднократно касается вопроса об антах и указывает, что все известия об этом народе полностью приложимы к древним адыгам — «кавказским антам», как он их называет.

XI (с. 60). Ошибочно отождествляя предков адыгов-кабардинцев со славянами-антами, Ногмов считает, что, поскольку анты

при движении готов были оттеснены на запад, то это означает, что и предки кабардинцев также частично были оттеснены на запад в первые века н: э. Однако никаких сведений о передвижении адыгских племен на запад в первые века н. э. в источниках того времени мы не находим.

XII (с. 61). Хазары — народ тюркского происхождения, с VII в. обосновавшийся в степях Нижнего Поволжья, Придонья и Северного Кавказа. В VIII—IX вв. хазары устанавливают свое господ^ство над- народами Северного Кавказа и создают довольно сильное государство, охватившее территорию от Дагестана до Крыма. Столица Хазарского царства — Итиль находилась в усгье Волги. Хазары пытались подчинить себе и восточнославянские (русские) племена, чо образовавшееся в IX в. Древнерусское (Киевское) государство, объединившее все восточнославянские племена, не только приостановило агрессию хазар, но и положило конец их господству на Северном Кавказе. В 60-х годах X в. великий князь киевский Святослав разгромил Хазарское царство и завладел всей его территорией, при этом под властью киевского князя оказались народы Северного Кавказа — яссы (осетины) и касоги (адыго-кабардинцы), ранее в той или иной мере зависевшие от хазар (см.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 122—128).

XIII (с. 61). Сарматы или савроматы, как их называли античные писатели V—III вв. до н э., стали с конца V — начала IV в. до н. э. проникать из района своего первоначального заселения (поволжские и южноуральские степи) в степи Придонья и Северного Кавказа.

Наиболее ранние сарматские археологические памятники на Кубани, з непосредственном соседстве с адыгскими (меотскими) племенами, датируются III—И вв. до н. э. (см.: ***Н. В. Анфимов.*** Меотосарматский могильник у станины Усть-Лабинской. МИА. 1951. № 23). Эти памятники относятся, по-видимому, к сарматскому племени сиракам, которые на рубеже нашей эры, по. описанию Страбона, занимали земли от низовьев Дона до Кавказского хребта. Восточнее их, в северокавказских степях, вплоть до приморской части Дагестана обитало сарматское племя аорсы. Сираки - находились в тесных связях с меотскими племенами и частично даже смешались с ними, приняв, таким образом., определенное участие в этногенезе адыго-кабардинцев. Поэтому для нас очень ценно свидетельство Ногмова, что «в памяти народной» сохранились предания о происхождении некоторых адыго-кабарднНскнх фамилий от сарматов.

XIV (с. 62); Переселение коптов й арабов в Адыгею потомками Араб-хана—это легендарное известие, "не соответствующее дейст-.

Ьительности. Происхождение этой легенды было связано с попытками кабардинских князей вывести свою родословную от знатных владетелей мусульманского Востока.

XV (с-62). «Кавказские анты», под которыми Ш. Б. Ногмов подразумевает предков адыго-кабардинцев, никогда не подвергались завоеванию и колонизации египетскими властителями, почему и никаких изменений это в язык адыго-кабардинцев внести не могло (ср. выше, прим. 14).

XVI (с. 63). В литературе под именем «Джулат» (у Ногмова «Жулат») известны развалины двух древних городов на берегах Терека, расположенных неподалеку друг от друга, что нередко приводило к смешению и путанице сведений о них (см. прим. XXXVII).

XVII (с. 63). Меотами (в написании Ногмова «моеты») древнегреческие, а за ними и римские писатели называли племена, обитавшие по восточному берегу Азовского моря (Меотиды) от устья Дона до Кубани. Среди меотских племен .были кочевники-скотоводы и оседлые земледельцы, занимавшиеся вместе с тем рыболовством. Меотские племена, населявшие низовья Кубани, могут быть с полным основанием отнесены к предкам адыгов-кабардинцев, но вряд ли меоты проникли так далеко в глубь Кавказских гор, что могли построить здания в Карачае, как это сообщает Ногмов на основании местных преданий (см.: *В. П. Шилов.* О расселении меотских племен. «Советская археология». 1950. Т. 14).

Синды — меотское племя, обитавшее в античную эпоху на Таманском полуострове и находившееся в тесных сношениях с соседними греческими колониями Боспора, под влиянием которых •синды в значительной степени эллинизировались. Синды в своем социально-экономическом и культурном развитии опередили другие меотские племена и создали во второй половине V в. до н. э. свою государственность, о чем свидетельствуют монеты синдских царей, чеканенные по греческому образцу. Позднее Синдика вошла в состав Боспорского царства.

XVIII (с. 67). Ногмов неправильно считает, что под именем древних «оссов» в письменных источниках и преданиях фигурируют не осетины, а абазинцы. Это ошибочное утверждение встречается в «Истории адыхейского народа» неоднократно, и Ногмов даже полемизирует с Карамзиным, который справедливо считал, что оссы, или «яссы» русских летописей,— это предки осетин (ср.: История адыхейского народа. 1861. С. 76).

XIX(с. 69). Ногмов дает здесь краткое, но весьма точное и ценное по содержанию описание обычая аталычества, игравшего важную роль, в кабардинском феодальном обществе. Обычай аталычества был широко распространен на Кавказе и является очень архаичным по своему происхождению; он уходит своими корнями

в переходное от матриархата к патриархату время. Подробней об аталычестве см. статью М. О. Косвена «Аталычество» (Советская этнография. 1935, № 3).

XX .(с. 74). При характеристике общественного и политического строя адыгов-кабардинцев Ш. Б. Ногмов. по-видимому, пользовался описанием кабардннското народа, сделанным в известном сочинении Иосифа Дебу «О Кавказской линии» (Сиб., 1829) на основании текста составленного П. С. Потемкиным в 1784 г. «Краткого описания о кабардинских народах». На это предположение наводят нас почти буквальные совпадения соответствующих страниц «Истории адыхейского народа» (в издании 1861 г., с. 39—41) с потемкинским описанием кабардинцев, которое, как нам кажется, могло стать известным. Ногмову скорее всего через посредство сочинения И. Дебу, так как другое издание, где был опубликован потемкинский текст — «Описание горских народов», напечатанное С. Д. Бурнашевым в 1?94 г. в Курске,— является очень редким и вряд ли могло попасть в руки кабардинского историка.

Из потемкинского описания взято Ногмовым и ошибочное утверждение: «Князья не имели собственности: все принадлежало народу, но уорки имели собственность». Ср. у П. С. Потемкина: «Никакой князь, или владелец, не имеет ни малейшей собственности, некоторые уздени имеют собственность, впротчем все принадлежит народу...» ***(Б. А. Гарданов.*** Описание кабардинского народа, составленное в 1784 г. П. С. Потемкиным // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1956. Вып. 5. С. 142).

XXI **(с.** 75). Как известно, Ш. Б. Ногмов был одним из первых, кто занялся изучением адыгского языка и его грамматического строя. Кабардинский ученый совершенно правильно подметил, что адыгский язык принадлежит к особой языковой. группе, отличной «от всех европейских и азиатских языков».

XXII **(с.** 77). В бумагах акад. А. М. Шёгрена сохранилась копия записи Ш. Б. Ногмовым на кабардинском языке **(с** помощью кабардинского алфавита, составленного Ногмовым на русской графической основе) этой же исторической песни (ср.: ***Ш. Б. Ногма.*** Филологические труды. Исследовал и подготовил к печати Г. Ф. Турчанинов. Нальчик, 1956. Т. 1. С. 44—45).

XXIII (с. 77). Хан Девлет-Гирей в 1717 г. находился у власти всего лишь несколько месяцев (с декабря 1716 по февраль 1717 г.), за ним ханский престол занял Сеадет-Гирой III (с 1717 по 1727 г.). (Ср.: ***В. Д. Смирнов.*** Крымское ханство в XVIII веке. Одесса, 1889. С. 30—31).

Сведения о крымских ханах Ш. Б. Ногмов, вероятно, черпал из. сочинений крымско-турецких историков. В частности, Ногмов мог использовать сочинение крымского историка Сейид Мухаммед-

Ризы (ум. в 1756 г.) под названием «Семь планет в известиях о царях татарских» («Ас-себъу-с-сейяр фи ахбари мулюки татар»), доведенное до времени Менгли-Гирей-хана, который вторично был возведен на престол в 1737 г. Это сочинение было в 1832 г. издано проф. Казсм-Беком в Казани. В 1835 г. Казем-Бек напечатал в «Журнале Мин. нар. проев.» (ч. VI) «Извлечения из истории семи планет».

XXIV (с. 83). Вторгшиеся в IV веке в пределы Восточной Европы из азиатских степей гуннские орды подвергли разгрому и жителей равнин Северного Кавказа. Поэтому неудивительно, что у коренного населения могли сохраниться предания об этом вторжении. Интересно сообщение Ногмова, что у адыгов имелась песня, в которой упоминается гуннский царь Аттила (433—453 годы царствования) с эпитетом «бич божий», который дали ему современники за жестокость его завоеваний. Но совершенно невероятно, что Аттила доходил до Эльбруса (Шад-горы), так как центр его державы находился в Венгрии, а главное направление его экспансии было на Запад, в пределы Римской империи.

Гунны вообще вряд ли проникали в глубь Северо-Западного Кавказа, хотя через Дарьял и Дербентский проход они врывались в Закавказье. По всем данным, предки адыго-кабардинцев сравнительно мало пострадали от гуннских вторжений, и здесь слова приводимой Ногмовым исторической песни, что «бог помиловал наши горы и ущелья», вполне справедливы.

XXV (с. 84). Упоминаемый неоднократно в «Истории адыхей-* ского народа» князь Лавристан — один "из любимых героев Ш. Б. Ногмова, который ошибочно отождествляет этого легендарного адыгского князя с известным в истории вождем антов — Лавритасом, ведшим борьбу с аварами («обрами» русских летописей).

XXVI (с. 85). Отрывок песни о Байкан-хане в записи Ногмова на кабардинском языке (копия сделана акад." Шёгреном) опубликован в первом томе его «Филологических трудов» (см. с. 49—50)'.

XXVII (с. 86). Ногмовская запись этого сказания на кабардинском языке (копия сделана акад. Шёгреном) приведена в первом томе его «Филологических трудов» (см. с. .51—52).

Г. Ф. Турчанинов, опубликовавший эту запись, в своем комментарии указывает, что Ногмоз ошибочно ставит название «Гуртат» в связь с развалинами крепости на реке Куре. По мнению Турчанинова, здесь речь идет об одной из крепостей в Куртатиском ущелье в Северной Осетии. «Гуртат,— утверждает Турчанинов,— это не что иное, как Куртата», упоминаемая в «Географии» грузинского царевича Вахушти (1696—1772), «сильная крепость на скале,

на левом берегу реки Фиагдона, притока Терека» ***(Ш. Ногма.*** Филологические труды. Т. 1. С. 53).

XXVIII (с. 87). Здесь Ногмов, верный своей ошибочной идее — отождествлению древних адыгов с антами, уже прямо ссылается на текст «Истории государства Российского» Карамзина, считая, что весь рассказ о Лавритасе относится к адыгскому князю — Лавристану, так как византийские историки якобы спутали «славян европейских» с «кавказскими антами».

XXIX (с. 94). «Египетская генеалогия» кабардинских князей — это не просто случайная легенда книжного происхождения. С разложением патриархально-родовых устоев и развитием феодальных отношений выделяется аристократия, феодальная знать, которая стремится возвыситься над массой соплеменников. Возникает необходимость к появлению особой, отличной от общенародной и очень часто инонациональной родословной местной феодальной знати. Это — распространенное явление у всех народов (см. Сборник статей по истории Кабарды. Вып. 5. С. 158—16Ц ***Б. А. Гарданов.*** Материалы по обычному праву кабардинцев, 1956. С. 158—162).

XXX (с. 99). Здесь Ш. Б. Ногмов неправильно возражает Карамзину. Как уже указывалось, яссы — это предки осетин, а не абазинцев. В русской летописи под 965 годом упоминается, что Святослав совершил поход на юг против Хазарского коганата «и победил ясов и касогов».

«В лето 6475 (965) иде Святослав на козари. Слышавше же Козаре, изыйдоша противу ему со князем своим Хаганом и соступившеся крепко бишася, и одоле Святослав казаром и град их Белую Вежу взят, и победы ясы и касоги, и прииде ко Киеву» (ПСРЛ. Т. 2. С. 245).

XXXI (с. 102). В 1022 году Мстислав совершил поход на «касоги». В результате адыги стали платить дань в пользу тмутараканского князя. Русская летопись сохранила интересные сведения об единоборстве адыгского князя Редедя с тмутараканским князем Мстиславом Владимировичем Удалым.

«В лето 6530 (1022) поиде Ярослав (Владимирович Мудрый, великий князь киевский. — ***Ред.)*** к Берестю, а Мстислав' брат его, иже бе во Тмуторокане, пойде на касоги. Слышав же се Редедя князь касожский, изыйде против ему, и оставшим обема полком противу себе, и рече Редедя к Мстиславу: «Почто имамы губитк дружину? Но мы сами кроме оружия боремся: аще ты, одолееши, возмеши мою жену и чада и все имение, и землю мою; аще ли аз одолею, аз твое все возьму». И рече Мстислав: «Буди тако». Изседше с коней начаша братися, и начат одолевати Редедя, бе бо велик и силен. Мстислав же моляшеся богу и пресвятой Богоро-

дицы творя обеты, глаголя: «Просвятая Богородица! Помози мне победити сего врага, и созижду тебе церковь»; и абие одоле Редедю и удари им о землю, также и гортань ему ножем прободе, и конечно уби его. Мстислав же вшед в землю его и взял вся, яже бяше его, и жену и чада и проч., а на касоги дань возложи, и взвратися с радостию ко Тмутараканю; и абие созда церковь пресвятой Богородицы, по своему обету яже стоит и доныне». (ПСРЛ. Т. 2, С. 264; см. также: ПСРЛ. Т. 1. С. 63)

Этот эпизод борьбы Мстислава Храброго с Редедей вошел в древнерусский фольклор. В «Слове о полку Игореве» древнерусский певец Боян поет: «Храброму Мстиславу, зарезавшему Редедю перед войсками касожскими».

XXXII (с. 105). См.: ***Ш. Б. Иогма.*** Филологические труды. Т. 1. С. 59—60.

XXXIII (с. 109). Деятельность кабардинского князя Пшеапшоко относится ко 2-й половине XVI—началу XVII в.. Он был современником Темрюка Идарова и неоднократно выступал против него. Однако Пшеапшоко и его приближенным не удалось установить свое господство в Кабарде. Только после смерти Темрюка Идарова (в 70-х годах XVI в.) ему удалось расширить свое влияние среди кабардинцев. В конце XVI в. наиболее известными владетелями были: в Большой Кабарде Пшеапшоко, Казыевы, а в Малой Кабарде Шолоховы и Мударовы. Последние происходили от князей Шолоха Тапсарукова из рода Таусултана и Мудара Алкасова из рода Клехстана (см.: ***Е. Н. Кушева.*** Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.//Исторические записки. № 34; ***Она же.*** Социально-экономические и политические отношения в Кабарде в XVI—XVII в. // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1956. Вып. 5).

XXXIV (с. ПО). Описываемые здесь события относятся к концу XVI и первой половине XVII в. Это можно установить хотя бы из того, что упоминаемые в этой исторической .песне кабардинские князья Шолох, Пшеапшоко и др. жили на рубеже- XVI—XVII вв. Длительная война кабардинцев * с калмыками (тургутами), которая шла с переменным успехом, не могла не отразиться в кабардинских преданиях и песнях. В первой половине XVII в. начали проникать в северокавказские степи калмыки, шедшие из-за Волги. В 1644 г. старший калмыцкий тайша Урлюк с большим отрядом войск вторгся в Кабарду, но потерпел поражение, в бою были убиты военачальник Урлюк и несколько его сыновей. Кабардинцы взяли много пленных.

Ногайские мурзы также совершали набеги на Кабарду. Со своей стороны кабардинские князья совершали ответные походы на ногайцев. В XVI в. продолжалась агрессия крымских ханов на

«Черкесские земли» (см.: История Кабарды (с древнейших времен до наших дней), гл. 4; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Т. 12. С. 27—36).

XXXV (с. ПО). См.: ***Ш. Б. Ногма.*** Филологические труды. Т. 1. С. 65—66).

XXXVI (с. 113). Генерал-майор Еропкин в своей записке о «кабардинских народах», составленной в 1732 г. по поводу разделения Кабарды на Большую и Малую, указывает, что знатные кабардинские владельцы, братья фамилии Кабарты, «лоссорясь между собой», разделились с их подвластными и поселились порознь. Старший брат остался при р. Баксан и отсюда название Большой Кабарды, а младший — при р. Терек, и с того времени эта часть Кабарды получила название Малой Кабарды.. С тех пор кабардинцы «в этом месте живут и никуда не сходили» (ЦГАДА, Кабардинские дела, 1733, д. 2, л. 6).

Разделение Кабарды на Большую и Малую явилось результатом борьбы феодальных группировок. Наличие на протяжении многих веков такого деления Кабарды на два больших феодальных владения ослабляло кабардинский народ в его борьбе против грабительских нашествий крымских ханов и способствовало образованию терского говора кабардинского языка.

XXXVII (с. 116). Существуют два Джулата: нижний на правом берегу Терека, близ пос. Джулат, и верхний на левом берегу Терека, близ станицы Змейской. От верхнего Джулата сохранился лишь высокий кирпичный минарет под названием Татартуп. Здесь в 1395 г. произошла битва, в которой Тамерлан разбил Тохтамыша (см.: ***С. М. Соловьев.*** История России с древнейших времен, 2-е изд. Спб., 1829, 4; ***Е. Вейденбаум.*** Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888. С. 224; Труды Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1907, см. «Два исторических документа императрицы Екатерины II о древностях Волги и Кавказа»; ***Л. П. Семенов.*** Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947).

XXXVIII (с. 118). См.: ***Ш. Б. Ногма.*** Филологические труды. Т. 1. С. 69—74.

XXXIX (с. 119). См.: ***"Ш. Б. Ногма.*** Филологические труды. Т. '1. С. 76—78.

ХЬ (с. 122). По словам русского посла в Турции в 1570 г. Ивана Новосильцева, князь Темрюк Идаров считал, что земля «по Терке по реке и до моря его, Темрюка, и зверь бил и рыбу ловил» (Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. Изд. АН СССР. М.; Л., 1954. С. 90).

Темрюк Идаров проводит ряд мероприятий по ликвидации феодальной раздробленности Кабарды. При поддержке Русского государства ему удалось подчинить своей власти почти всех кабардинских феодалов, последние «учали быти послушни и дани ему учали давати и во всей учинилися в Темрюкоэе-князе воле». (ПСРЛ. Спб„ 1904. Т. 13. С. 344; см.: ***Е. Н. Кушева.*** Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.// Исторические записки. 4950. № 34).

ХЫ (с. 122). В ноябре 1552 г. в Москву прибыло первое по летописным данным посольство от адыго-кабардинцев, в состав которого, входили князья Маашук, Иван Езбозлуков и Танашук. Посольство просило, чтобы «их государь пожаловал, вступился в них, а их с землями взял к себе в холопи, а от крымского царя* оборонил» (ПСРЛ. Спб., 1904. Т. 13. С. 228).

Вместе с Маашуком, Езбозлуком и Танашуком туда было направлено царское посольство во главе с боярским сыном Андреем Щепбтьевым. В августе 1555 г. Щепотьев вернулся в Москву. С ним прибыло большое посольство в составе Сибока| Ацимгуко„ Куданека и Тутарыка Езбузлуева. Посольство сопровождала многочисленная свита (Г50 человек). Послы били челом ото всей земли черкасские, «чтобы государь пожаловал, дал им помощь на турские городы и на Азов и на иные городы и на крымского царя* а они холопы царя и великого князя с женами и с детьми вовеки»..

Андрей Щепотьев в присутствии членов царского двора и кабардино-черкесских послов сообщил царю Ивану IV о том, что* они «дали правду всею землею быти им неотступным от царя и- великого князя и служити им в веки, как им государь велит»-' «Царь и великий князь их пожаловал великим своим жалованьем»- (ПСРЛ, 1904. Т. 13. С. 259; Сборник императорского Русского» исторического общества. Спб., 1887. Т. 59. С. 480).

По поводу просьбы кабардино-черкесов оказать им военную» помощь против турецких городов правительство заявило, что вь настоящее время Русское государство в «миру» с Турцией, поэтому оно не может открыть военные действия против нее. Правительство заверило послов, что оно будет оборонять адыгов от* Крымского ханства.

Следующее посольство прибыло в Москву в июле 1557 г. «Того же году, месяце июле, прислал из Астрахани Иван Черемлсинов да Михаило Колупаев Васку Врыжского с черкесским мурзою с Кавклычем Кануковым, а пришел от братии от кабардинских князей черкасских от Темрюка да от Тазрюта-князя бити челом., чтобы их государь пожаловал, велел им себе служити и в холопстве их учинил, а на Шавкал бы им государь пожаловал, астраханским воеводам велел помощь учинити» (ПСРЛ. Спб., 1904. Т. 13. С. 284)..

Политический союз, заключенный между Кабардой и Россией, <был важным событием в истории кабардинского народа. Это признавали русские ученые и адыгские просветители. Хан-Гирей писал- «В 1552 году кабардинцы вместе с другими черкесами просили через своих послов царя Иоанна Васильевича IV защитить от Крымских ханов, подвергая себя под власть России» ***(Хан-Гирей.*** Записки о Черкессии. Нальчик, 1992. С. 151).

Покровительство Русского государства способствовало расширению и укреплению позиций Кабарды на Северном Кавказе, дальнейшему развитию связей между народами Кавказа и России (См.: Кабардино-русские отношения XVI—XVIII вв. Т. 1—2. М.. 1957).

ХЫ1 (с. 123). В литературе часто встречается название «пятигорские черкесы», причем под этим названием подразумеваются кабардинцы. По свидетельству С. Бронсвского, пятигорские черкесы — это «частное название, относящееся только к кабардинцам» ***(С. Броневский.*** Новейшие географические и исторические известия ***ю*** Кавказе. М., 1823. Ч. 2. С. 43). По мнению Гербера, кабардинцы называются также «пятигорскими черкесами» (Сочинения и переводы к пользе и увеселению. Спб., 1760, с. 22).

Книга Большому чертежу так определяет расселение пятигорских черкес: «Река Терек потекла из реки из Кура в ночь горы. А на низ по Терку, с левые стороны реки Терка, Кабарда... А от Кабарды, от Киз-рски вниз Терком рекою, до усть реки Белыя, 60 верст, протоку Белыя реки 200 верст. А в реку в Белую пала река Черем; а ниже Чсрем реки 20 верст река Баксан Меньшой. А ниже другая река Баксан Середней, 20 верст. А ниже Баксан реки река Палк 20 верст; а сошлися те 4 реки все в одно место и оттого потекла одна река Белая, а по тем рекам земля Пятигорских черкас. А протоку тех рек сверху до Терка 90 верст; по тем рекам Пятигорские черкасы» (Книга Большому чертежу. М., 1950, с. 90). Таким образом, из этой книги видно, что пятигорские черкесы жили по рекам Баксан, Чегем, Малка, протекающим по территории Большой Кабарды. Е. Н. Кушева высказала мнение о том, что понятие «пятигорские черкесы» применялось также к западным черкесам (см.: Исторические записки. 1950. № 34).

ХИН (с. 123). Описываемые здесь столкновения Крымского ханства с Россией и Кабардой относятся к 1569—1571 гг. Султанская Турция, воспользовавшись тем, что Россия была занята войной в Прибалтике, решила захватить устье Волги и Астрахань, а затем усилить экспансию на Северный Кавказ. Этим, в частности, была вызвана астраханская экспедиция турецких войск в 1569 г. Во время этой русско-турецкой войны союз Кабарды с Русским государством сыграл положительную роль. В войне кабардинцы

стояли на стороне русских и «способствовали довершению поражения» турецкой армии (Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 116). Кабардинцы поджидали отступавших турок и крымских войск. Они напали на неприятеля около» Белого озера, в 60 километрах от Астрахани, и разбили его наголову ***(И. Попко.*** Терские казаки с стародавних времен. Спб., 1880. С. 30).

После ликвидации турецкой угрозы Астрахани Русское государство, занятое разрешением проблемы Балтийского моря, решило временно очистить городок на Тереке и вывести гарнизон в; Астрахань. Воспользовавшись этим, крымский хан Девлет-Гирей; совершил поход против Кабарды. В ожесточенном бою Темрюк был тяжело ранен. Два его сына, Мамстрюк и Беберюк, были взяты в плен. ***(Н. М. Карамзин.*** История государства Российского,, т. ~9, прим. 350; см.: Ученые записки КНИИ. Нальчик, 1955. Т. 10. С. 9).

ХЫУ (с. 124). ***Ш. Б. Ногма.*** Филологические труды. Т. Г. С. 81—84.

ХЬУ (с. 125). Голиков в «Деяниях Петра Великого», а вместе с ним и Шора Ногмов, считают, будто княжна Мария с братом Михаилом попали в Москву в качестве аманатов. Такой взгляд: едва ли можно считать состоятельным, ибо история русско-кавказских отношений не знает ни одного случая посылки в качестве аманатов девочек. Аманатами, как правило, были всегда мальчики.

Женитьба Ивана IV на дочери кабардинского князя Темрюка Идарова сыграла положительную роль в укреплении союза Кабарды и России. Этот брак является результатом политического» союза, заключенного между Темрюком и Иваном IV в 1557 г. С другой стороны, установленные династические связи возвысили авторитет и власть Темрюка Идарова не только среди соотечественников, но и "перед глазами владетелей Северного Кавказа. Теперь в постоянной междоусо'бной борьбе Россия могла быть сильной опорой для Темрюка.

В книге С. Броневского «Новейшие географические известия о Кавказе» (М., 1823) о женитьбе Ивана IV на Марии указывается: «Сей поступок, был ли он следствием пристрастия или политических вычетов, произвел по тогдашним обстоятельствам весьма выгодное для России сближение горских народов, наипаче кабардинцев...» Но С. Броневский допускает ошибку, когда он пишет, что Мария Темрюковна с братом Михаилом находились в Москве в качестве аманатов (С. ***Броневский,*** с. 80). Летописные сведении опровергают подобное мнение.

Когда встал вопрос о женитьбе русского царя Ивана IV, начались усиленные поиски подходящей невесты в дзаморских» стра-

яах. Как сказано в летописи, «и царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси приговорил послати искати себе невесты в Литву к королю о сестре, да к свейскому королю дочерей смотрити, да в Черкасы у черкасских князей дочерей же смотрить; ...а в Черкасы у черкасских князей дочерей смотрити и привести их к Москве Федора Васильевича сына Вокшсрина да подьячего Семейку Мякинина». Царь велел провести соответствующие приготовления, изготовить из золота и серебра одеяние для невесты (ПСРЛ. Спб., 1906. Т. 13, 2 пол. С. 329—330, 332. См. также: Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Т. I. С. 8, 9).

15 августа царские послы во главе с Вокшериным вернулись из Кабарды в Москву. Они привезли с собой дочь Темрюка Идаровича княжну Кученей (по-видимому, искаженное кабардинское -слово Гуаше — княгиня).

Была организована пышная свадьба, как это подобает царю. Английский путешественник Дженкинсон заметил одну деталь. Он пишет: «Его Высочество, будучи очень занят делами и готовясь вступить в брак с одной знатной черкешенкой магометанской веры, издал приказ, чтобы ни один иностранец и ни один местный житель (за исключением некоторых приближенных царя) не выходил из своего дома во время празднества. Причина такого распоряжения до сего дня остается неизвестной. 6-го следующего месяца сентября царь дал большой пир, к которому приглашены были все посланники... Я был в числе приглашенных» (Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937. С. 99).

Н. М. Карамзин так описывает женитьбу Ивана IV: «Тогда Иван, уже решительно остановил мысль быть Сигизмундовым зятем, искал себе другой невесты в землях Азиатских, по примеру -наших древних князей. Ему сказали, что один из знатнейших Черкесских владетелей, Темрюк, имеет прелестную дочь: царь хотел видеть ее в Москве, полюбил и велел учить закону. Митрополит был ея восприемником от купели, дав ей христианское имя Марии. Брак совершился 21 августа 1561 г.; но Иван не переставал жалеть о Екатерине, по крайней мере досадовать, готовясь мстить королю и за Ливонию и за отказ в сватовстве, оскорбительный для гордости жениха» ***(И. М. Карамзин.*** История государства Российского. Кн. 3. Т. 3. Гл. 1. С. 20).

Мария Темрюковна сыграла известную роль в политической борьбе и в умонастроениях Ивана IV. Н. М. Карамзин считает неудачным брак Ивана IV с черкешенкой. Он приписывает несвойственные ей черты.

«Кончина двух супругов его,— пишет Н. М. Карамзин,— столь несходных в душевных свойствах, имела следствия равно несчастные: Анастасия взяла с собой добродетель Иванова, казалось, что

Мария завещала ему превзойти самого себя в лютых убийствах., распустив слух, что Мария, подобно Анастасии, была отравлена тайными злодеями, он приготовил тем Россию к ужаснейшим наступлениям своей ярости» ***(Н. М. Карамзин.*** История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9. Гл. 3. С. 81).

Продолжая эту мысль, Н М. Карамзин писал: «Второй брак Ивана IV не имел счастливых действий первого. Мария, одною красЪтою пленив супруга, не заменила Анастасии ни дли его сердца, ни для государства, которое уже не могло с мыслью •> царице соединять мысль о царской добродетели. Современники пишут, что сия княжна Черкасская, дикая нравом, жестокая душою, еще более утверждала Ивана в злых склонностях, не сумев сохранить и любви его, скоро простывшей: ибо ои, уже вкусив опасную прелесть непостоянства, и не знал стыда. Равнодушный к Марии, Иван помнил Анастасию, и еще лет семь, в память ея, наделял богатою милостынею святые монастыри Афонские» ***(И. М. Карамзин.*** История государства Российского. М., 1989. Кн 3. Т. 9. Гл. 1. С. 26).

Негативные интерпретации Н. М. Карамзина по поводу личности Марии Тсмрюковны далеки от истины, они носят субъективный характер, вытекающий из его общей реакционной концепции. В самом деле Мария как государыня играла немалую роль в формировании политики царя. Существует мнение, что противники Ивана IV отравили Марию, в связи с этим заслуживает внимания следующий эпизод. Н. М. Карамзин производит слова Ивана IV, произнесенные в соборе: «Так Иван говорил Святителям (торжественно в храме Успения): «Злые люди чародейством извели первую супругу мою Анастасию. Вторая, княжна Черкасская, также была отравлена, и в муках, в терзаниях отошла ко господу. Я ждал немало времени и решился на третий брак» ***(Н. М. Карамзин.*** Кн. 3. Т. 9. Гл. 3. С. 114).

«Мария с честью была погребена в Москве, в Вознесенском девичьем монастыре; в надписи гроба означен день ея кончины». ***(И. М. Карамзин.*** Прим. к т. 9. Гл. 2. С. 62).

Существует также легенда о том, что Мария вместе с некоторыми княгинями потоплены в Шексне реке повелением царя Ивана IV.

Да, царь Иван IV не пощадил даже своего шурина. По этому поводу Н. М. Карамзин писал: «Шурин Ивана IV, князь Михаиле Темрюкович, суровый азиатец, то знатнейший воевода, то гнуснейший палач, осыпанный и милостями и ругательствами, многократно обогащаемый и многократно лишаемый всего в забаву царя, должен был с полком опричников итти в след за Довлет-Гиресм; он выступил и вдруг, сраженный опалою, был посажан

на кол» (*Н. М. Карамзин.* История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. Гл. 3, С. 110).

Защитник самодержавия, величайший русский историк Н. М. Карамзин жестоко обличал русского царя Ивана IV. Но и не оставлял в «обиде» ему преданного кабардинского опричника Михаила Темрюковича, сыгравшего роль в борьбе **с** войсками Довлет-Гирея, которые подходили к Москве по вине изменников царя, за это царь казнил своих подданных. Может быть, сын Темрюко Идарова, служившего царю, безвинно пострадал от несдержанного, жестокого царя Ивана IV. С характеристикой Н. М. Карамзина в полной мере нельзя согласиться.

ХЬУ1 (с. 128). См.: *Ш. Б. Ногма.* Филологические труды. Т. 1. С. 105—108.

ХЬУН **(с.** 130). См.: *Ш. Б. Ногма.* Филологические труды Т. 1. С. 86—90.

ХЬУШ **(с.** 130). «По просьбе Темрюка, переданной в Москве в декабре 1566 г. его сыном Матлом или Мазловым,— поставить город «на Терке-реке усть Сююнчи-реки» «для брежения от недругов его»,— весной 1567 г. из Москвы были посланы воеводы «для городового дела» — кн. А. С. Бабичев и Н. Протасьев «со многими людьми, да и. наряд, пушки, и пищали», которые шли по Волге на «судах. Русский город на Северном Кавказе был в том же году поставлен. По крымским сведениям, из Москвы для постройки города было прислано людей «тысячи две-три» (*Е. Н. Кушева.* Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.//Исторические записки, 1950. С. 275; ПСРЛ, 1904. Т. 13. С. 407). ;

По требованию Турции город был снесен в 1571 г. Однако по тгросьбе кабардинцев в 1578 г. он был восстановлен. Место, где был поставлен новый городок, точно указать трудно, по всей вероятности, он был поставлен на старом месте или неподалеку от него. По книге Большому чертежу он значится на левом берегу "Терека, как раз против устья Сунжи. Однако и этот городок просуществовал недолго. Он был снесен по требованию турецкого правительства. В 1585 г. в Москву прибыло большое посольство •«от всей кабардинской земли», чтобы выразить преданность Русскому государству. От имени кабардинского народа посольство просило, чтобы «их пожаловати всю землю Черкасскую кабардинскую держати в своем царском жалованье, под своею царскою рукою и в обороне от недругов». Далее послы сообщили, что «они учнут служить всякие государевы службы, где государь велит». •Снова был поднят вопрос о строительстве русского городка. Ставить город были посланы Бурцев и Протасьев, которые и соорудили в 1588 г. Терский городок, или «Терка». Иногда его называ-

ют Тюменьским острогом, по названию речки Тюменьки, которая: впадает в Терек. В Терке находился русский гарнизон «стрельцов» с воеводой. Сюда приходили служить кабардинские князья и уорки. Вскоре недалеко от него кабардинский князь Сунчалсй Янгалычев Черкасский основал кабардинскую слободу ***(Н. А. Смирнов.*** Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв. Нальчик, 1948. С. 19—22; ***С. К. Бушуев. Из*** истории , русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956. С. 43). Терский город служил связующим звеном между Русским государством и Кавказом. Он способствовал расширению и укреплению влияния России среди народов Северного Кавказа.

ХЫХ (с. 135). См.: ***Ш. Б. Ногма.*** Филологические труды. Т I. С. 48.

Ь (с. 136). См.: ***Ш. Б. Ногма.*** Филологические труды. Т. I. С. 93.

1Л (с. 139). См.: ***Ш. Б. Ногма.*** Филологические труды. Т.* Г. С. 95—100.

1Л1 (с. 143). Крымские феодалы совершили неоднократные походы на адыгов, в частности на Кабарду. Они на своем пути до основания уничтожали кабардинские села, грабили население, угоняли из Кабарды сотни людей для продажи в рабство. Кабардинцы облагались данью. В 1566 г. турецкий султан Селим писал крымскому хану, «чтоб к нему прислал черкесских ребят и девок чистых 300 человек», что и было исполнено. Турецкий историк Фундуклулу в работе «Семь планет» указывал, что черкесы обязаны были доставить каждому вновь восходившему на* престол хану 300 мальчиков ***(В. Д. Смирнов.*** Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. Спб. 1887. С. 343, 349).

Крымский хан Каплан-Гирей довел это количество до 3 тысяч человек. Он высокомерно заявил: «Меньше трех тысяч пленных я не беру!» Кабарда не выполняла это ханское требование. Кабардинский народ в тяжелой борьбе с крымчанами отстаивал свое право на самостоятельное существование.

1ЛН (с. 147). Кабардино-крьгмское сражение, о котором пишег Ш. Б. Ногмов, произошло в 1707 году. Поход, однако, имел плачевный для татар исход. Кабардинцы ночью внезапно напали на лагерь противника и перерезали «тех, кто не успел спастись бегством». Хан Каплан-Гирей едва спасся с несколькими приближенными ***(В. Д. Смирнов.*** Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889. С. 10—11). В этом сражении кабардинцы уничтожили 30 тысяч татар. В борьбе против Крымского ханства Кабарда получала реальную помошь от

России. Турецкое правительство и крымский хан угрожали Кабарде за союз с Русским государством.

В прокламациях турецкого султана и крымского хана, обращенных к кабардинцам, прямо указывалось: «...чего ради вы, московского государя войску пристав... на веру свою руки подняли?» Далее дается приказ принести повинную. «А буде того не учините и в нашей воле не будете, ни едина душа не спасется». В ответ на эти угрозы кабардинцы заявили, что они издавна находятся в подданстве России и «вам до нас нет дела» (ЦГАДА, Кабардинские дела, 1712—1715, д. 1, л. 67). После этого турецко-крымские войска дважды вторгались в Кабарду. В 1720. г. крымский хан Сеадет-Гирей занял Кабарду. Он потребовал от кабардинцев возмещения убытков, нанесенных ими во время вторжения в 1707 г., кроме того, 4 тысячи ясырей «да сверх того, чтоб да все заплатили, что в то число, как войско ханское побили и взяли добычи коней, ружья, панцирей и протчего» (ЦГАДА, Кабардинские дела, 1720, д. 1, л. 87). Кабардинцы отказались выполнить эти требования. Тогда ханские войска разорили некоторые села и принудили некоторых кабардинских князей к перемене подданства.

ЫУ (с. 149). В 20-х годах XVIII в. между феодалами Большой Кабарды началась междоусобная борьба, в основе которой лежали социально-экономические причины, а именно, вопрос о феодальных владениях. Ссора между братьями Баматом Кургокиным, Асланбеком Кайтукиным и Касаем Атажукиным привела к разделению Кабарды на две группировки — «партии». Сторонники Асланбека Кайтукина получили название «кашкатауско?!* партии» по имени горы Кашкатау, в верховьях р. Черека, куда они бежали из Большой Кабарды. Вторая «партия» именовалась «баксанской» (по названию р. Баксан). Во главе ее стоял Бамат Кургокин. Эти две группировки попеременно придерживались, различной политической ориентации. Опираясь на вооруженные силы крымского хана, Асланбск совершил ряд нападений на представителей баксанской «партии» с тем, чтобы одержать верх над своими противниками (/'. ***Кокиев.*** К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов//Ученые записки Института народов Востока. М., 1930. Т. 2. С. 89).

* (с. 150). Здесь имя Казанокова извращено, правильно Жабаги. Его жизнь и деятельность относится ко второй ' четверти XVII—первой половины XVIII в. Жабаги Казаноко был дворянином (уорком), являясь советником известного кабардинского деятели Асланбека Кейтукина, вел активную дипломатическую деятельность. Он вместе с князем Кургоко Хатокшукиным был организатором знаменитой Канжалской (по названию горы Канжала на границе Кабарды) битвы, когда в 1707—1708 гг. было разгромлено

30-тысячное войско хана. Имя Жабаги широко известно в адыгском фольклоре. Сохранились многочисленные варианты рассказов, посвященных его деятельности. К сожалению, в архивных фондах его имя встречается редко. Это объясняется тем, что в Кабарде в то время не велось делопроизводство.

Фольклорные материалы щедро пополняют этот дефицит. Многочисленные изречения и крылатые слова, наставления, неутомимая борьба против несправедливости завоевали ему народную славу. Сказания о Жабаги Казаноко встречаются и у балкарцев, кумыков, карачаевцев и т. д. В них отражаются политическая и духовная атмосфера Кабарды XVIII столетия. Цикл сказаний о Жабаги — ценный источник для изучения истории Кабарды первой половины XVIII в. Его исторические, философские, литературные взгляды требуют специального исследования. Жабаги Казаноко скончался в 1750 г. Его похоронили в сел. Казанокъуей. Надмогильный памятник Жабаги был перевезен в г. Нальчик, и сейчас стоит в садике «Свобода» (см.: Жабаги Казаноко: Материалы региональной научной конференции (30—31 октября 1985 г.). Нальчик, 1987).

(с. 150). «Речь идет об известном в русской истории кабардинском князе Александре Бековиче-Черкасском, который до принятия в России христианства назывался Девлет-Гиреем. Он происходил из знатного кабардинского княжеского рода Джамбулатовых. Бскович-Чсркасский, попав в Россию в качестве аманата, в петровскую эпоху сделался видным государственным деятелем Он был командирован Петром I за границу для изучения морского дела. По возвращении из-за границы женился на княжне Марии Борисовне Голицыной. Женитьбе Александра Черкасского на княжне Голицыной содействовал лично Петр- I, который приблизил его "к себе и произвел в чин капитана гвардии. Бекович-Черкасский играл большую роль в сближении Кабарды с Россией.

Большую роль Черкасский играл и в сношениях России с восточными странами. По поручению Петра I Александр Бекович-Черкасский возглавлял военную экспедицию в Хиву, где и погиб в 1717 г.» (см.: ***Г. Кокиев.*** Комментарии к истории адыгейского народа Нальчик, 1947. С. 146).

Во время персидского дохода Петра I (1722—1723) два владельца, един из Большой Кабарды, князь Эльмурза Черкасский (младший брат князя Александра Бековича), из Малой Кабарды Асламбек Келеметов, добровольно явились к государю Петру I со своими людьми и принимали участие в означенном походе» (Сборник сведений о кавказских горцах. 1876. Вып. 9. С. 117).

При изложении вопроса об участии кабардинских князей в походе Петра I в Астрахань в 1722 г. Ш. Б. Ногмов допустил

неточность. 27 июля 1722 г. Петр .1 высадился в Астраханском заливе. Одновременно конница, шедшая сухим путем из Астрахани, вступила в северный Дагестан. К этой группе войск присоединилась кабардинская группа из Большой Кабарды во главе с генералом Эльмурзой Черкасским (брат Александра Бековича Черкасского, соратника Петра I) и из Малой Кабарды отряд во главе о Асланбеком Келеметовым. Как неправильно: толкует Ногмов, к Петру явился не Девлет-Гирей Бекмурзин. Девлет-Гирей — это тот самый Александр Бекович Черкасский, который возглавлял Хивинский поход в 1717 г., играл большую роль в петровской дипломатии на Северном Кавказе в первой четверти XVIII в. Как указывают архивные материалы, Петр I послал его на Кавказ для организации войск в борьбе с Турцией. Кроме того, ему было поручено изучить природные богатства края. В феврале 1718 г. в Посольском приказе была сделана запись, что «по указу царского величества, князь Александр Бекович послал ево> [Султана-Алея] в Кабарду рудных мест осматривать. И сыскал о» в 4-х местах» (Кабардино-русские отношения XVI—XVIII вв. М., 1957. С 18; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 418).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯ

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Я

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава IV

Глава V

Глава VI